

**ПРОБЛЕМЫ
МЕТОДОЛОГИИ
И ЛОГИКИ НАУКИ**

Выпуск 8

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1975**

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И ЛОГИКИ НАУКИ

Выпуск 8

В сборнике рассматриваются вопросы логики познания, методологии науки, дается анализ некоторых философских категорий («структура», «причина», «теория»), исследуются некоторые актуальные вопросы наук о культуре, искусствоведения и др.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

*А. К. Сухотин (ответственный редактор), Е. С. Ляхович,
Л. М. Навозова*

1-5-3

ЛОГИЧЕСКАЯ ИСТИНА И ТАВТОЛОГИЯ

В. В. ЦЕЛИЩЕВ

То, что математика и логика дают истины другого рода, нежели эмпирические науки, стало философской догмой со времени Лейбница и Канта. Но вот объяснение этого различия представляет собой серьезнейшую проблему вплоть до сегодняшнего дня. Объявление истин математики истинами *suī generis*, то есть ни к чему не сводимыми и ни с чем не сравнимыми понятиями, устраняет проблему, но само по себе лишено философского интереса. В философии упомянутое различие пытались объяснить с помощью понятия необходимого утверждения, или более точно, с помощью разделения всех утверждений на аналитические и синтетические. И если относительно математических истин разгорелись философские споры, то относительно логических истин проявлялось полное единодушие — логические истины являются аналитическими истинами. Само понятие аналитической истины не является ясным и получило широкое распространение в философской концепции логических позитивистов через другое понятие — тавтологию.

В данной работе мы рассмотрим философские вопросы, связанные с понятием тавтологии, в частности, вопрос о том, являются ли математические и логические истины тавтологиями. Логические позитивисты, исходя из утвердительного ответа на этот вопрос, объявили математику и логику словесным знанием, конвенциональными истинами языка.

«Принципы логики и математики являются универсально истинными просто потому, что мы никогда не позволяем им быть другими. И причина этого в том, что мы не можем отказаться от них, не противореча себе, не погрешив против правил, которые управляют использованием языка»¹⁾.

Понятие тавтологии было введено Л. Виттгенштейном в его «Логико-философском трактате», и стараниями членов «Венского кружка» стало одним из важных понятий философии неопозитивизма. Речь идет, конечно, о философской интерпретации понятия тавтологии. В пропозициональном исчислении тавтологией называется формула, истинная при любых приписываемых значениях «истина» и «ложь» ее переменным. Переменные могут принимать два вида значений — предложения, могущие быть истинным или ложным, или же истинностные значения «истина» и «ложь», то есть формулы пропозиционального исчисления имеют два рода интерпретации, которые полностью взаимозаменяемы. Ясно, что понятию тавтологии свойственна характеристика необходимости в том

¹⁾ A. J. Ayer. *The A Priori*. in *Philosophy of Mathematics*. ed by Putnam H., Benacerraf P. N. Y., 1964, p. 293.

смысле, что утверждаемое тавтологией положение дел не зависит от случайных обстоятельств. Тавтологии не могут быть истинными при одной интерпретации и ложными при другой. Например, истинность тавтологии «если p влечет q , и q влечет r , то p влечет r » не зависит от фактов, отраженных в предложениях, которые могут подставляться на место переменных p , q , r . Интуитивно понятное отличие логических истин от эмпирических из-за тавтологического характера первых весьма трудно определить. Это уже понимал Б. Рассел: «...я не знаю ни одного определения тавтологии, которое можно было бы считать удовлетворительным, вопреки чувству, что знаком с характеристикой того, что желательно определить. На этой стадии ...мы достигли границы нашего путешествия вглубь к логическим основаниям математики»²⁾. Сложность состоит в том, что трудно понять, какого рода действительность отражается в универсально истинном предложении. Выход был подсказан неопозитивистским тезисом о том, что логика зависит от структуры языка, которая выбирается по соображениям удобства, и поэтому вопрос о справедливости логики, о том, какого рода реальность она отражает, является бессмысленным. Тавтологии с этой точки зрения являются пустыми; если эмпирические утверждения несут информацию о внешнем мире, то тавтологии являются носителями чисто лингвистической информации. «Когда мы говорим, что аналитические суждения (то есть тавтологии) лишены фактического содержания и, следовательно, что они ничего не говорят, мы не предполагаем, что они бессмысленны. Хотя они не дают нам информации ни о какой эмпирической ситуации, они все-таки просвещают нас, показывая способы использования нами определенных символов»³⁾.

Однако пустота тавтологических утверждений, коль скоро она имеет место, означает, что они не несут никакой информации, и всякая серьезная попытка объяснить этот факт только с помощью языка приводит к разработанной Р. Карнапом лингвистической доктрине логической истины⁴⁾. Анализ последней не является целью данной статьи; отметим только, что доктрина и понятие тавтологии выражают различные смыслы понятия аналитичности, и поэтому могут рассматриваться независимо друг от друга. Проблема экспликации понятия тавтологии упирается поэтому в проблему экспликации понятия информации, содержащейся в некотором истинном утверждении.

Обычно истинное предложение несет некоторую информацию в самом широком смысле слова. Далее можно согласиться, что одни предложения более информативны, чем другие. Тогда возникает вопрос об измерении информации, содержащейся в некотором предложении. Одни из способов подсказываются теорией информации. Любая исходная ситуация во внешнем мире, требующая описания, представляет собой некоторое число возможных альтернатив. Предложение тем более информативно, чем больше возможностей оно исключает.

Теперь нужно указать, что язык пропозиционального исчисления вполне удобен для описания некоторого числа возможных альтернатив. Пусть все эмпирические факты некоторого фрагмента действительности зафиксированы в совокупности элементарных предложений S_1, \dots, S_n . Тогда возможное состояние вещей в мире описывается конъюнкцией k предложений, каждое из которых есть некоторое S_i , либо его отрица-

²⁾ В. Russell. Introduction to Mathematical Philosophy. L., 1919.

³⁾ А. J. Ayer. Op. cit., p. 295.

⁴⁾ В. В. Целищев. Кризис неопозитивистской концепции логической истины. Изв. Сиб. отд. АН СССР. Серия общ. наук. (В печати).

ние $\sim S_i$. Например, рассмотрим случай $k = 2$, и пусть k_1 — «идет дождь», а k_2 — «дует ветер», и пусть это все, что можно сказать о погоде. Ясно, что существуют четыре возможности, соответствующие четырем конъюнкциям:

«идет дождь и дует ветер»,
 «идет дождь и ветер не дует»,
 «дождь не идет и дует ветер»,
 «дождь не идет и ветер не дует».

Такие конъюнкции, представляющие собой описания различных возможных состояний вещей во внешнем мире или возможные миры по Лейбницу, мы будем называть конст и т у е н т а м и. В пропозициональном исчислении каждое непротиворечивое предложение имеет нормальную форму, которая представляет дизъюнкцию конст и т у е н т о в. Предложение в такой форме допускает определенные возможности и исключает остальные. Предложение является истинным, если одна или больше из альтернатив, зафиксированных в соответствующих конст и т у е н т а х, реализуется во внешнем мире, и является ложным, если реализованное положение вещей им исключается. Каждая конст и т у е н т а может иметь определенную вероятность реализации своего возможного мира, то есть иметь определенный вес. Семантическая информация предложения есть сумма весов тех конст и т у е н т о в, которые представляют возможные миры, исключаемые предложением. Логически истинное предложение допускает все возможности, не исключая ни одной, и поэтому является предложением с нулевой информацией. Ясно тогда, что логические истины являются пустыми, и значит, тавтологиями.

Пропозициональное исчисление является недостаточным для большинства целей, поставленных перед элементарной логикой, включающей главную часть — кванторную теорию. Вопрос о том, являются ли логические истины безинформационными, то есть тавтологиями, может быть решен при построении теории семантической информации на базе кванторной теории.

Сам Виттгенштейн считал, что кванторная логика сводится к пропозициональной логике, и на этой основе объявил логику тавтологичной. Если универсум рассмотрения является бесконечным, подобное сведение невозможно. Одной из причин этого является невозможность спецификации всех объектов, входящих в универсумы рассмотрения всех возможных миров. Более естественно говорить о нескольких возможностях, касающихся одного действительного мира, нежели о различных мирах. Но с точки зрения логики второе выражение более удобно, и мы будем пользоваться им в дальнейшем, имея в виду, что объекты в возможных мирах могут быть одними и теми же. Спецификация объектов в описании есть их характеристика средствами заданного языка; в случае кванторной теории в них включаются предикаты, отображающие свойства и отношения объектов. Карнап предложил способ измерения семантической информации кванторных предложений с помощью полной спецификации всех объектов, включенных в универсумы рассмотрения. При этом он использовал концепцию описания как экспликат для концепции возможных миров. Из некоторого фиксированного набора констант и предикатов образуются элементарные предложения, составляющие основу описания состояния. «Класс предложений... который содержит для каждого атомарного предложения или само это предложение, или его отрицание, но не то и другое вместе, и не содержит никаких других предложений, называется о п и с а н и е м с о с т о я -

н и я, потому что оно, очевидно, дает полное описание возможного состояния универсума индивидов предикатами этой системы»⁵⁾). Аналогом конstituенты в пропозициональном исчислении теперь является описание состояния, включающее предикаты и переменные. Каждое описание состояния имеет вес, то есть определенную вероятность реализации этого состояния. Таким образом, имея в распоряжении понятие семантической информации для каждого логического предложения, выражающего свойства и отношение объектов, можно прийти к заключению о тавтологическом характере истин логики.

Методу Карнапа присущи крупные недостатки. Во-первых, в каждом описании состояния должны быть логически независимы предикаты и индивиды, что представляет сложную проблему⁶⁾). Далее полная спецификация всех объектов, входящих в описание состояния, предполагает фиксацию универсума рассмотрения, потому что его изменение влечет изменение важных характеристик предложений, в частности семантической информации каждого из них. В реальной ситуации универсума рассмотрения не являются четко фиксированными, и зачастую прогресс знания заключается во введении в универсумы теории новых объектов. Кроме того, в методе Карнапа при увеличении универсума семантическая информация предложения о существовании некоторого объекта становится меньше, хотя интуитивно ясно, что в большем универсуме найти индивид труднее, а поэтому информация утверждения о существовании индивида является большей, чем при меньшем универсуме.

Из всего этого ясно, что описанные выше подходы к определению семантической информации не являются удовлетворительными в той степени, чтобы объявить истины кванторной теории тавтологиями. Выход из упомянутых затруднений следует искать в таком исчерпывающем описании возникших миров, при котором не нужно было бы специфицировать все объекты, содержащиеся в этих мирах. Выражаясь более точно, вопрос состоит в том, можем ли мы перечислить все возможные виды миров, которые могут быть описаны данными средствами выражений.

Кванторное предложение можно охарактеризовать максимальным числом кванторов, области действия которых перекрываются; этот параметр, называемый глубиной предложения, имеет простой интуитивный смысл — максимальное число объектов, рассматриваемых в одно и то же время в их взаимоотношениях друг к другу в предложении. Я. Хинтиikka показал, что если при каждом описании возникших миров использовать предложение глубины меньшей некоторого заданного положительного числа, то задача исчерпывающего описания возможных миров может быть решена. Каждое непротиворечивое предложение кванторной теории может быть представлено в так называемой дистрибутивной нормальной форме (д. н. ф.), представляющей собой дизъюнкцию некоторых (возможно, всех) конstituент⁷⁾. При ограничении на глубину предложения число конstituент является конечным и д. н. ф. кванторного предложения напоминает нормальную форму пропозиционального предложения. Рассмотрим структуру д. н. ф.

Пусть имеется некоторое число одноместных предметов, например два предиката — «синий» и «квадратный». Спецификация объектов сс

⁵⁾ Р. Карнап. Значение и необходимость. М., 1959, стр. 38.

⁶⁾ W. V. Quine. Two Dogmas of Empiricism. From a Logical Point of View. Cambridge, 1953.

⁷⁾ J. Hintikka. Distributive Normal Forms in First Order Logic. In Formal Systems and Recursive Functions ed. by Crossley J. and Dummett M., Amsterdam, 196

стоит в указании следующих возможных случаев у всей совокупности объектов:

- (1) есть синий и квадратный,
- (2) есть синий и не есть квадратный,
- (3) не есть синий и есть квадратный,
- (4) не есть синий и не есть квадратный.

Возможные объекты являются возможными до тех пор, пока не указано, какие из них существуют, то есть являются реальными, а какие не существуют. Для этого к каждой из форм (1) — (4) либо приписывается экзистенциальный квантор (E_x), либо его отрицание. Пусть существуют объекты (1) и (4) и не существуют объекты (2) и (3). Аналог конституенты в этом случае есть предложение: «Существуют объекты, являющиеся синими и квадратными; и не существуют объекты, являющиеся синими и не являющиеся квадратными, и не существуют объекты, не являющиеся синими и являющиеся квадратными, и существуют объекты, не являющиеся ни синими, ни квадратными». Другие конституенты описывают остальные возможности, при которых существуют одни объекты и не существуют другие.

Подобным же образом определяются конституенты д. н. ф. кванторного предложения для предметов с конечным числом переменных; нужно отметить, что при этом резко усложняется спецификация возможных объектов. Дизъюнкция всех подобных конституент есть перечисление всех относящихся к действительности возможностей имеющихся в нашем распоряжении средствами языка. В интересующем нас случае это язык элементарной логики; логически истинное предложение будет тавтологией, если оно перечисляет все возможности. Это обстоятельство должно быть видно из д. н. ф. предложения: в ней должны содержаться все конституенты, и в этом случае предложение несет нулевую семантическую информацию.

При использовании n -местных предикатов возможны случаи, когда некоторые конституенты могут быть противоречивыми. Поскольку предложение в д. н. ф. есть дизъюнкция конституент, противоречивые конституенты опускаются из предложения. Это означает, что даже логически истинное предложение может не перечислять все возможности, которые относятся к внешнему миру. Является ли в этом случае логическая истина тавтологией, то есть истинной во всех возможных мирах? Ответ зависит от того, как соотносятся противоречивые конституенты и факты внешнего мира.

Наипростейшая концепция, принятая Я. Хинтиккой, состоит в том, что противоречивая конституента вообще не описывает нынешнего возможного состояния вещей и событий в мире. Именно противоречивость позволяет считать, что такое положение, которое конституента имеет целью описать, не может быть реализовано, и поэтому не нужно заботиться об его исключении из числа допустимых. Необходимое и достаточное условие того, что предложение кванторной теории допускает все возможные виды миров, которые реально возможны, состоит в том, что д. н. ф. предложения содержит все противоречивые конституенты: «знание, что определения конституенты являются противоречивыми, не дает нам никакой информации относительно реальности, о которой конституента имела целью говорить и отнюдь не несет тавтологического характера логических истин кванторной теории»⁸). При таком понимании семантической информации, которую Я. Хинтикка называет глуп-

⁸) J. Hintikka. Are Logical Truths Analytic? The Philosophical Review, v. 74, N 2, 1965, p. 195.

бинной информацией предложения, общезначимые выражения *кванторной теории*, то есть логические истины, не несут информации, и таким образом, являются тавтологиями. Но для того, чтобы осознать эту тавтологичность, нужно рассмотреть всю информацию, которую можно «выжать» из предложения, то есть требуется принять во внимание всю логическую систему, в которую входит предложение.

Для того чтобы обнаружить тавтологический характер предложения, нужно иметь способ распознавания противоречивых конституент. Между тем предложение в *д. н. ф.*, представляющее дизъюнкцию конституент, может содержать конституенты, противоречивость которых не является очевидной и которые поэтому не опускаются из предложения. Это значит, что некоторой противоречивой конституенте может быть ошибочно приписан некоторый вес, вносящий долю в общую оценку семантической информации предложения, тогда как на самом деле эта конституента не исключает никакой возможности. Если же такой способ есть, все противоречивые конституенты опускаются, и остающееся выражение будет тавтологией.

Однако по теореме Черча о неразрешимости *кванторной теории* мы не можем утверждать, что данное предложение *кванторной теории* в *д. н. ф.* глубины d не содержит противоречивых конституент, поскольку в противном случае имелся бы способ решения того, является ли некоторое предложение общезначимым. Дело в том, что конституента глубины d описывает возможное состояние с d объектами, каждый из которых взаимосвязан во внешнем мире с другими объектами. Это обстоятельство отражается в том, что конституента глубины d может быть разложена в дизъюнкцию конституент глубины $d+e$, и предполагается, что полученные таким образом конституенты описывают возможные состояния внешнего мира с $d+e$ объектами. Вполне может оказаться, что все конституенты глубины $d+e$ при разложении конституенты глубины d могут оказаться противоречивыми, делая тем самым противоречивой конституенту глубины d . Таким образом, противоречивость конституент может быть неизвестна при рассмотрении возможностей с d объектами, и обнаружена при рассмотрении $d+e$ объектов. Неразрешимость сказывается в том, что неизвестно, каким числом должно быть e . Я. Хинтиikka доказал, что для каждой противоречивой конституенты глубины d существует e такое, что на глубине $d+e$ будет показана ее противоречивость. Это означает, что глубинная семантическая информация предложения, хотя вычисление ее невозможно эффективным способом, считается чем-то завершенным.

Отсутствие эффективного способа вычисления глубинной семантической информации предложения делает это понятие малоприменимым в тех случаях, когда полный анализ предложения не представляется нужным или возможным. Поэтому желательно другое определение семантической информации, извлеченной из предложения перед тем, как оно подвергается анализу внутри логической системы.

При определении глубинной информации вес не приписывается всем противоречивым конституентам, чья противоречивость обнаруживается при разложении их до произвольно большой глубины. Представляет интерес такой подход, когда определение несомой предложением глубины d информации осуществляется приписыванием весов всем конституентам, кроме тех, чья противоречивость обнаружена на глубине d . Это и есть семантическая информация, которая извлекается из предложения перед его логическим анализом и которую Я. Хинтиikka называет *поверхностной информацией*. Поверхностная информация более естественна при анализе всякого рода интенциональных контекстов

типа «...значит, что...», «...верит, что...», поскольку в этих случаях вряд ли сообщается нечто, что можно извлечь только с помощью логических манипуляций.

Рассмотрим теперь понятие тавтологии, основанное на понятии поверхностной информации. Если из предложения p следует предложение q , то д. н. ф. предложения q должна включать все конstituенты, которые входят в д. н. ф. предложения p , потому что в противном случае найдется такое описание, которое утверждается в p и не утверждается в q , и тогда q не будет следствием p . Из этого следует, что логическое следствие q может иметь большую поверхностную информацию, чем p . Но тогда многие логические истины не являются тавтологиями в новом смысле слова.

Характеристикой чего является поверхностная информация предложения? В соответствии со взглядами Я. Ханттики, поверхностная информация дает знание о внешнем мире с двух сторон. При увеличении глубины предложения его поверхностная информация стремится к глубинной как к пределу, и поскольку процесс опускания противоречивых конstituент не требует эмпирических наблюдений, то первый вклад поверхностной информации есть знание о том, что во внешнем мире не может быть логически недопустимых ситуаций. Однако только логический анализ предложения не позволяет выявить всего того, что говорит о внешнем мире предложения.

Пусть имеется конstituента, дальнейший анализ которой до глубины $d + e$ показывает противоречивость всех ее компонент (а значит, и ее собственную). На глубине d мы не знаем о ее противоречивости и полагаем, что описываемые конstituентой возможные ситуации могут существовать во внешнем мире. Такое допущение в значительной мере определяет то, в какой степени концептуальная схема описывает внешний мир. С логической точки зрения нет никаких причин дальнейшего анализа конstituенты глубины d . Устранение противоречивых конstituент не есть процесс, необходимость которого вызывается потребностями концептуальной схемы. Таким образом, второй вид знания о внешнем мире, приносимый поверхностной информацией предложения, есть синтетическое знание, не сводящееся к анализу концептуальной схемы. В этом смысле логические и математические истины могут быть синтетическими.

Синтетичность предложений с теоретико-познавательной точки зрения, не будучи просто эмпирической характеристикой и не сводясь к логическому анализу, является характеристикой синтетического процесса получения нового знания.

Кроме того, получение новой поверхностной информации всякий раз определяется эпистемологическими предпосылками — может ли данный фрагмент языка отражать реальное положение дел. Анализ понятия поверхностной информации включает как основную часть исследование того, что определенные языковые структуры могут вообще ничего не описывать. Но ведь эти соображения относятся к свойствам концептуальных схем отражать внешний мир, и поэтому поверхностная информация есть также характеристика концептуальной схемы.

Двойственный характер поверхностной информации говорит о том, что «все, что мы стараемся сказать о реальности, неразделимо переплетено с вкладом нашей собственной концептуальной схемы. То, что мы можем прямо и непосредственно выразить или осознать, есть сложное образование, которое включает как элементы в неконцептуальной ре-

альности, так и элементы концептуальной схемы, используемой нами»⁹). В качестве подтверждения неразрывной связи Я. Хинтикка проводит теорему Черча о неразрешимости стандартной кванторной теории. Отсутствие эффективной процедуры обнаружения всех противоречивых конститuent (а это и есть неразрешимость) позволяет считать, что знание, полученное с помощью концептуальных схем, дается не глубинной, а поверхностной информацией.

Различение двух видов концептуальной информации проливает свет на вопрос, являющийся предметом спора между неокантианцами и неопозитивистами. Неопозитивисты упростили вопрос о тавтологическом характере истин логики и математики, что явилось одной из причин провозглашения формальных истин аналитическими а priori. Концепция «вещей в себе», независимая от всякой концептуальной схемы реальности, может быть легко отождествлена с глубинной информацией. Тем не менее нет необходимости предполагать специальный класс сущностей, называемых «вещами в себе» и являющихся основанием кантианской метафизики. «Для нас разговор о «вещах в себе» не означает разговора о некотором таинственном классе трансцендентных сущностей. Он равнозначен кое в чем драматическому способу разговора о совершенно обычных объектах в терминах, которые мы могли бы использовать, если бы не ограничения, налагаемые определенным способом работающей концептуальной схемы. В случае языков первого порядка эти ограничения принимают форму присутствия просто кажущихся возможностей во всем, что мы стараемся сказать. Говорить о вещах в себе, — следовательно, стараться обсудить мир в терминах скорее глубинной информации, нежели поверхностной»¹⁰).

Рассмотрение объективной реальности методом формальных систем с помощью понятия дистрибутивной нормальной формы предложений заранее ограничено конечными ресурсами языковых средств. Эта априорная ограниченность играет важную роль, поскольку именно в ней заложена абсолютизация связи объектов внешнего мира и концептуальных схем. Отождествление возможных состояний внешнего мира с непротиворечивыми конститuentами предложения в дистрибутивной нормальной форме ограничивает видение нашего внешнего мира до такой степени, при которой аргументация от языка к миру приобретает требуемый характер. Неразличность концепций и объектов есть следствие, хотя и не тривиальное, этого ограничения.

⁹) J. Hintikka. Are Mathematical Truths Synthetic A Priori? The Journal of Philosophy, v. 65, N 24, 1968, p. 649.

¹⁰) J. Hintikka. Information, Deduction and the A Priori. Nous, v. IV, N 2, 1970, p. 145.

ТЕОРИЯ ИНДУКТИВНОГО РАССУЖДЕНИЯ

В. Н. КОСТЮК

Теория индуктивного рассуждения рассматривает процессы подтверждения и выбора гипотезы в научном исследовании. Проблемы этой теории можно выявить при характеристике гипотетико-дедуктивного метода, основные черты которого таковы:

1. Имеется некоторое исходное утверждение (или группа утверждений) A , относительно которого неизвестно, истинно оно или ложно. Это утверждение получено в результате определенного содержательного процесса, от наличия и специфики которого мы здесь отвлекаемся.

2. Утверждение A фактическое в том смысле, что ни оно само, ни его отрицание не есть теорема логики или математики. Поэтому истинность (или ложность) этого утверждения не может быть установлена с помощью одних только абстрактных рассуждений логики и математики; для этого требуется обращение к эксперименту, к человеческой практике. Логически это означает, что возможно A и возможно не- A или что A проверяемо. Будем также говорить, что утверждение A может быть рассмотрено как некоторая (естественнонаучная или общественнонаучная) гипотеза, по отношению к которой ставится задача узнать, истинна эта гипотеза или ложна.

3. В соответствии с требованием, по которому практика является критерием истины, гипотеза A должна быть подвергнута объективному практическому испытанию. Характер этого испытания зависит от содержания гипотезы A .

В простейших случаях гипотеза A такова, что ее истинность или ложность может быть установлена подходящим для этой цели экспериментом. Такие гипотезы назовем непосредственно проверяемыми. Примером непосредственно проверяемой гипотезы может служить утверждение: «при взаимодействии с кислотой данное вещество окрашивается в красный цвет».

Тем не менее хотя каждая гипотеза проверяема (может оказаться истинной и может оказаться ложной), не каждая гипотеза непосредственно проверяема. Примером гипотезы (точнее, схемы гипотезы), которая не является непосредственно проверяемой, является утверждение «атом устроен так-то и так-то». Согласно гипотетико-дедуктивному методу, если гипотеза проверяема, но не непосредственно проверяема, то из нее могут быть получены (посредством логического вывода) непосредственно проверяемые следствия. Примером такого следствия (точнее, схемы следствия) может служить утверждение «если атом устроен так-то и так-то, то должно наблюдаться то-то и то-то». Вывод непосредственно проверяемых следствий из гипотезы является той частью

гипотетико-дедуктивного исследования, которая осуществляется с помощью теории дедуктивного рассуждения.

4. Пусть E есть некоторое непосредственно проверяемое следствие из гипотезы A и пусть в результате соответствующего эксперимента установлено, что E ложно. Тогда, если утверждение A не есть конъюнкция двух или большего числа других утверждений, гипотеза A считается ложной на основании дедуктивного правила вывода модус толленс («если из A следует E и E ложно, то A ложно»). Такое заключение исследователя является дедуктивным.

Но если гипотеза A есть конъюнкция, по крайней мере, двух гипотез A_1 и A_2 , то такое дедуктивное рассуждение, устанавливая ложность конъюнкции $A_1 \wedge A_2$, допускает истинность либо A_1 , либо A_2 . В этом случае исследователь сталкивается с необходимостью выбора из различных альтернатив, каждая из которых возможна. Такая задача, возникающая в рамках гипотетико-дедуктивного метода, решается уже теорией дедуктивного рассуждения. В отличие от теории дедуктивного рассуждения, которая характеризуется своими особыми логическими правилами вывода одних утверждений из других, теория индуктивного рассуждения характеризуется своими особыми правилами выбора между различными альтернативами.

5. Допустим теперь, что непосредственно проверяемое следствие E из гипотезы A оказалось истинным. В этом случае исследователь, руководствуясь теорией дедуктивного рассуждения, не может сказать ничего определенного о значении истинности утверждения A , ибо схема рассуждения «если из A следует E и E истинно, то A истинно» не является дедуктивно правильной. Исследователь может лишь сказать, что гипотеза A может быть истинной, но может быть и ложной. Это означает, что утверждение о значении истинности гипотезы A само должно рассматриваться как некоторая гипотеза. В результате исследователь сталкивается с необходимостью выбора между различными гипотезами: «гипотеза A истинна» и «гипотеза A ложна». Задача выбора между такими гипотезами решается в теории индуктивного рассуждения.

Таким образом, описание схемы применения гипотетико-дедуктивного метода в процессе научного исследования предполагает использование не только теории дедуктивного рассуждения, но и теории индуктивного рассуждения. Основные задачи теории индуктивного рассуждения определяются, как видим, следующим образом: а) сформулировать правила выбора гипотезы между различными допустимыми альтернативами; б) на основе утверждения, истинность которого известна, оценить значение истинности другого утверждения (других утверждений), которым интересуется исследователь и значение которого неизвестно исследователю. В индуктивной терминологии первое утверждение называется свидетельством, а второе гипотезой. Таким образом, эта задача сводится к оценке гипотезы на основе свидетельства.

Одна из особенностей этих задач состоит в том, что для своего решения они требуют введения нового семантического понятия, отличного от семантических понятий «истина» и «ложь» (и от обобщения этих понятий в случае, когда допускается более двух различных значений истинности). Это новое понятие есть понятие подтверждения гипотезы свидетельством. Необходимость введения этого понятия поясним с помощью следующих соображений.

Пусть A и B — два произвольных фактических предложения, взятые в данном порядке. Тогда между ними могут быть следующие три (и только они) соотношения: а) из A следует B , б) из A следует $\sim B$ (не B), в) из A не следует ни B , ни $\sim B$. В первом случае из истинности

А следует истинность *B*, во втором случае из истинности *A* следует ложность *B*, в третьем случае из истинности *A* не следует ни истинность, ни ложность *B*. Таким образом, в третьем случае ничего нельзя сказать об истинном значении *B*, даже если известно, что *A* истинно.

Возникает, однако, вопрос: что же все-таки можно сказать в этом третьем случае? Это далеко не праздный вопрос, поскольку в практике научного исследования случаи вида *в*) являются весьма частыми. Многие из них относятся к тому, что по традиции называется «индуктивным выводом».

Простым примером «индуктивного вывода» может служить неполная индукция, или «индукция через простое перечисление». Другим важным примером «индуктивного вывода» может служить рассуждение по схеме

из <i>A</i> следует <i>B</i>
<i>B</i> истинно
<i>A</i> несколько обоснованно

Как отмечает Д. Поия, такая «индуктивная схема... выражает убеждение, в котором, по-видимому, не сомневается ни один разумный человек... При небольшой внимательности мы можем в повседневной жизни, в суде, в науке и т. д. наблюдать бесчисленное множество рассуждений, соответствующих этой схеме»¹⁾.

При анализе такого рода рассуждений полезно, однако, отказаться от термина «индуктивный вывод» и употреблять термин «вывод» в том случае, когда в рассуждении можно вычленить посылки и заключение и заключение логически следует из посылок. Вместо «индуктивных выводов» мы будем в дальнейшем говорить об индуктивных рассуждениях, которые используют обычные приемы логического доказательства (и некоторые другие понятия и правила, специфические для индуктивного рассуждения) и которые устанавливают обоснованность одних утверждений другими.

Одна из причин такого изменения терминологии (и существа дела) состоит в том, что мы не хотим рассматривать индуктивное рассуждение как рассуждение от посылок к заключению, ибо в таком случае для индуктивного рассуждения неизбежно возникает проблема, поставленная Д. Юмом и известная как «проблема оправдания индукции», т. е. проблема установления принципа, гарантирующего истинность индуктивного «заключения» в случае истинности его «посылок».

Как известно, Д. Юм показал невозможность принципа, позволяющего из того, что нечто имело место некоторое число раз в прошлом, вывести с логической необходимостью, что оно произойдет и в следующий раз. «Хлеб, который я ел раньше, питал меня, ... но следует ли отсюда, что другой хлеб точно так же должен питать меня в другое время... Вывод этот, по-видимому, вовсе не необходим, ... ибо нет ничего противоречивого в предположении, что порядок природы может измениться и объект, подобный тем, с которыми мы познакомились на опыте, будет сопровождаться другими или противоположными действиями»²⁾.

Из этого рассуждения Юм затем выводит свою «скептическую» концепцию причинности. Но мы отвергаем не только концепцию причинности Юма, но и вообще существование для индуктивного рассуждения принципа, позволяющего гарантировать «истинность индуктивного заключения». Если в некотором рассуждении возможно выделить по-

¹⁾ Д. Поия. Математика и правдоподобные рассуждения. М., 1957, стр. 249.

²⁾ Д. Юм. Исследование человеческого разума. СПб., 1902, стр. 35, 37.

сылки и заключение и если из истинности этих посылок необходимо следует истинность заключения, то переход от посылок к заключению удовлетворяет в этом случае определению логического (семантического) следования и потому такое рассуждение является дедуктивным, а не индуктивным. Для индуктивного рассуждения существенным является другое логическое отношение, характеризующее не посредством «истины» или «лжи», а в терминах «подтверждение» или «неутверждение».

Разумеется, возможны и другие точки зрения на природу индуктивного рассуждения, которые пытаются обосновать «истинность индуктивного заключения», т. е. пытаются решить проблему «обоснования индукции». Но это не та точка зрения, которую мы принимаем. Мы полагаем, что в процессе развития знания часто используются рассуждения с заведомо неполными посылками, из которых невозможно логически вывести ни данное заключение, ни его отрицание. Но тогда то, что мы «выводим», вообще не есть «заключение», ибо заключение есть то, что логически следует из посылок. Вместо посылок и заключения в таком рассуждении следует говорить о свидетельстве и гипотезе, между которыми имеется (или не имеется) отношение подтверждения.

Отличие гипотезы от заключения состоит не только в том, что заключение должно быть доказано из посылок, а гипотеза не может быть доказана на основе свидетельства. Различие относится и к основанию для их принятия. Заключение принимается потому, что оно логически следует из посылок и посылки истинны, а гипотеза принимаема потому, что она более обоснована наличным знанием, чем остальные известные предложения (о том же самом).

Понятие подтверждения есть основное понятие теории индуктивного рассуждения, оно определяет специфику индуктивного рассуждения. В качестве основы для последующего изложения мы выделяем три основных вида отношения подтверждения гипотезы свидетельством.

1. Слабое подтверждение. Если свидетельство e слабо подтверждает гипотезу h , то это означает, что e совместимо с h , т. е. что совместное утверждение e и h не есть противоречие.

2. Подтверждение. Если свидетельство e подтверждает гипотезу h , то это значит, что гипотеза h обоснована при наличии e в большей степени, чем при отсутствии e .

3. Достаточное подтверждение. Если свидетельство e достаточно подтверждает гипотезу h , то это означает, что гипотеза h принимаема (может быть принята) на основе свидетельства e .

Каждому из перечисленных видов подтверждения соответствует вид неподтверждения гипотезы свидетельством. Если не имеет места 1, т. е. если свидетельство несовместимо с гипотезой, то свидетельство опровергает гипотезу. Если не имеет места 2, то свидетельство не подтверждает гипотезу. В том случае, когда гипотеза h обоснована при наличии свидетельства e в меньшей степени, чем при отсутствии e , скажем, что свидетельство e антиподтверждает гипотезу h . Наконец, если не выполняется 3, то гипотеза не принимаема на основе данного свидетельства. Построение теории указанных видов подтверждения и неподтверждения составляет основную задачу теории индуктивного рассуждения.

Сказанное позволяет уточнить, в каком смысле индуктивное рассуждение не есть логический вывод. Индуктивное рассуждение мы рассматриваем как процесс оценивания гипотезы на основе свидетельства. С помощью такой индуктивной оценки решается, в частности, вопрос о том, следует ли: а) отвергнуть гипотезу, б) принять гипотезу,

в) продолжить изучение гипотезы. Правила индуктивного рассуждения определяют, какое из указанных действий должно быть применено.

К. Поппер³⁾ обратил особое внимание на опровержение гипотезы посредством дедуктивного правила модус толленс. Задача науки, полагает он, состоит не в подтверждении, а в опровержении гипотез, ибо научные теории и гипотезы являются лишь временными ответами на поставленные вопросы. Поппер выдвинул тезис, согласно которому гипотеза обоснована постольку, поскольку потерпели временную неудачу все попытки ее честного опровержения. Такой вид обоснования гипотезы получил название корроборации.

Но процесс корроборации не может считаться альтернативой индукции как процесса подтверждения. Если гипотеза принимается (даже временно) в силу неудачи попыток ее опровержения, то это индуктивное подтверждение гипотезы в том смысле, что гипотеза утверждается здесь на основе свидетельства, из которого она не следует.

Для изучения различных видов подтверждения можно (хотя и не обязательно нужно) использовать понятие вероятности. В результате возникает вероятностная теория подтверждения. Эта теория имеет определенные достижения, но ее дальнейшее развитие предполагает преодоление ряда трудностей.

Одна из основных трудностей вероятностной теории индуктивного рассуждения связана с измерением степени подтверждения. Возражения против использования количественной степени подтверждения четко сформулировал Д. Пойя: «Какова правдоподобность закона тяготения Ньютона, если судить по фактам, собранным в первом издании «Начал»? Вообразим на минуту, что существует метод, позволяющий численно оценить такую правдоподобность... ввиду сложности фактов и их взаимоотношений оценка должна быть тонкой, а вычисления длинными. Стоит ли ее предпринимать? Возможно, стоило бы для нас ввиду исторической и философской важности открытия Ньютона. Но едва ли для Ньютона и его современников: вместо вычисления правдоподобности этой теории они при таких же усилиях могли бы изменить эту правдоподобность, развывая теорию и умножая наблюдения. Кажется нелепым посвятить 10 лет вычислению степени правдоподобности, которая имеет силу только одну секунду»⁴⁾.

Эти возражения правильны, но они относятся к знанию точного количественного значения степени подтверждения, а не приблизительной оценке степени подтверждения: последняя все-таки необходима. Ньютону и его последователям важно было знать, что гипотеза о законе всемирного тяготения более обоснована, чем другие гипотезы, претендующие на объяснение тех же фактов.

Вообще задача вероятностной теории индуктивного рассуждения не состоит в вычислении вероятностей предположений, как это утверждается, например, Р. Карнапом⁵⁾. Установление значений вероятности есть, вообще говоря, дело специального «оценщика» — авторитета в той области знания, к которой относятся предположения. Специалист по теории индуктивного рассуждения может лишь сказать, при каких условиях (в частности, значениях вероятности) данное предположение подтверждается (может быть принято), а при каких условиях оно не подтверждается (должно быть отвергнуто). Такие условия должны изучаться в теории индуктивного рассуждения.

³⁾ К. Поппер. *The Logic of Scientific Discovery*. London, 1959.

⁴⁾ Д. Пойя. *Математика и правдоподобные рассуждения*, стр. 401.

⁵⁾ Р. Карнап. *Философские основания физики*. М., 1971.

Возникающая здесь ситуация примерно такая же, как и в теории дедуктивного рассуждения. Правила дедуктивного рассуждения гарантируют, что если посылки дедуктивно правильного рассуждения истинны, то и заключение истинно; но они ничего не говорят о том, являются ли истинными посылки, которые использует исследователь. И правила индуктивного рассуждения ничего не говорят о том, как установить вероятность какого-нибудь предположения; но они указывают, что с этим предположением делать, когда его вероятность установлена.

Для конкретного построения вероятностной теории подтверждения необходима некоторая вероятность P . Такую вероятность будем строить в языке L , используемом исследователем. Символ $P(A, B)$ обозначает условную вероятность предложения A относительно предложения B , т. е. вероятность предложения A при условии, что предложение B истинно. Свойства этого символа характеризуются следующими вероятностными постулатами или аксиомами.

Пусть A, B, C — произвольные предложения в L , B отлично от противоречия.

$$P1. P(A, B) \geq 0$$

$$P2. P(\sim A, B) = 1 - P(A, B)$$

P3. Если (и только если) A есть теорема в L или $B \supset A$ есть теорема в L , то $P(A, B) = 1$.

$$P4. \text{ Если } A \supset C \text{ есть теорема в } L, \text{ то } P(A, B) \leq P(C, B)$$

$$P5. P(A \vee C, B) = P(A, B) + P(C, B) - P(A \wedge C, B)$$

$$P6. P(A \wedge B) = P(A)P(B, A)$$

Помимо условий вероятности $P(A, B)$ будем использовать также безусловную вероятность $P(A)$, которая вводится на основе условной вероятности следующим определением:

$$P(A) =_{df} P(A, t),$$

где t есть некоторая теорема в L . Заметим, что если A есть фактическое предложение, то из P2 и P3 следует, что $0 < P(A) < 1$.

Одна из особенностей системы аксиом вероятностей P1—P6 состоит в том, что эти аксиомы не определяют конкретные числовые значения вероятностей фактических предложений, следовательно, не определяют конкретные числовые значения вероятностей возможных гипотез и свидетельств. Это значит, что допускаются различные способы приписывания вероятностей фактическим предложениям языка, лишь бы каждый из этих способов был согласован с аксиомами P1—P6. Поэтому, если исследователь желает получить конкретные числовые значения вероятностей интересующих его гипотез, он должен использовать некоторый принцип приписывания вероятностей предложениям языка, независимый от P1—P6. Различные концепции вероятности и отличаются, в сущности, различными формулировками такого принципа.

Для теории индуктивного рассуждения нам представляется наиболее подходящей персональная концепция вероятности, которая представляет собой одну из математических моделей поведения человека в условиях неопределенности. В этой теории значения вероятности различным альтернативам приписывает идеально последовательная «рациональная» личность X . Эта личность наделена персональной вероятностной функцией P_x , которая изменяется в зависимости от личности и присутствующих ей знаний.

Вероятность $P_x(A, B)$ есть вероятность, которую исследователь X желает дать предложению A , если к его знанию добавлена информация « B истинно». В отличие от частотного понимания вероятности, персональная вероятность не предполагает обязательно «длинной серии испыта-

ний», она имеет смысл и при малом числе испытаний и даже при отсутствии их.

Теория персональных вероятностей развивалась в основном благодаря усилиям Ф. Рамсея, Б. де Финетти и Л. Севиджа⁶⁾. Эта теория допускает установление исследователем конкретных числовых значений вероятности событий (предложений). Но она не является частью психологии и не описывает того, как люди спорят или создают свои верования, ибо ее законы — это законы теории вероятностей (в частности, аксиомы P1—P6). Исследователь X, основываясь на своем знании, может приписать гипотезе h любую вероятность p . Но тогда гипотезе $\sim h$ он обязан приписать вероятность $1-p$, иначе его поведение не будет «рациональным».

Понятие «рациональности» означает, что при назначении персональных вероятностей исследователь должен руководствоваться только: 1) своим фактическим знанием e , 2) требованием, согласно которому нельзя нарушать аксиомы вероятности, 3) требованием, согласно которому необходимо пересматривать оценки вероятностей при получении дополнительного знания. Эта необходимость вызвана неполнотой фактического знания e , в силу которой персональные оценки вероятностей являются, как правило, приближительными.

Таким образом, объективность теории персональных вероятностей состоит не в том, что она приписывает различным людям одинаково оценивать одни и те же гипотезы; ее объективность проявляется в правилах построения одних вероятностей из других, а также в способности учитывать ранее допущенные ошибки. Механизм исправления персональных оценок вероятностей связан с теоремой гипотез Бейеса.

Вероятностную теорию индуктивного рассуждения, использующую теорему гипотез Бейеса для коррекции первоначальных оценок вероятности, назовем бейесианской. Следуя одному предложению Б. де Финетти⁷⁾, назовем эту теорию необейесианской в том случае, когда исследователь отказывается от постулата Бейеса, по которому первоначальные вероятности гипотез должны быть одинаковыми.

Перейдем к вероятностному описанию различных видов отношения подтверждения. Свидетельство e слабо подтверждает гипотезу h , если и только если $P(h, e) > 0$. Если $P(h, e) = 0$, то e опровергает h .

Из этого определения следует симметричность слабого подтверждения: если e слабо подтверждает h , то и h слабо подтверждает e (а также $\sim e$ слабо подтверждает $\sim h$). Кроме того, свидетельство e может слабо подтверждать несовместимые друг с другом гипотезы. Пусть, например, e означает «объект a имеет цвет», h означает «объект a красный». Тогда e совместимо как с h , так и с $\sim h$. Из этого следует также, что слабое подтверждение нетранзитивно.

Значительные споры вызывает вероятностное описание подтверждения. Р. Карнап высказал мнение, согласно которому подтверждение (степень подтверждения) гипотезы h свидетельством e может быть отождествлена с условной вероятностью $P(h, e)$, понимаемой в особом «логическом» смысле⁸⁾. Но существуют веские доводы, заставляющие не соглашаться с этим мнением. В частности, К. Поппер одним из первых указал на то, что высокая вероятность гипотезы влечет ее низкую информативность. Поэтому гипотеза «может быть высоко вероятной

⁶⁾ См.: L. Savage. The Foundations of Statistics, 1954.

⁷⁾ B. de Finetti. Probability: a Subjectivistic Approach. «Contemporary Philosophy», II, 1968.

⁸⁾ R. Carnap. The Logical Foundations of Probability. Chicago, 1950.

просто потому, что она ничего не говорит или говорит слишком мало»⁹). Выбор такой гипотезы противоречит цели научного познания.

Поппер приводит простой пример, показывающий, что подтверждение гипотезы h свидетельством e может существенно отличаться от вероятности $P(h, e)$. Рассмотрим некоторый универсум, элементы которого a, b, c, \dots с равной вероятностью могут оказаться голубыми, зелеными, красными или желтыми. Пусть гипотеза h_1 утверждает «объект a голубой», гипотеза h_2 утверждает «объект a не красный» и свидетельство e означает, что объект a нежелтый». Элементарные вычисления показывают, что в этом случае $P(h_1) = \frac{1}{4}$, $P(h_2) = \frac{3}{4}$, $P(h_1, e) = \frac{1}{3}$, $P(h_2, e) = \frac{2}{3}$,

откуда $P(h_2, e) > P(h_1, e)$. Но поскольку свидетельство e логически следует как из h_1 так и из $\sim h_2$, то оно скорее подтверждает гипотезу h_1 , чем гипотезу h_2 . Этот пример показывает, что условная вероятность $P(h, e)$ может быть большой за счет большой величины безусловной вероятности $P(h)$, а не за счет того, что свидетельство e действительно подтверждает гипотезу h .

Мы примем следующее вероятностное определение подтверждения. Свидетельство e подтверждает гипотезу h , если и только если

$$P(h, e) > P(h).$$

Такое определение равносильно тому, что Р. Карнап называет «релевантностью» свидетельства для гипотезы. Если e и h удовлетворяют вероятностному неравенству

$$P(h, e) < P(h),$$

то свидетельство e антиподтверждает гипотезу h . Наконец, если e и h удовлетворяют равенству

$$P(h, e) = P(h),$$

то свидетельство e несущественно для гипотезы h . Свидетельство существенно для гипотезы, если оно либо подтверждает, либо антиподтверждает эту гипотезу.

Особенность такого подхода к подтверждению состоит в том, что наличие подтверждения гипотезы свидетельством связывается здесь не с величиной условной вероятности, а только с тем, возрастает ли вероятность гипотезы в случае истинности свидетельства или не возрастает. Если вновь рассмотреть предложенный Поппером пример, то, согласно принятому определению подтверждения, поскольку $P(h_1, e) > P(h_1)$, $P(h_2, e) < P(h_2)$, свидетельство e подтверждает гипотезу h_1 , а не гипотезу h_2 , как это и должно быть в соответствии с интуицией исследователя.

Подобно слабому подтверждению, подтверждение обладает двумя видами симметрии: если e подтверждает h , то h подтверждает e и $\sim e$ подтверждает $\sim h$. Но в отличие от слабого подтверждения никакое свидетельство e не может подтверждать и гипотезу h , и гипотезу $\sim h$. Действительно, из равносильности неравенств $P(h, e) > P(h)$ и $P(\sim h, e) < P(\sim h)$ следует, что если свидетельство e подтверждает гипотезу h , то антиподтверждает гипотезу $\sim h$.

Одно из наиболее важных для методологии научного познания свойств отношения подтверждения выражается следующим образом: «если свидетельство e логически следует из гипотезы h , то e подтвер-

⁹ К. Поппер. Degree of Confirmation. «The British Journal for the Philosophy of Science», v. 5, N 18, 1954.

ждает h ». Действительно, если e следует из h , то в силу аксиомы вероятности РЗ имеем $P(e, h) = 1$, откуда

$$P(h, e) = \frac{P(h)}{P(e)}.$$

Поскольку, кроме того, $P(e) < 1$, то $P(h, e) > P(h)$.

Доказанное утверждение можно считать индуктивно-логическим оправданием таких действий исследователя, когда он, обнаружив истинность некоторого (фактического) следствия из гипотезы, считает эту гипотезу более обоснованной, т. е. подтвержденной этим следствием (как это и должно быть при применении гипотетико-дедуктивного метода). Но значение этого утверждения выходит за рамки обоснования гипотетико-дедуктивного метода. Оно позволяет показать возрастание вероятности изучаемой гипотезы без знания точного значения этой вероятности. Тем самым снимается одно из основных возражений против вероятностной теории подтверждения, согласно которому эта теория не реалистична, поскольку исследователь почти никогда не знает вероятностей исследуемых гипотез и не имеет в своем распоряжении средств для вычисления этих вероятностей. Но теперь оказывается, что для вероятностной теории подтверждения более существенно наличие вероятностей у гипотез и свидетельств, чем знание точных количественных значений этих вероятностей.

Остается рассмотреть достаточное подтверждение гипотезы с помощью понятия вероятности. С этой целью сформулируем условия, которым должен удовлетворять выбор гипотезы на основе свидетельства.

1. Выбор гипотезы происходит всегда на основе некоторого свидетельства, т. е. некоторого фактического знания, которое является истинным или считается таковым. При этом свидетельство должно удовлетворять условию полноты: оно должно включать в себя все известное в данный момент знание, существенное для гипотезы.

2. Если из свидетельства e следует $\sim h$, то гипотеза h опровергаема свидетельством e . Если из e не следует $\sim h$, то e и h совместимы. Совместимость гипотезы и свидетельства есть необходимое, но недостаточное условие принятия гипотезы на основе свидетельства.

3. Выбор гипотезы всегда происходит в сравнении. Это значит, что если некоторая гипотеза h совместима со свидетельством e , то для решения вопроса о приемлемости этой гипотезы ее следует сопоставить с другими известными гипотезами, совместимыми с e , но несовместимыми с h (конкурентами h). В простейшем случае гипотезу h следует сопоставить с гипотезой $\sim h$.

4. Сравнение конкурентных гипотез происходит всегда по некоторому свойству, например, по подтверждаемости (степени подтверждения) гипотезы свидетельством, по простоте гипотезы, и т. д.

Изучение процесса выбора гипотезы в теории индуктивного рассуждения производится посредством рассмотрения различных возможных правил выбора гипотезы, удовлетворяющих перечисленным условиям. Одним из наиболее простых правил такого рода является чисто вероятностное правило выбора P_B : «из всех гипотез, совместимых с данным свидетельством, следует предпочесть ту, которая наиболее вероятна относительно этого свидетельства». Несмотря на то, что такое правило применимо лишь в отдельных случаях, оно может служить исходной базой для изучения других, более глубоких правил выбора (принятия) гипотезы на основе свидетельства.

Для изучения свойств чисто вероятностного правила выбора P_B ограничимся рассмотрением только двух конкурентных гипотез h и $\sim h$.

Пусть вероятность гипотезы h относительно данного свидетельства e есть $P(h, e)$ и ε есть некоторая положительная (неотрицательная) величина, меньшая $1/2$. Тогда чисто вероятностное правило выбора P_B можно сформулировать в виде следующих трех альтернативных действий исследователя:

- 1) если $P(h, e) \geq 1 - \varepsilon$, то гипотеза h принимаема,
- 2) если $P(h, e) \leq \varepsilon$, то гипотеза h отвергаема,
- 3) если $\varepsilon < P(h, e) < 1 - \varepsilon$, то гипотеза h подлежит дальнейшему изучению.

Назовем 1) чисто вероятностным правилом принятия гипотезы или, ВПП, 2) назовем чисто вероятностным правилом отвергания гипотезы, или ВПО, 3) назовем вероятностным правилом сомнения в гипотезе, или ВПС. Термин «сомнение», как он здесь используется, не имеет ничего общего с «философией сомнения» и означает только, что гипотеза, к которой этот термин применяется, не принимается и не отвергается, но подлежит дальнейшему изучению.

Правило выбора P_B непротиворечиво: если гипотеза h принимаема на основе свидетельства e , то гипотеза $\sim h$ не принимаема на основе свидетельства e , и если гипотеза h отвергаема свидетельством e , то гипотеза $\sim h$ не отвергаема этим свидетельством. Кроме того, если из A следует B и A принимаемо, то и B принимаемо, а если B отвергаемо, то и A отвергаемо. По-видимому, это соответствует реальному процессу принятия и отвергания гипотез в науке и образует довод в пользу правила выбора P_B .

Вместе с тем относительно P_B имеет место утверждение, которое иногда воспринимается как довод против использования чисто вероятностного правила выбора гипотезы: «если гипотезы h_1 и h_2 принимаемы на основе свидетельства e по ВПП, то гипотеза $h_1 \wedge h_2$ не обязательно принимаема на основе этого свидетельства по ВПП; если гипотезы h_1 и h_2 отвергаемы свидетельством e по ВПО, то гипотеза $h_1 \vee h_2$ не обязательно отвергаема этим свидетельством по ВПО». Иначе говоря, множество принимаемых по ВПП гипотез не замкнуто относительно конъюнкции, а множество отвергаемых по ВПО гипотез не замкнуто относительно дизъюнкции.

Такие свойства правил ВПП и ВПО кажутся весьма странными с точки зрения дедуктивных правил вывода «из A_1, A_2, \dots, A_n следует $A_1 \wedge A_2 \wedge \dots \wedge A_n$ » и «из $\sim A_1, \sim A_2, \dots, \sim A_n$ следует $\sim (A_1 \vee A_2 \vee \dots \vee A_n)$ », которые можно переформулировать в виде следующего дедуктивного правила принятия и отвергания гипотез:

«(Д) из приемлемости каждой из n ($n \geq 2$) гипотез следует и приемлемость их конъюнкции, а из отвергаемости каждой из n гипотез следует и отвергаемость их дизъюнкции».

Многим исследователям правило (Д) кажется чем-то незыблемым. Вместе с тем совместное употребление (Д), ВПП и ВПО может привести к противоречию. Чтобы показать это, рассмотрим так называемый «лотерейный парадокс»¹⁰).

Пусть в некоторой «честной» лотерее имеется один миллион билетов, каждый из которых имеет вероятность выигрыша, равную 10^{-6} . Пусть h_i , $i = 1, \dots, 10^6$ есть гипотеза « i -й билет не выиграет». Тогда $P(h_i) = 1 - 10^{-6}$. Если $\varepsilon \geq 10^{-6}$, то $P(h_i) > 1 - \varepsilon$ и каждая такая гипотеза принимаемая по ВПП. Применяя (Д), мы получаем из этого, что принимаема и конъюнкция всех этих гипотез, т. е. гипотеза «ни один билет не выиграет». Но эта гипотеза противоречит свидетельству (утвержде-

¹⁰) См.: Н. Kyburg. Probability and Logic of Rational Belief, New York, 1961.

нию о том, что лотерея «честная») и должна быть отвергнута на основе ВПО. Это и есть лотерейный парадокс.

Лотерейный парадокс можно сформулировать и для правила отвергания. Для этого рассмотрим гипотезу h_j , $j=1, \dots, 10^6$, « j -тый билет выиграет». Поскольку $P(h_j) = 10^{-6}$, то при $\epsilon \geq 10^{-6}$ каждая такая гипотеза отвергаема по ВПО. В силу (Д) в таком случае отвергаема и гипотеза «хотя бы один билет выиграет». Но эта гипотеза имплицируется свидетельством (утверждением о «честности» лотереи) и поэтому принимаема на основе ВПП, ибо имеет максимальную вероятность 1.

Лотерейный парадокс показывает несовместимость правил выбора (Д) и P_B , но он не обнаруживает противоречия в самих вероятностных правилах выбора гипотезы. Без (Д) правила ВПП, ВПО и ВПС непротиворечивы и могут с успехом применяться в тех случаях, когда все рассматриваемые гипотезы имеют равные безусловные вероятности (или, в другой терминологии, имеют одинаковое «количество содержания»¹¹⁾).

Для иллюстрации этого утверждения рассмотрим так называемый «парадокс предсказания»¹²⁾. В воскресенье некий командир решил назначить на следующую среду марш для своих солдат. Он не сообщил солдатам день марша, но сказал, что им предстоит неожиданный марш, т. е. марш, день наступления которого они не смогут определить заранее.

Казалось бы, нет ничего невозможного в таком решении командира и назначенный на среду марш будет для солдат неожиданным, если только решение командира не станет известным солдатам. Однако простое рассуждение показывает, что это не совсем так.

В самом деле, неожиданный марш не может быть назначен на последний день недели (в субботу), ибо утром в субботу солдаты могут обоснованно заключить, что именно в этот день будет марш, поскольку осталась единственная возможность для проведения марша. Следовательно, суббота отпадает.

Но по той же причине неожиданный марш не может быть назначен и на пятницу: действительно, утром в пятницу солдатам уже известно, что суббота отпадает и что, следовательно, марш должен быть назначен на пятницу. Поэтому марш, назначенный на пятницу, также не будет неожиданным.

Аналогичное рассуждение показывает, что неожиданный марш не может быть назначен на четверг, среду, вторник, понедельник, т. е. ни на один день недели. Тем не менее марш произойдет по решению командира в среду и, если не будет утечки информации, марш будет для солдат неожиданным. Это и есть парадокс предсказания.

Заметим, что никаких трудностей с назначением неожиданного марша не возникает, если анализировать возможные исходы не с субботы, а с понедельника. Назначенный на понедельник марш будет неожиданным, так как он мог быть назначен на любой день недели; то же самое относится ко вторнику, среде, четвергу и пятнице. В каждый из этих дней недели имеется более чем одна возможность назначения срока марша, и поэтому назначенный на этот день марш должен быть для солдат неожиданным.

¹¹⁾ О мерах «количества содержания» см.: J. Bar Hillel and R. Carnap. Semantic Information. «The British Journal for the Philosophy of Science», v. 4, N 14, 1953.

¹²⁾ См.: B. Meltzer and I. J. Good. Two Forms of Prediction Paradox. «The British Journal for the Philosophy of Science», v. 16, N 61, 1965.

Одно из возможных решений парадокса предсказания состоит в отказе от правила выбора (Д) и в использовании вместо него чисто вероятностных правил выбора гипотезы. Основанием для такого решения может служить либо то, что в условиях «неожиданного марша» все гипотезы «марш может быть назначен на понедельник», «марш может быть назначен на вторник» и т. д. равновероятны, либо то, что все эти гипотезы имеют одинаковое «количество содержания».

Обозначим через h_1 гипотезу «неожиданный марш может быть назначен на субботу» и через h_2 гипотезу «неожиданный марш может быть назначен на пятницу». Из приведенного выше рассуждения следует, что обе гипотезы h_1 и h_2 отвергаемы. Но теперь из этого рассуждения не следует отвергаемость гипотезы $h_1 \vee h_2$ «неожиданный марш может быть назначен на субботу или на пятницу».

Если не отбрасывать возможность, связанную с гипотезой $h_1 \vee h_2$, то в четверг утром имеются две (а не одна!) возможности проведения марша: а) в четверг и б) в субботу или пятницу. Поэтому неожиданный марш возможен в четверг, ибо заранее неизвестно, какая из этих возможностей будет реализована. Но тогда неожиданный марш возможен и в среду, вторник и понедельник. Парадокс предсказания исчезает.

Таким образом, хотя чисто вероятностные правила выбора гипотезы имеют не очень широкую сферу применимости, применение их в пределах этой области может быть весьма плодотворным.

Вместе с тем следует указать недостатки чисто вероятностного правила выбора гипотезы, которые делают это правило неприменимым во многих случаях. Так, из аксиомы вероятности РЗ следует, что самыми вероятными относительно свидетельства являются те гипотезы, которые представляют собой следствия этого свидетельства. Таким образом, правило выбора P_B есть в некотором смысле правило максимальной осторожности: «следует предпочесть ту гипотезу, которая как можно меньше выходит за пределы того, что утверждается в свидетельстве».

Кроме того, в процессе выбора гипотезы может встретиться такая, например, ситуация: $P(h) = 0,8$, $P(h, e) = 0,7$, $\varepsilon = 0,3$. Тогда $P(h, e) \geq 1 - \varepsilon$, но $P(h, e) < P(h)$. В силу первого из этих неравенств мы принимаем гипотезу h на основе свидетельства e , которое, как видно из второго неравенства, антиподтверждает эту гипотезу. В этом случае гипотеза h принимаема не на основе свидетельства e , а несмотря на это свидетельство. Поэтому наряду с правилом выбора P_B , следует сформулировать такие правила выбора гипотезы, которые не являются чисто вероятностными и принимают во внимание многие другие факторы (помимо вероятности), важные в научном исследовании (например, степень подтверждения).

Назовем функцией подтверждения двухаргументную функцию, определяемую равенством

$$C(h, e) =_{df} \frac{P(h, e) - P(h)}{P(h, e) + P(h)}.$$

Эта функция отличается от вероятности, поскольку она может принимать отрицательные числовые значения. Но она есть некоторая функция от вероятностей.

Сопоставляя определение $C(h, e)$ с определениями подтверждения, антиподтверждения и несущественности (свидетельства для гипотезы), получаем:

1) гипотеза h подтверждается свидетельством e , если и только если $C(h, e) > 0$;

2) гипотеза h антиподтверждается свидетельством e , если и только если $C(h, e) < 0$;

3) свидетельство e несущественно для гипотезы h , если и только если $C(h, e) = 0$.

Таким образом, функция $C(h, e)$ может быть использована для определения понятия подтверждения. Но она может быть использована также для определения степени подтверждения. Действительно, функция $C(h, e)$ монотонна, свое наибольшее положительное значение она получает, когда из e следует h , а наименьшее отрицательное значение — когда из e следует $\sim h$. Поэтому положительные значения этой функции могут рассматриваться как степень, в какой свидетельство e подтверждает гипотезу h , а отрицательные значения этой функции могут рассматриваться как степень, в какой свидетельство e антиподтверждает гипотезу h .

На основе функции $C(h, e)$ можно сформулировать следующее правило Π_c выбора гипотезы: «из всех конкурентных гипотез, совместимых со свидетельством e , следует принять ту гипотезу, степень подтверждения которой этим свидетельством наибольшая».

Пусть $P(h_1) = 0,7$, $P(h_1, e) = 0,6$, $P(h_2) = 0,3$, $P(h_2, e) = 0,4$. Тогда на основе правила Π_c должна быть принята гипотеза h_2 , ибо $C(h_2, e) > C(h_1, e)$. Интересно отметить, что в этом случае менее вероятная гипотеза предпочитается более вероятной, что подчеркивает отличие правила выбора Π_c от чисто вероятностного правила выбора гипотезы.

Могут (и должны) быть сформулированы и многие другие правила выбора гипотезы на основе свидетельства, каждое из которых имеет свою особую область применимости в научном исследовании. Изучение этих правил составляет одну из основных задач теории индуктивного рассуждения. Можно даже сказать, что если теория дедуктивного рассуждения изучает в основном правила вывода одних утверждений из других, то теория индуктивного рассуждения изучает правила выбора из множества конкурентных утверждений.

О СООТНОШЕНИИ ИСТОРИОГРАФИИ И НАУКОВЕДЕНИЯ

В. А. ДМИТРИЕНКО

Одним из естественных продуктов взаимодействия истории науки и науковедения является реальная возможность постановки вопроса о предмете и задачах истории концепций науки, представляющей собой историографический аспект познания сущности науки. Любая современная, достаточно развитая, отрасль знания имеет свой историографический раздел, составляющий предмет специальных научных исследований, что служит основанием для изучения проблем в двух основных плоскостях: во-первых, в аспекте общей методологии историографического исследования и, во-вторых, в плане специальной методологии историографического анализа, детерминируемого, в конечном счете, характером предмета соответствующей науки. Общие методологические принципы исторического анализа в настоящее время являются актуальной и вместе с тем крайне недостаточно изученной областью научных исследований, по которой фактически отсутствуют специальные монографические работы, хотя отдельные общие положения, главным образом в имплицитной форме, разумеется, содержатся во многих исследованиях.

Значительно лучше в этом отношении обстоит дело со специальной методологией историографического исследования, в которой наибольших успехов достигли представители исторической науки. Данное обстоятельство и служит решающим основанием для обращения к результатам научных исследований ученых-историков и имеет своей целью определение сущности истории концепций науки как относительно самостоятельной отрасли знания. В исторических исследованиях вопрос о задачах историографии выступает в качестве важного предмета научного познания, вокруг которого ведутся напряженные научные дискуссии, породившие большой массив литературы. Мы остановимся на этом вопросе лишь в той мере, которая необходима для уяснения характера задач, стоящих перед историей учений о науке.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что обращение к исследованию специфики и характера взаимосвязи науковедения и историографии имеет под собой достаточно серьезные основания, чтобы стать предметом специального научного исследования. Для науковедения историография выступает как вполне реальный пример одной из наук о науке или науки об исторической науке. Историография являет собой яркую иллюстрацию второго крупнейшего разделения научного труда, связанного не со спецификой подхода к соответствующей предметной области, а функциональной специализации ученых, деятельность которых посвящена изучению самой науки. Процесс образования отрасле-

вых наук о науке, по-видимому, займет целую эпоху в развитии совокупной науки. Возникновение самосознания науки, тем более в научной форме, представляет собой довольно сложный процесс, анализ которого сопряжен с большими трудностями, особенно на первоначальных этапах своего формирования, поскольку в этот период оно еще размыто в структуре научного сознания, как таковом. Поэтому выяснение тех обстоятельств, благодаря которым историография превратилась в профессионально-самостоятельный род историко-научных исследований, представляет немаловажное значение для науковедения.

На каком этапе развития базовой науки появляется потребность в создании особой группы ученых, занимающихся изучением не самой предметной области соответствующей науки, а историей и теорией того, как она изучалась? Ответ на этот вопрос можно получить, очевидно, лишь посредством анализа общей ситуации в науке, приведенной к такому разделению труда ученых. Вот почему вполне закономерен интерес науковеда к историографическим исследованиям. Становление и развитие специальных историографических отраслей знания представляет, безусловно, глубокий интерес для теоретика науки, так как позволяет на примере историографического анализа науки найти необходимый материал для обоснования более широких научных обобщений и открывает возможности для выделения общего в самом процессе познания науки как целостной системы. В свою очередь историограф в науковедении может подчеркнуть необходимые общие теоретические посыпки для анализа конкретной отрасли знания с учетом более широкого опыта исследования науки.

Опираясь на результаты науковедческого анализа, историограф получает возможность более строго определить содержание предмета историографических исследований и в значительной мере обогатить методологический арсенал своей науки. Поскольку одна из важнейших функций историографии заключается в выработке информации, необходимой для управления и оптимизации историко-научной деятельности, то в этом смысле полезно обращение к науковедению для выявления функций историографии как относительно самостоятельной отрасли знания. Генезис и развитие историографии позволяют исследовать уровни и основные этапы развития научного самосознания, что чрезвычайно существенно для выявления общих закономерностей, которым оно подчиняется. Появление отраслевых историографий представляет собой процесс становления реального эмпирического базиса общей теории науки. Общие принципы подхода к анализу науки выступают как закономерный продукт рационального обобщения совокупного опыта историографических, философских и науковедческих исследований. Для современного этапа науковедения является весьма актуальной задача аккумуляции опыта историографических исследований в различных областях знания. Для историографа принципиально важно общее понимание содержания науки для выработки научно обоснованных программ историографических исследований. Таковы решающие аргументы в пользу обращения к вопросу о предмете историографии.

Исторически первые попытки выделения историографии России в особую область знания представлены, как известно, в трудах М. О. Кояловича, В. С. Иконникова, А. С. Лаппо-Данилевского, С. М. Соловьева, П. Н. Милюкова, В. О. Ключевского и других буржуазных историков. Однако справиться научным образом с решением такого рода проблем буржуазные историки не могли как в силу своих общемировоззренческих позиций, так и по причине неспособности дать сколь-нибудь строгое определение предмета истории как особой отрасли знания. Совершенно правильно по этому поводу пишет А. М. Са-

харов: «Буржуазная историческая наука не смогла справиться с определением предмета истории науки, тем более, что на рубеже XIX—XX вв. она все более запутывалась в определении предмета самой исторической науки, все более сомневалась и в наличии объективных закономерностей исторического развития, и в возможности их познания»¹⁾.

Наиболее существенным недостатком, характерным для всей буржуазной историографии, включая наиболее крупных представителей этой науки, являлось сведение реального хода развития исторической науки к двум основным моментам: во-первых, к исследованию исторической литературы и исторических источников и, во-вторых, к анализу исторических концепций, воззрений и идей ученых-историков. Развитие исторической науки в таком случае приобретало либо форму филиации исторических идей, объясняемых посредством своего внутреннего латентного движения, либо сводилось к процессу расширения и накопления эмпирического базиса исторической науки без какой-либо отчетливо выраженной теоретической экспликации. Так, например, в одной из первых работ, посвященных анализу исторической науки в России, написанной М. О. Кояловичем, основная задача историографии определяется следующим образом: «... кто желает изучать русскую историю, тому нельзя ограничиваться немногими книгами, а нужно читать много книг, и не только системы, но и исследования по отдельным вопросам и даже самые первые источники. Из этого уже можно видеть как важна история этой науки, или как ее обыкновенно называют, литература русской истории — это история русского научного сознания»²⁾.

Формулируя столь узко задачи историографии, М. О. Коялович в то же время подходит к их решению с субъективистских позиций. Исследуя пути развития русской исторической науки, он говорит о том, что «...видел как бы руководящие надписи: «объективность, научность». Но историческое чутье и горький опыт слишком часто показывали, что эти надписи не верны, что вместо их нужно бы надписать: «субъективность, известный угол зрения»³⁾. Русский буржуазный историк более высокого класса П. Н. Милюков в своих трудах по историографии также не сумел выйти за рамки буржуазного кругозора в интерпретации сущности историографии, которую он сводил к истории исторических концепций. Свою главную исследовательскую задачу в области русской историографии он видел в том, чтобы: «... дать общую картину развития и взаимной смены тех теорий и общих взглядов, которые осмысливали для предшествующих поколений специальную работу над русской историей»⁴⁾.

И, наконец, примером многолетнего труда в области русской историографии, в значительной мере расширившего источниковедческую базу исторической науки и давшего описание библиографии основных работ в этой области того времени, явилось исследование В. С. Иконникова, страдающего, однако, эмпиризмом и отсутствием четкой методологической позиции автора в решении принципиальных историографических проблем. Поэтому и предмет историографии он сводит, по существу, к изучению источников и литературы⁵⁾.

¹⁾ А. М. Сахаров. О предмете историографических исследований. История СССР, 1974, № 3, стр. 92.

²⁾ М. О. Коялович. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб, 1901, стр. XLV.

³⁾ Там же, стр. XVII.

⁴⁾ П. Милюков. Главные течения русской исторической мысли. Т. М., 1898, стр. 1.

⁵⁾ См.: В. С. Иконников. Опыт русской историографии. СПб., 1891. Т. 1, кн. I, стр. 258.

Вышеизложенные воззрения на сущность предмета историографии являются типичными для многих буржуазных историков. Полное пренебрежение к социальным условиям развития и функционирования исторической науки или непонимание и недооценка социальных основ ее детерминации, прежде всего роли и значения общественного производства, служило и продолжает служить одним из главных препятствий на пути к установлению научных представлений как по вопросу предмета и задач самой исторической науки, так и тем более предмета и задач историографии.

Возникновение марксизма явилось новым качественным этапом в развитии исторической науки. Опираясь на богатое идейно-теоретическое и методологическое наследие классиков марксизма, советские историки проделали значительную работу и по выяснению предмета марксистской историографии. Плодотворные исследования в этой области начаты трудами советских историков: Е. А. Косминского, Н. Л. Рубинштейна, А. В. Черепнина, А. И. Данилова, М. В. Нечкиной, С. О. Шмидта, А. М. Сахарова, С. Л. Петича, А. А. Шапиро, Е. Н. Городецкого и других. В работах данных авторов поставлены ключевые проблемы историографии как особой отрасли знания, исследован ее предмет, проблематика, методологический и методический арсенал, историко-научная база.

Совершенно иная картина сложилась в науковедении, где историографический подход, по существу, еще не нашел своего отражения⁶⁾. Одной из причин, объясняющих сложившуюся ситуацию в науковедении, является относительная новизна данного направления, которое в значительной части своего содержания, проходит лишь первоначальные стадии своего развития. В этих условиях вполне закономерен интерес ученых к прикладным областям науковедения, где можно обнаружить наиболее существенные успехи науковедческого анализа. Исследование собственно методологических проблем науковедения и тем более анализ теоретических истоков его происхождения занимает крайне незначительное место в общем фронте науковедческих исследований⁷⁾. Отсутствие специального историко-научного обоснования науковедения делает его в такой мере модным и даже экстравагантным, что вполне естественно рождает стремление к выявлению теоретических истоков данного направления и тем самым открытию путей для более реалистической направленности в оценке его действительного научного статуса. Итак, каково же содержание (хотя бы в общих чертах) и предмет истории учений о науке?

Предмет науки, как известно, является определяющим элементом ее состава, который вместе с методом характеризует то необходимое, что позволяет всерьез ставить вопрос о возможности существования особой отрасли знания. История концепций науки, в известном смысле, является историографической областью знания и в этом своем качестве, как уже отмечалось, она имеет много общего с тем, что характеризует предмет марксистской историографии в целом. Поэтому имеет смысл на последнем остановиться более детально.

В современной марксистской историографической литературе наибольшее распространение получила точка зрения на предмет историо-

⁶⁾ Достаточно яркой иллюстрацией сказанному является проблематика, которую затронули участники общеакадемического семинара «Проблемы методологии историко-научного исследования» в г. Обнинске. Рецензию о его работе см.: Н. И. Кузнецов, О. В. Максимов. «Проблемы методологии историко-научного исследования». Вопросы философии, 1974, № 7, стр. 156—159.

⁷⁾ См. более подробно С. Р. Микулинский, Н. И. Родный. История науки и науковедение. В кн. «Очерки истории и теории развития науки». М., 1969, стр. 35—66.

графин, согласно которой историография определяется как наука об исторической науке. Поскольку данная точка зрения является доминирующей и по настоящее время, то на ее анализе необходимо остановиться особо. Впервые в марксистской историографии такая позиция нашла свое отражение в трудах Е. А. Косминского и Н. Л. Рубинштейна. Касаясь этой проблемы, Е. А. Косминский писал: «историография — это, собственно, самый процесс писания истории. Когда мы говорим об историографии, то мы имеем в виду обзор мнений историков по тем или иным вопросам. Данный же курс должен дать нам в историческом разрезе историю того, как писали историю,— историю развития исторической науки»⁸). Н. Л. Рубинштейн полагает, что историография «...изучает рост науки в развитии ее содержания, историю творческого пути науки в развитии научной мысли»⁹). И кроме того, весьма существенной формой интерпретации предмета историографии, особенно в науковедческом плане, является утверждение Н. Л. Рубинштейна о том, что «история развития исторической науки есть своеобразное развитие общественного самосознания в истории»¹⁰).

Взгляды Е. А. Косминского и Н. Л. Рубинштейна оказали влияние на последующее развитие историографии и явились первоначальной стадией научного понимания сущности ее предмета. Лучшей иллюстрацией в пользу сказанного являются суждения самих ученых по вопросу о предмете историографии, которые, несмотря на отдельные нюансы, в общем и целом шли в рамках того понимания предмета историографии, которое было дано в работах Е. А. Косминского и Н. Л. Рубинштейна. Вот непосредственные свидетельства сказанному: «... марксистско-ленинская историография рассматривает историю исторической науки не как хаотическое нагромождение теорий и имен, а как определенную часть идеологической надстройки того или иного общества. Историю исторической науки марксистско-ленинская историография рассматривает как часть общественной мысли. Задача историографии — не только констатировать то или иное историческое явление, но и объяснить его, исходя из определенных исторических условий»¹¹). Л. В. Черепнин: «Историография... изучает развитие исторической науки в целом в какой-либо стране или в ряде стран, выясняет, как постепенно складывались представления о прошлом человечества, о развитии человеческого общества»¹²). А. И. Данилов: «Историография как история исторической науки изучает содержание и форму развития исторических знаний»¹³).

Аналогичную позицию по данному вопросу занимают и многие другие советские авторы, в частности, М. В. Нечкина, А. М. Сахаров, С. А. Токарев, К. Д. Петряев и другие. А. М. Сахаров в недавно опубликованной статье приводит богатый материал, иллюстрирующий взгляды советских авторов на сущность предмета историографии, кото-

⁸) Е. А. Косминский. Историография средних веков. V в. — середина XIX в. МГУ, 1963, стр. 7. Необходимо отметить, что курс академика Е. А. Косминского по историографии, читаемый им с 1938 г., в Московском университете, был опубликован лишь после его смерти (1959), что, разумеется, не может умалять заслуг автора в первоначальной разработке методологии марксистской историографии.

⁹) Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. Госполитиздат, 1941, стр. 7.

¹⁰) Там же, стр. 10.

¹¹) Очерки истории исторической науки в СССР. Под ред. М. Н. Тихомирова, М. А. Алпатовой, А. Л. Сидорова. Т. I, М., 1955, стр. 13.

¹²) Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века. Курс лекций. Изд-во МГУ, 1957, стр. 4.

¹³) А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX начала XX в. Изд.-во АН СССР, М., стр. 3.

рый частично использован нами для анализа основных подходов к предмету историографии. В этой работе, резюмируя ход раскрытия содержания предмета марксистской историографии, А. М. Сахаров отмечает: «Эволюция понимания предмета историографии в советской исторической литературе шла в направлении от сведения историографии к разновидности истории общественно-политической мысли до самого широкого охвата всех возможных произведений культуры на историческую тему; от историографии (история исторической мысли) — к историографии (истории исторической науки) и от этой последней — к историографии — истории исторических знаний, взятых во всех формах и проявлениях»¹⁴).

Думается, что такого рода итог не столько венчает действительное развитие понимания сущности проблемы, сколько выступает желаемой формой движения теоретической мысли на пути к точке зрения, защищаемой самим автором. Дело в том, что изменения в понимании предмета историографии определяются изменениями в интерпретации содержания самой исторической науки, которые в свою очередь обуславливаются тем, как понимается сущность науки, как таковой. А поскольку долгое время в марксистской философской литературе господствовал взгляд на науку, согласно которому она представляет собой систему знаний и определенную форму общественного сознания, то вполне естественно, что применительно к задачам историографии такая точка зрения трансформировалась в определенное виденье ее предмета, а именно: как истории развития исторического знания. Однако такая позиция весьма близко отстоит от опасности скольжения в направлении к взглядам буржуазных историографов, сводящих историческую науку к системам идей, воззрений, учений и т. д., т. е. фактически к знанию.

Чувствуя неудобство занимаемой позиции, особенно исходного пункта (т. е. сведения исторической науки к историческому знанию), даже наиболее последовательные сторонники данной точки зрения стремятся выйти за ее пределы в следующих основных направлениях: во-первых, посредством подчеркивания роли и значения социальных условий в развитии исторических знаний и тем самым, по сути дела, выходом за пределы ранее принятого определения предмета историографии; во-вторых, акцентированием внимания на специфике взаимосвязи исторического самосознания с другими формами общественного сознания; в-третьих, в обращении особого внимания на роль и значение методологии исторического познания. Типичной в этом отношении является точка зрения А. И. Данилова, который, с одной стороны, признает, что историография изучает историческую науку как специфический вид знания, а с другой — протестует против сведения ее к «чистому историческому знанию». Он пишет: «Мы принципиально не можем считать приемлемым ни сведение историографии к истории «чистого исторического знания» — так это означало бы игнорирование того факта, что объективная истина в исторической науке всегда существовала в определенной субъективной форме и никогда не выступала как объективная истина в конечной инстанции, ни ограничение истории исторической науки выяснением смены мировоззрений или истории политических идей различных классов, — так как при этом молчаливо предполагается, что исторические знания по самому существу своему лишены объективного научного содержания, что они ограничиваются в каждый данный момент лишь теми представлениями об историческом прошлом,

¹⁴) А. М. Сахаров. О предмете историографических исследований. История СССР, 1974, № 3, стр. 98.

которые соответствуют определенным идейно-политическим запросам современности»¹⁵).

Совершенно правильно настаивая на специфике исторического знания и его несводимости к истории политических идей, А. И. Данилов тем не менее не справляется с решением дилеммы, перед которой он оказался в решении вопроса о сущности историографии: либо признать предметом последней историческое знание и тем самым оказаться перед необходимостью отмежеваться от позиции буржуазных историков, сводящих развитие исторической науки к филиации идей, либо занять более прочную позицию в отношении трактовки содержания исторической науки, рассматривая ее более широко, чем собственно историческое знание. Такова альтернатива, перед которой оказываются сторонники данной точки зрения. Второй путь, очевидно, дает реальный выход из сложившейся ситуации. Именно в этом направлении шло дальнейшее развитие учения о предмете марксистской историографии.

Тенденция к более широкому толкованию содержания исторической науки и тем самым предмета историографии получила свое отражение в работах А. Л. Шапиро, С. О. Шмидта, В. В. Мавродина, Е. Н. Городецкого и других. Существенной особенностью позиции данных авторов является стремление подойти к исторической науке с точки зрения функционирования исторического знания в социальной среде и общественной практике. Иными словами, авторы подчеркивают мысль о социальном предназначении исторического знания и необходимость включения в предмет историографии не только процесса развития исторического знания, но и его функционирования в обществе. Наиболее отчетливо последнее обнаруживается в определении историографии, сформулированном С. О. Шмидтом, для которого историография «... это и история изучения исторического процесса, и история проникновения знаний об историческом процессе в среду тех, для кого историк создает свои труды»¹⁶).

Постановка вопроса о функционировании исторического знания в социальной среде явилась закономерным итогом интерпретации исторической науки как определенной системы знания, идущей в общем русле логико-гносеологической трактовки ее содержания, которая, однако, уже вплотную подходит к социологическому аспекту ее внутреннего строения. Дальнейшее движение историографической мысли связано с развитием социологического подхода к исторической науке и рассмотрением последней в качестве своеобразного социального института. Становление такого подхода в историографии в значительной степени обязано успехам науковедческих исследований в нашей стране. На эту сторону дела справедливо обращает внимание Е. Н. Городецкий, который пишет: «... историография тесно стыкуется с науковедением в своем изучении исторической науки как социального института, как определенной формы научной деятельности. С этой точки зрения в задачу историографии входит изучение законов, управляющих развитием научной деятельности, внутренних и внешних условий различных форм организации исторической науки на каждом этапе ее развития»¹⁷).

Такая позиция, несомненно, открывает продуктивное направление в исследовании предмета историографии, хотя и ставится автором

¹⁵) А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX начала XX в. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 7.

¹⁶) С. О. Шмидт. О предмете советской историографии и некоторых принципах ее периодизации. История СССР, 1962, № 1, стр. 94.

¹⁷) Е. Н. Городецкий. Историография как специальная отрасль исторической науки. История СССР, 1974, № 4, стр. 116.

лишь как одна из задач историографического анализа, и сама по себе нуждается в дальнейшем совершенствовании. Анализ исторической науки, как впрочем и любой иной, возможен в различных аспектах: логическом, методологическом, социологическом, психологическом, этическом, с позиций теории отражения, теории информации и т. д. В этой связи возникает вопрос, с каких позиций должен подходить историограф к анализу содержания соответствующей науки? Думается, что вполне корректным ответом на указанную проблему явился бы ответ о необходимости использования всех имеющихся подходов и методов.

На определенном этапе комплексный подход в историографии целесообразен как определенная ступень развития ее методологического арсенала. Комплексный подход включает в себе необходимость использования различных методов анализа и представляет собой промежуточную стадию между механической (и во многом формальной) суммой различных инструментов познания и их системой в процессе изучения сложных полиструктурных и полифункциональных объектов. Системный подход к анализу содержания науки становится возможным на более высокой фазе познания ее сущности. В современной интерпретации системного подхода это означало бы установление детерминированной обусловленности между структурой и функциями исторической науки, рассматриваемой как целостный объект познания. Но раскрытие содержания исторической науки как целостного внутренне организованного образования требует выявления не любых свойств и элементов ее структуры, а лишь имеющих качества интегративности.

Анализ последних и установление реальной взаимосвязи между ними и выступает одной из важнейших задач системного анализа науки. Поскольку историческая наука не есть простая механическая сумма ее частей, а некое органическое целое, то это обязывает историографа подходить системно к анализу ее содержания. Системный подход в процессе научной аппликации способен подвести к решению задачи на установление детерминированной обусловленности между структурой и функциями исторической науки как целостного образования. Однако применение системного подхода к анализу исторической науки необходимо, но не достаточно, так как с его помощью невозможно объяснить мотивационно-двигательную сторону изменения и развития социального объекта, одним из которых выступает сама историческая наука.

Развитие исторической науки становится объяснимым с позиций деятельности подхода, берущего в качестве системообразующего понятия своего логического состава деятельность. Реализация деятельностного подхода к анализу предмета историографии позволяет выделить важный компонент содержания исторической науки — историко-научную деятельность. Исторические знания выступают продуктом историко-научной деятельности и в генетическом плане определяются ею. В структурном отношении деятельность и научные знания взаимосвязаны и равно взаимообусловлены. В научных знаниях в статической форме снимается ее динамически процессуальная основа, заданная характером самой научной деятельности. В условиях интенсивного процесса институализации современной науки исключение из состава ее внутреннего содержания научной деятельности в значительной мере осложняет и обедняет само понимание внутреннего поступательного развития науки, с одной стороны, а с другой — делает принципиально

невозможным решение задач по оптимизации организационной структуры науки и выработки научно-обоснованных прогнозов относительно ее будущего.

Научная деятельность и научные знания в зависимости от характера исследовательской установки могут анализироваться как относительно автономные подсистемы науки. Но когда стоит задача, выявить источники, движущие силы внутреннего развития науки и выработать целостную картину ее развития, они должны рассматриваться в органическом единстве. Поскольку научная деятельность является одной из важных разновидностей организованной социальной деятельности, осуществляемой в процессе достижения целей социальным субъектом, то отсюда становится значительно эффективней решение задачи по «переплавке» социального опыта, широким спектром пронизывающим процесс развития науки не только в его конечном результате (знании), но и самом процессе его получения, т. е. деятельности.

Вышеизложенное с соответствующими модификациями вполне применимо и к анализу предмета историографии. Историко-научную деятельность как разновидность научной и социальной деятельности можно понимать в двух смыслах: узком и широком. В узком смысле научная деятельность характеризует лишь фазу выработки научного знания, а в широком — научное знание выступает ее конечным продуктом. Научная деятельность, понимаемая в широком смысле, реализует в себе единство социологического и гносеологического аспектов содержания науки. Имея в виду это обстоятельство, основную задачу историографии можно определить как **исследование законов и закономерностей развития и функционирования историко-научной деятельности**. Здесь необходимо сделать некоторые уточнения. Дело в том, что в современном состоянии историография еще не ориентирована на изучение такого рода законов и закономерностей — это ее перспективная задача, к которой она с необходимостью приближается. В своем актуальном виде историография в большей мере обращена на получение достаточно полной и объективной информации описательно-упорядочивающего характера, базирующейся, главным образом, на установлении эмпирических закономерностей развития исторической науки. Однако принципиально с учетом общих тенденций ее развития и переходом на объяснительный уровень познания своего объекта, предложенное определение ее предмета будет превращаться из реальной потенции в действительность.

Историко-научная деятельность может изучаться подобно историко-научному знанию в различных аспектах. Поскольку историко-научная деятельность представляет собой разновидность научной деятельности, то вполне понятно, что, наряду со специфическими свойствами и закономерностями, которыми она обладает, в ней имеется также и то общее, что характеризует научную деятельность, как таковую, взятую в абстрактном смысле. Анализ последнего уже не входит в задачу историографии. Опираясь на вышеизложенное, предмет историографии можно определить, как **исследование специфических закономерностей развития и функционирования историко-научной деятельности в интересах ее оптимального использования обществом**. Одна из важнейших функций историографии заключается в выработке информации, необходимой для управления и прогнозирования историко-научной деятельности.

Предпосылкой решения такого рода задач является познание законов развития и функционирования историко-научной деятельности, понимаемой в широком смысле. Принципиально важной задачей марксистской историографии является разработка принципов классификации

основных школ и направлений, имевших место в развитии исторической науки. Дело в том, что сама номенклатура, принятая в буржуазной историографии, далеко не всегда соответствует реальному статусу той или иной школы. Марксистская классификация направлений исторической мысли по своему существу должна явиться новым качественным этапом решения данной задачи. Однако этот процесс, разумеется, должен соотносываться с реальными достижениями буржуазных историков в этой области и не являться простым «голым», «зряшным» метафизическим отрицанием результатов историографии домарксистского периода. Классики марксизма оставили богатое методологическое наследие в этой области, использование которого, применительно к анализу взглядов историков, имеет принципиально важное значение.

Наиболее существенный момент в решении указанной задачи состоит в реализации принципов материализма и диалектики, применительно к познанию исторической реальности. А это, в свою очередь, обязывает выяснить основные формы материализма в историческом разрезе и методологическую базу этих форм, имевших место в исторической науке. Аналогичную задачу необходимо выполнить и по отношению к идеализму и его различным формам. В таком случае марксистская теория исторического процесса предстанет как закономерный продукт предшествующего развития исторической науки в виде диалектико-материалистической концепции как самой исторической реальности, так и науки, ее отражающей.

Большое эвристическое значение при анализе содержания исторической науки имеют общеметодологические средства ее анализа. В качестве одного из методологических инструментов исследования содержания исторической науки является принцип единства онтолого-социологического и гносеологического. Логическое в данном контексте представляет собой лишь момент гносеологического и поэтому не выделяется особо. Марксистский принцип единства онтологии, гносеологии и логики, применяемый к анализу определенного состояния или фазе исторической науки, несет в себе большие эвристические возможности, позволяет с достаточной степенью полноты и объективности осуществить оценку воззрений как целых научных направлений, так и взгляды отдельных ученых-историков. Логицизм, гносеологизм и онтологизм как крайние случаи переоценки составляющих процесса познания науки, обнаруживаемые посредством реализации указанного принципа, несомненно могут помочь историографу более строго определить методологическое кредо того или иного историка.

Опираясь на вышеизложенный анализ задач историографии как науки, представляется возможным сформулировать следующим образом предмет истории концепций науки: **история концепций науки изучает закономерности процесса познания законов развития и функционирования науки на всем протяжении ее исторического развития.** Указание на то, что наука изучает закономерности, т. е. системы законов, существенно в следующем плане. Поскольку любая высокоразвитая отрасль знания включает в качестве необходимых элементов своего состава предмет, факты, проблемы, гипотезы, методы, принципы, законы, теории, понятия, то, естественно, что в историографическом аспекте изучение может быть направлено на анализ каждого из перечисленных элементов ее состава.

Кстати сказать, такого рода исследования совершенно необходимы для полной реконструкции самого процесса познания соответствующего объекта. Однако в определении предмета науки, которое должно схватить наиболее существенное в нем, достаточно указания на общую гно-

сеологическую ориентацию, связанную с поиском соответствующих законов самого объекта. В гносеологическом плане научный закон является чрезвычайно важным системообразующим элементов научных теорий. Поэтому, определяя предмет науки через законы, мы имеем дело с определенным «совмещением» онтологического и гносеологического подходов, взятых на одном из наиболее высоких уровней познания объекта. Таким образом, закономерности возникновения, развития, борьбы и смены различных школ и направлений, детерминированных, в конечном счете, характером социально-экономических и конкретно-исторических условий, составляет главное направление исследований в области учений о науке.

Историографический подход к познанию науки имеет две основных формы: общую и специфическую. Общая концепция науки предполагает исследование общих путей познания совокупной науки как целостной системы. Процесс отражения в научном познании содержания науки в таком ключе предполагает анализ становления и развития общенаучной проблематики, методологических принципов и методов их анализа, исследование специфики эмпирической базы, на которой выработывались общие модели совокупной науки. Анализ общенаучной проблематики помогает раскрыть саму логику процесса познания науки и его основные ступени. Существенно важно при анализе проблемного состава и процесса его формирования исследование общей гносеологической и проблемной ситуации, отчетливое осознание которой способствует выдвижению, во-первых, исторически обусловленной задачи исследования и, во-вторых, определяет характер самого методологического арсенала, необходимого для ее решения.

Специальная или отраслевая научная историография имеет своей целью реконструкцию путей познания соответствующего предмета науки. Поскольку общая история концепций науки представляет собой не простую сумму отраслевых историографий, так как она призвана исследовать интегративные свойства в самих учениях о науке, то становится понятным их существенное различие. Эффективность исследования взглядов ученых на науку зависит от характера **общей программы**, положенной в основу их изучения. В зависимости от того, на каких принципах базируются и какие цели преследуют, такого рода программы могут существенно отличаться. Тем не менее, когда стоит задача на максимально полное и объективное **выявление и историческую оценку** воззрений на науку, требуется обнаружение тех индексов и параметров, по которым будет осуществляться процесс сбора и переработки необходимой информации. В противном случае легко впасть в простое «собираательство» цитат, организуемых в некое целое по чисто формальным основаниям. Вопрос о программе историографического исследования может быть поставлен в двух планах: общем и специальном, которые, хотя и взаимосвязаны между собой, тем не менее содержательно не покрываются друг другом.

Решение первой задачи предполагает сравнительно исторический и логико-методологический анализ историй общественной мысли: экономической, политической, правовой, философской, исторической и т. д. На основании такого рода исследования можно выявить некий инвариант программы для изучения взглядов субъекта вне зависимости от конкретной сферы их проявления, который в свою очередь может послужить основой для выработки специальных программ, ориентированных на выявление характера и особенностей взглядов личности, взятых в их специфической форме.

Существенное значение для плодотворного развития общей истории теорий науки имеет анализ источниковедческой базы данной области знания. Важнейшими источниками, посредством которых раскрываются воззрения ученых на науку, являются их произведения, эпистолярное наследие, мемуары, воспоминания, архивы (личные и государственные), биографии ученых, вводящие в лабораторию научного исследования, отношение ученого к существующим научным направлениям, отношение к ученому (рецензии: актуальные и исторические). Принципиально важное значение приобретает анализ социальной базы исследования, включающий: а) исторические условия действия и функционирования ученого; б) социальную принадлежность и классовую позицию ученого; в) характер мировоззрения ученого.

Источниковедческая база как с точки зрения ее полноты, так и качества вовлекаемых элементов существенно различается в решении конкретных историографических задач. Источниками, по которым можно реконструировать развитие научных воззрений ученого на самое науку, таким образом, выступает прежде всего письменность или знаковая форма воплощения научного знания, которая имеет особо важное значение (научные книги, журналы, энциклопедии, словари, справочники, газеты и т. д.). Немаловажное значение имеет также установление форм работы научных школ и способов подготовки ученых, что позволяет более полно схватить в генезисе становление и развитие тех или иных идей ученого о науке.

«Следы» и продукты научной деятельности ученого, фиксируемые в вышеизложенных источниках, подлежат дешифровке и реконструированию в ходе их научного исследования. Сложность заключается в том, чтобы воссоздать с достаточной степенью полноты сами принципы и теоретические основы, приведшие ученого к такого рода взглядам на науку. Степень полноты воссоздания подлинных воззрений ученого на науку зависит от многих факторов, анализ которых сопряжен с большими трудностями. Процесс отражения и познания сущности взглядов ученого на науку представляет собой результат вторичного отражения, которое вносит дополнительные моменты, в том числе субъективного порядка, ретуширующие зачастую то, что подлежит научному воспроизведению в познании. Не всякий источник несет одинаковую информацию и выполняет одинаковую функцию в процессе получения объективной картины и действительных воззрений ученого на науку¹⁸). Процесс формирования и развития взглядов ученого на науку несет на себе печать различного рода влияний. Выяснить социальные и гносеологические корни воззрений ученого на науку представляет собой одну из весьма важных задач истории концепций науки.

Наряду с исследованиями, связанными с изучением становления и развития воззрений отдельных ученых на науку, особое место должно быть отведено анализу основных школ и направлений, которые имели место в истории познания науки. Выявление основных принципов, на которых базировалась та или иная школа в познании науки, составляет чрезвычайно важный участок в исследовании истории теорий науки, позволяющий разобраться в «рождении» и «смерти» той или иной концепции науки, с одной стороны, а с другой — обнаружить преемственность и поступательность в развитии магистрального направления в познании сущности науки. Анализ развития концепций науки возможен, во-первых, в плане всемирной истории, т. е. раскрытия основных ступеней, которые прошла мировая научная мысль на

¹⁸) Более подробно о сущности и природе исторического источника см. в работе Г. М. Иванова «Исторический источник и историческое познание», Томск, 1973.

пути к выяснению содержания науки; во-вторых, в страноведческом аспекте, т. е. изучении истории развития, учения о науке в каждой отдельно взятой стране. Разумеется, между этими подходами нет непроходимой пропасти, так как они взаимно обогащают друг друга. Однако между ними есть и отличия, как между общим и особенным в философском смысле. Всемирная история концепций науки аккумулирует в себе результаты научных исследований, полученные в отдельных странах, не является, однако, простой их суммой, а синтезируется и, так сказать, «переплавляется в общем котле» всемирной мысли человечества, направленной на познание науки.

Вместе с тем уровень развития общего познания науки, естественно, сказывается в позитивном или негативном планах на разработке концепций науки в каждой отдельно взятой стране. Уровень социально-экономического развития страны и того места, которое она занимает в истории человечества, не может не сказаться так или иначе на развитии учений о науке. Всемирную историю теорий науки творили все цивилизованные народы мира, накладывая большую или меньшую собственную печать на общий ход ее развития. И в этом плане история учений о науке как специфическая отрасль знания имеет два основных источника происхождения: 1) общая (всемирная) история концепций науки; 2) история учений о науке в каждой отдельно взятой стране.

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕОБХОДИМОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ПРИЧИНОЙ И СЛЕДСТВИЕМ

Ю. В. ПЕТРОВ

Логика причинно-следственной зависимости отражает следующую связь в реальной действительности: если явление *A* представляет собой причину *B*, то всегда, когда имеет место *A*, за ним необходимо следует *B*. И наоборот, когда есть *B*, ему всегда предшествует *A*. Связь причины и следствия является, таким образом, необходимой.

Однако часто встречаются такие события, которые находят отражение в понятии «конкуренция причин». Это понятие характеризует определенные трудности в установлении связи между событиями. В конкуренции причин различают альтернативные и дополнительные причины. Альтернативные причины имеют место, «если определенное следствие *E* вызвано фактором *A*, но при отсутствии *A* будет вызвано фактором *B*»¹⁾. Корабль, отправляясь в открытое море, имеет на борту адскую машину, срабатывающую по истечении 24 часов. Но еще до этого времени он тонет в результате действия каких-то иных причин. Дополнительные причины присутствуют тогда, «когда у нас в одно и то же время есть два или более факторов, каждый из которых способен вызвать нужное следствие»²⁾. Примером может быть случай, если два человека дают третьему яд. Каждая доза в отдельности есть причина смерти, и совместное действие не может изменить результата.

Данные определения свидетельствуют о том, что ситуации, стоящие за ними, отличаются от простой причинности. Здесь причины действуют не совместно, но каждая в отдельности, а их аддитивное действие не изменяет результата. Это, в свою очередь, вызывает известные трудности в том случае, когда понятие «необходимая связь» рассматривается в качестве составной части понятия «причина». Тот факт, что событие *A* является необходимой причиной для *E*, должен был бы означать, что если *A* отсутствует, *E* не может иметь места. В данном случае, однако, это не так.

Наличие двух или нескольких причинных кандидатов в подобных ситуациях явилось основанием противоположных представлений относительно проблемы «множественности причин». Так, в истории философии существовало мнение, что одно и то же следствие может порождаться разными причинами. Логик-позитивист Д. С. Милль писал: «Один факт может быть последующим в нескольких неизменных последовательностях, он может с одинаковым единообразием следовать за каждым из этих предыдущих (или совокупностей предыдущих). Много причин могут производить механическое движение, много может быть причин

¹⁾ E. Ryding. The Concept «Cause» as Used in Historical Explanation. N. Y., 1965, p. 5.

²⁾ Ibid., p. 5.

некоторых видов отношений, от многих причин может происходить смерть. Данное следствие на самом деле произошло, может быть, от какой-то причины, но оно свободно могло быть вызвано и помимо этой причины»³⁾).

Противоположной точки зрения на принцип причинности придерживался Д. Юм, согласно которому существует однозначное соответствие причины и следствия. «Одна и та же причина всегда производит одно и то же действие, а одно и то же действие всегда вызывается одной и той же причиной»⁴⁾). Последователи Юма считали, что множественность причин проистекает от нашего неумения достаточно тщательно анализировать либо причину, либо действие. Известный русский теоретик в области статистики А. А. Чупров считал, что «множественность причин лежит в нашем неумении подступиться к исследованию, — в том, что мы не достаточно полно и тщательное анализируем те сложные предшествующие, которые стремимся привести в связь с рассматриваемым следствием»⁵⁾). Позднее эти взгляды разделяли Б. Рассел, Э. Негель, М. Коэн.

Таким образом, в истории философии перед нами налицо две противоположные точки зрения на предмет «множественности причин», как результат противоречивой природы самой действительности. Примечательным является то, что в философской литературе до настоящего времени нет единого мнения относительно выдвинутой проблемы. По-прежнему имеют место взаимоисключающие толкования, когда речь заходит о таком существенном компоненте причинности, как необходимая связь.

Так, авторы сборника «Категории материалистической диалектики», отмечая изменчивость и относительность причинно-следственной связи, считают, что «определенное явление может быть следствием одного из нескольких различных явлений». Кроме того, «одно и то же явление может приводить к различным следствиям»⁶⁾). Это происходит потому, что условия всегда меняются, вследствие чего действие причины порождает результат, отличный от первоначального. Например, при условиях Z причина C вызывает следствие E , при условиях Z' та же причина C вызывает E' .

Аналогичных взглядов придерживаются и авторы книги «Основные категории и законы материалистической диалектики». «Одна и та же причина, — читаем там, — в различных условиях может вызывать различные следствия»⁷⁾). Однако, как отмечается далее, поскольку изменяющиеся условия в конечном счете действуют как одна причина, то задача заключается в том, чтобы в научном анализе отделить главную причину от второстепенной.

Аргентинский философ Марио Бунге полагает, что конкуренция причин (разделительная составная причинность) есть своего рода особый вид причинной связи, то есть допускает множественность причин. «Существование составной причинности является одной из черт мира...»⁸⁾ — подчеркивает он.

Разделительная составная причинность характеризуется Бунге тем, что она, во-первых, будучи одно-, многозначной связью, не подхо-

³⁾ Дж. С. Милль. Система логики. М., 1889, стр. 251.

⁴⁾ Д. Юм. Трактат о человеческой природе. Юрьев, 1906, кн. 1, стр. 164.

⁵⁾ А. А. Чупров. Очерки по теории статистики. М., 1959, стр. 117.

⁶⁾ Категории материалистической диалектики. Под ред. М. М. Розенталя и Г. М. Штракса. М., 1956, стр. 116.

⁷⁾ Л. В. Воробьев, В. М. Каганов, А. Е. Фурман. Основные категории и законы материалистической диалектики. М., 1962, стр. 72.

⁸⁾ М. Бунге. Причинность. М., 1962, стр. 148.

дит к более или менее точной формулировке принципа причинности. Во-вторых, альтернативная причинность является неаддитивной: совместные действия причин, каждая из которых в отдельности может произвести результат, не изменяют действия. Она вырождается в статистическую детерминированность, если причины многочисленны и выполняют одинаковую роль.

Точка зрения шведского философа Эрика Райдинга такова, что необходимость и однозначность являются существенными компонентами причинности, не допускающими неопределенной связи следствия с причиной. Исследуя природу необходимой связи исторической причинности, он предлагает следующее решение проблемы.

Можно попытаться определить понятие «причина», не употребляя понятие «необходимое условие». Тогда, во-первых, можно внести ясность в употребление термина «причина» с помощью категории «достаточная причина». Известно, что множество обстоятельств обуславливают любое событие. Исследователь может заметить только одно из них, так как другие являются постоянными условиями и рассматриваются как очевидные. Но если добавить оговорку тривиальности и довольствоваться положением «если не E , то и не A », учитывая нормальные условия, то все равно не представляется возможным отождествить «причину» с «достаточной причиной». В качестве примера Райдинг берет следующий факт: некто умирает в результате нападения, совершенного тремя бандитами, каждый из которых нанес ему равное количество тяжелых ударов. Вместе преступники явились достаточной причиной, но действия каждого из них были необходимыми для такого исхода. Получается, таким образом, что понятие «необходимая причина» опять оказывается в рамках понятия «достаточная причина». Понятие «достаточная причина», делает вывод Райдинг, не может быть единственной категорией, так как невозможно не учитывать способствующих причин, которые в свою очередь не могут быть поняты без понятия «необходимое условие». Во-первых, можно «смягчить» понятие необходимой причины. Утверждение «если не A , то и не E » может быть заменено на «если не A , то возможно и не E ». Однако нетрудно найти примеры случаев, говорит Райдинг, где событие E все равно имело бы место, даже если бы ему не предшествовало A . Чтобы вспыхнул порох, необходима определенная температура и не имеет значения, каким образом это достигнуто: с помощью спички, газового пламени или электрической искры. Ссылка на то, что законы природы могут внезапно измениться так, положим, порох не взорвется от пламени спички, несостоятельна, поскольку само понятие причины основано на утверждении закономерности, которая остается неизменной.

Таким образом, альтернативные причины, по мнению Райдинга, не дают основания отказываться от понятия необходимой связи.

Близко к этим взглядам примыкает точка зрения, нашедшая отражение в нашей философской литературе. Согласно этому мнению, «множественность причин» есть не что иное, как множественность носителей одной и той же причины. Взаменяемость причин возможна в том случае, когда у них имеется общее свойство, позволяющее им производить одно и то же действие. Носителями причин могут выступать различные явления, однако механизм порождения следствия всегда сохраняется один и тот же⁹⁾.

⁹⁾ См.: М. А. Парнюк. Детерминизм диалектического материализма. Киев, 1967, стр. 116; А. И. Усмов. О временном соотношении между причиной и следствием. Иваново, 1960.

Итак, проблема необходимой связи между причиной и следствием принимает антиномичный характер: в одном случае конкуренция причин рассматривается как особый вид причинности, где однозначность связи превращается в статистическую детерминированность, в другом — необходимость объявляется ее неизменным состоянием, устранить которое не могут ситуации типа «конкуренция причин». Механизм порождения следствия всегда остается одним и тем же.

Задача заключается в том, чтобы проанализировать более подробно ту связь, которая имеет место в случае альтернативных и дополнительных причин, с тем чтобы ответить на вопрос: изменяют ли и если да, то насколько, подобные ситуации наше представление о причинности, как необходимой и однозначной зависимости. Для этого обратимся к такому понятию, как «условие» и выясним, каково соотношение его с категорией «причина».

В философской литературе нет единого мнения относительно проблемы соотношения причины и условия. В одном случае понятие «условие» противопоставляется понятию «причина» и рассматривается как нечто внешнее по отношению к ней, как комплекс явлений, лишь сопутствующих причине в пространстве и времени. В другом случае отмечается, что связь причины и условия диалектическая. «Каждое условие в определенном отношении является причиной,— подчеркивает Г. А. Свечников,— а каждая причина в соответствующем отношении условие»¹⁰). Причину и условие нельзя абсолютно противопоставлять друг другу на том основании, что в действительности имеет место бесконечный ряд явлений, который ограничивается в процессе исследования определенным пределом. Этот выделенный фрагмент включает ту или иную совокупность условий, которая и называется причиной. Если бы причина была абсолютно противоположна условию, то она приняла бы мистический вид, поскольку в научном анализе помимо совокупности условий ничего не дано.

Существует несколько способов ограничения условий в целях установления конкретной причины. Можно выделить ближайшее условие, предшествующее следствию, и это будет соответствовать одному уровню объяснения. Повествовательная история, как отмечает Ш. Сеньобос, видела свою задачу именно в нахождении такого рода причин. Но в другом случае выделяются в качестве причины необходимые и достаточные условия, что соответствует новому уровню объяснения. Под причиной тогда понимается совокупность необходимых и достаточных условий, способных совершить определенное действие¹¹). В данном определении преодолевается крайность кондиционализма, поскольку выделяются не все условия, но лишь определенная группа. Безусловно, однако, что те явления, которые не вошли в это понятие причины, не могут рассматриваться в качестве активного фактора, а выступают в виде побочных условий. Вторая точка зрения, подчеркивающая гибкую границу между причиной и условием, более приемлема и открывает позитивные возможности решения поставленной нами проблемы.

Кроме того, авторы, придерживающиеся первой точки зрения, не всегда последовательны и вынуждены порой понимать под совокупностью условий причину того или иного следствия. То обстоятельство, что связь причины с условием не только внешняя, а носит более сложный характер, не дает основания объяснять проблему конкуренции причин всецело изменяющимися условиями. Сами условия в форме необхо-

¹⁰) Г. А. Свечников. Причинность и связь состояний в физике. М., 1971, стр. 82.

¹¹) См.: А. И. Введенский. Логика, как часть теории познания. СПб., 1912, стр. 302.

димых и достаточных являются причиной и поэтому антиномичность поставленного вопроса не снимается.

Существует несколько видов реальных условий¹²⁾. Во-первых, условия могут быть сопутствующими, то есть такими, от которых какое-либо явление зависит случайным образом. В данном случае явление не зависит необходимо от сопутствующих условий, и последние не определяют его сущности.

Во-вторых, условия могут быть необходимыми, то есть такими, когда без условия A явление B не произойдет. Необходимое условие противоречиво по своей сущности. Противоречие состоит в том, что (а) при неосуществившемся необходимом условии имеет место однозначная связь. Без необходимого условия A явление B никогда не может наступить. (б). Когда существует B , необходимо должно существовать A ($pB/A=1$), в то же время — несуществование явления B может сопровождаться как существованием A , так и его несуществованием. Здесь мы имеем тот факт, что несуществование B определяет

существование A вероятностно ($p \sim B/A$). (в). Если условие A необходимо, но не достаточно для осуществления B , то последнее наступает не необходимо, а вероятностно. То есть существование необходимого условия A может сопровождаться как существованием обусловленного явления B , так и его несуществованием (в последнем случае возможно другое явление, например, C) ($p\bar{B}/A$).

В-третьих, достаточным условием A для наступления какого-либо явления B называется такое, присутствие которого вызывает наступление данного явления. Достаточное условие, как и необходимое, противоречиво по своей природе ввиду наличия различных сторон взаимосвязи достаточного условия с обусловленным им явлением (а). При наличии достаточного условия A обусловленное явление B всегда существует. Осуществление условия A необходимо и однозначно определяет обусловленное им явление B ($pB/A=1$). (б) При неосуществлении достаточного условия A явление B иногда существует, иногда не существует. (в) Если условие A достаточно, но не необходимо для появления B , то последнее может быть и в то время, когда достаточное условие A не реализовано. Достаточное условие может быть заменено другим, в такой же мере достаточным для наступления ($B(p \sim E/B)$).

В-четвертых, необходимым и достаточным условием A для осуществления какого-либо явления B называется такое, без которого явление B не может существовать и при осуществлении которого существует и явление B . Вероятность появления B относительно A равна 1 ($pB/A=1$). Что же касается появления не- B относительно A и появления не- A относительно B , то в данном случае это исключено $p \sim B/A=0$. $p \sim A/B=0$.

Причинность выступает частным случаем обусловленности между явлениями. Под причиной, как отмечалось, понимается совокупность необходимых и достаточных условий. Однако данное определение отражает только необходимую и однозначную связь. Причинность, выступая как совокупность необходимых и достаточных условий, исключает какую-либо неопределенность в отношении следствия. И вместе с тем встречаются ситуации, когда «определенное следствие E вызвано фактором A , но при отсутствии A будет вызвано фактором B ». К какому

¹²⁾ См.: Г. Кребер. Категория условия и соотношение ее с категорией причины. «Философские науки», 1961, № 3.

виду связи необходимо относить аналогичные ситуации? Можно ли их рассматривать как вид причинности?

Конкуренция в форме дополнительных и альтернативных причин, как нам представляется, может иметь место только в случае необходимых или достаточных условий в значении (в). Когда есть необходимое условие, то нет однозначной зависимости, следствие B либо наступает в присутствии A , либо не наступает, если A недостаточно, чтобы его вызвать. Графически это выглядит так:

$$A \rightarrow B$$

$$A \rightarrow C$$

(где C — следствие, если B не наступает). При достаточном условии следствие B наступает либо в присутствии A , либо в присутствии другого достаточного условия то есть действие причины A вероятно¹³). Графически:

$$A \rightarrow B$$

$$D \rightarrow B$$

(где D — другая достаточная причина). Вероятность появления B , если появилось не- A , будет следующей: $pB/\sim A = pD/A$. нас будут интересовать в первую очередь достаточные условия, поскольку следствие B всегда имеет место при наличии либо A , либо D . Данный факт свидетельствует об альтернативности действий, чего нельзя наблюдать при необходимых условиях. Кроме того, как отмечает Райдинг, понятие «необходимая причина» оказывается в рамках понятия «достаточная причина», и следовательно необходимые условия выступают как момент, частный случай достаточных условий.

Достаточные условия выступают в качестве причин своих следствий не по принципу однозначной, линейной связи, но всегда вероятно. Достаточные условия по своей природе противоречивы, и это противоречие обнаруживается в том, что в одном случае присутствие достаточного условия может вызвать следствие, в другом — оно заменяется иным, в такой же мере достаточным условием. Однако в той мере, в какой достаточное условие порождается следствие с определенной степенью частоты, мы вправе назвать его причиной. Вероятность появления следствия B относительно не- A равна вероятности появления D относительно A . Каково же численное значение частоты появления одного достаточного условия относительно другого, это зависит от конкретных обстоятельств. Поскольку достаточные условия всегда действуют как альтернативные, то можно сказать, что конкурирующие причины и достаточные условия — понятия тождественные. Утверждение Милля, что «данное следствие на самом деле произошло, может быть, от какой-то причины, но оно свободно могло быть вызвано и помимо этой причины» означает, что существуют два или несколько достаточных условий, каж-

¹³ Возможны две различные ситуации, в которых выступает достаточное условие. В одном случае достаточное условие A выступает как одно из ряда альтернативных достаточных условий для B (в нашем примере). В другом — A для B только существенная составляющая одного из достаточных условий. Графически изображение второго случая имеет вид:

$$\begin{array}{l} A \searrow B \\ C \nearrow \\ D \rightarrow B \end{array}$$

(где C выступает в качестве другой составляющей). См.: St. Nowak, *Studia z metodologii nauk społecznych*. Warszawa, 1965. Раздел «Статистические зависимости альтернативных комплексов причин». Однако для целей нашего исследования эти различия не существенны.

дое из которых в принципе может вызвать одинаковое действие. Пример Райдинга с кораблем свидетельствует, что адская машина является достаточной причиной для гибели корабля, но сказать, что она одновременно и необходима, нельзя, ибо не все корабли, идущие в открытое море, с неизбежностью должны нести на своем борту этот смертоносный груз. Достаточная причина или условие может вызвать определенное следствие лишь с той или иной степенью частоты относительно другого достаточного условия.

Мы вправе поэтому разделить точку зрения М. Бунге, что понятие «конкуренция причин» отражает особый вид причинной связи, имеющей место в реальной действительности, а именно такой, когда причина не доходит до ранга совокупности необходимых и достаточных условий, но всегда является достаточным условием. Этот вид причинности характеризуется тем, что необходимая связь превращается в статистическую детерминированность ввиду конкуренции двух или более факторов, каждый из которых в состоянии вызвать аналогичное действие.

В том случае, если есть необходимые и достаточные условия, выступающие в качестве причины какого-либо явления, то существует необходимая, однозначная связь, в определенном отношении даже неизбежность. Допуская, что причина A при обстоятельствах Z производит следствие B , а в другом случае при тех же обстоятельствах — C , отличное от B , мы должны признать, что причина и обстоятельства не составляют условий, необходимых и достаточных для производства следствия¹⁴⁾. Альтернативность отсутствует в причинности, которая рассматривается как порождение одним явлением необходимым и однозначным образом другого явления, поскольку необходимые и достаточные условия оказываются вполне репрезентативными для неизбежного исхода.

¹⁴⁾ См.: Г. А. Свечников. Категория причинности в физике. М., 1961, стр. 32.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПРЕДМЕТНЫХ КАТЕГОРИЙ

Ю. А. АЛЕКСЕЕНКО

В зависимости от того, выражают ли законы и категории специальных наук и диалектики существование, структурность или динамизм систем, возможно выделение различных относительно самостоятельных групп законов и категорий¹⁾. Категории первой группы назовем предметными, второй — структурными, а третьей — функциональными. Структурные и функциональные категории будем называть также предикатными категориями.

К числу предметных относятся категории «предмет», «тело», «вещь», «субстрат», «сущность», «субстанция», «бытие», «материя», «реальность», «предметность», «субстанциальность» и другие. В данной статье мы попытаемся выделить основные типы их употребления.

Предметные категории нередко служат для выражения гносеологической независимости внешнего мира от сознания субъекта. В гносеологическом плане они используются для подчеркивания того, что те или иные естественнонаучные и философские категории, законы и положения имеют не только логическое, но и онтологическое содержание.

Теоретическим выражением гносеологического содержания предметных категорий является понятие предметной истинности мышления. Выступая против искажений этого понятия, В. И. Ленин писал: «...«предметная истинность» мышления означает не что иное, как существование предметов (= «вещей в себе»), истинно отражаемых мышлением»²⁾.

При употреблении предметных категорий в гносеологическом плане они могут использоваться не только для характеристики вещей, но и для характеристики отношений и свойств природы, т. е. для характеристики предикатов того, что В. И. Ленин называл «физическим миром» или «онтологическим»³⁾. Предметные категории нередко употребляются и для обозначения всей онтологической сферы, выступая в качестве общего ее названия.

С другой стороны, возможно такое употребление предметных категорий, при котором они противопоставляются предикатным категориям, выражающим различные стороны проблем структурности и динамизма. При таком понимании предметные категории, как правило,

¹⁾ Ю. А. Алексеенко. К вопросу о законах существования в материалистической диалектике. Ученые записки (Томский госуд. ун-т), 1970, № 85. Проблемы методологии и логики наук, вып. 6, стр. 107—115; Ю. А. Алексеенко. Принцип предметности как закон диалектики. Сб.: «Вопросы методологии науки», вып. 1, Изд-во ТГУ, 1971, стр. 24—35.

²⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 104.

³⁾ Там же, стр. 269.

не употребляются для характеристики отношений и свойств. В этом случае категория «материя» сопоставляется со структурными категориями в гносеологическом плане могут использоваться не только для характеристики онтологических объектов, но и в применении к идеализированным объектам научных теорий. В качестве примера употребления предметных категорий в сопоставлении с предикатными категориями можно привести работу Р. С. Карпинской⁴). Содержание предметных понятий в этом случае не совпадает с содержанием понятия «предметная истинность мышления».

Категория «материя» также может употребляться в различном плане. Если в гносеологическом плане категория «материя» используется в соотношении с категорией «сознание», то в онтологическом плане она употребляется для выражения другого содержания, относительно независимого от чисто гносеологической проблематики. В этом втором случае категория «материя» сопоставляется со структурными категориями «форма», «отношение» «структура», с одной стороны, и динамическими, функциональными категориями «движение», «процесс», «функция», «свойство» — с другой.

Нам представляется, что при употреблении предметных категорий классики марксизма-ленинизма имели в виду оба эти аспекта. В их работах гносеологическое содержание предметных категорий рассматривалось в единстве с онтологическим содержанием. В качестве примера такого употребления понятия «материя» можно упомянуть ленинскую трактовку вопроса о единстве материи и движения⁵). Диалектическое единство материи и движения не должно пониматься в смысле абсолютного тождества. Это единство предполагает их относительное различие, благодаря которому возможно ставить вопрос о том, что именно движется, изменяется.

Наличие различных аспектов в содержании предметных категорий не всегда получает достаточное отражение в нашей учебной и научной литературе. Недостаточный учет единства и относительной самостоятельности гносеологического и онтологического аспектов в содержании предметных категорий может привести к путанице, к смешению гносеологической и онтологической проблематики, к растворению одного из аспектов в другом. Неоднозначность употребления понятия «материя», использование этого понятия для выражения общего содержания предметных категорий в их относительной самостоятельности от предикатных категорий нередко понимаются неверно. Некоторые авторы иногда отмечают наличие онтологического аспекта в содержании понятия «материя», но не всегда выражают его достаточно последовательно. Другие не одобряют использование понятия «материя» для выражения общего содержания категорий предметной группы. По нашему мнению, такая позиция не вполне соответствует пониманию классиками марксизма-ленинизма роли и места предметных категорий в системе категорий диалектики и создает предпосылки для уступок объективному идеализму, особенно по вопросу о природе внешнего мира. Дело в том, что гносеологическая независимость внешнего мира, природы, онтологической сферы от сознания человека признается и представляется объективного идеализма, например, Платоном, Гегелем и неомоментами.

Известно, что объективные идеалисты пытаются представить материю как нечто вторичное по отношению к категориям, понятиям, мыш-

⁴) Р. С. Карпинская. Проблема целостности и молекулярная биология. «Вопросы философии», 1969, № 10, стр. 64—71.

⁵) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, гл. V, § 3, стр. 281—290.

лению, логическому, духовному. Наряду с этим в их работах проявляется тенденция представить формы, отношения, структуры, движение, изменение, процессы, свойства, качества, функции и т. д. в качестве существующих абсолютно самостоятельно, независимо от материи. Идеалисты трактуют материю как нечто вторичное по отношению к денотатам (десигнатам, номинатам, референтам) структурных и функциональных категорий или же целиком сводят понятие материи и его денотат к предикатным категориям или их денотатам. Лейбниц, учил, что «материя есть связь монад»⁶⁾. Гегель считал, что «материя является соотношением между пространством и временем...»⁷⁾. Мах писал, что материя — это «только известная закономерная связь элементов («ощущений»)»⁸⁾. Во всех этих положениях проявляется тенденция свести материю к предикатным категориям или их денотатам. Учение о вторичности материи, о сведении ее к структурным или функциональным категориям или их денотатам является общей чертой объективного и субъективного идеализма. Структурные и функциональные категории занимают в этом случае более значительное место в системе категорий, чем предметные категории. Такое понимание соотношения предметных, структурных и функциональных категорий является характерной чертой не только логических, но и онтологических воззрений как объективных, так и субъективных идеалистов.

Рассмотрим далее материалистическое решение вопроса о роли различных групп категорий и тем самым о месте обозначаемого ими (их денотатов, десигнатов, номинатов, референтов).

По мнению Фейербаха, абсолютизация определенных структурных и функциональных характеристик происходит как при рассмотрении проблемы соотношения тела и души, так и вопроса о структуре мира. Фейербах отмечал, что человек может «сознать действие без причины, силу без вещества, функцию без органа, мышление без мозга»⁹⁾. Обсуждая эти же самые вопросы, В. И. Ленин подчеркивал, что И. Дитцен связывал с идеализмом стремление оторвать движение от материи, силу от вещества, ставил это стремление рядом со стремлением оторвать мысль от мозга¹⁰⁾. Сам В. И. Ленин неоднократно отмечал связь этих тенденций.

Энгельс критиковал свойственную представителям метафизического материализма и идеализма тенденцию опредмечивания, субстанциализации качеств, выступал против приписывания категории «качество» роли предметной категории. Он писал: «...существуют не качества, а только вещи, обладающие качествами, и притом бесконечно многими качествами»¹¹⁾. Приписывание качествам самостоятельного существования Энгельс называл «натуралистическим способом мышления», классифицируя его как антидиалектический¹²⁾.

В противоположность идеалистическим концепциям диалектико-материалистическое решение основного вопроса философии, в том числе и вопроса о природе мира, основано на признании того, что в мире не существует абсолютно самостоятельных форм, отношений и структур, свойств и качеств, процессов и функций, совершенно независимых от материальных реальностей. Для обозначения этих последних клас-

⁶⁾ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 69.

⁷⁾ Гегель. Соч., т. II, М., 1934, стр. 60.

⁸⁾ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 148.

⁹⁾ См.: И. Элиз. Проблема бытия и мышления в философии Людвиг Фейербаха. М., «Наука», 1971, стр. 195.

¹⁰⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 281—282.

¹¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 547.

¹²⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 382, 431—432.

стики марксизма часто использовали термины «вещь», «тело», «предмет». Энгельс писал: «Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом «тело» все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признается реальность последнего»¹³). Чрезвычайно важным является то обстоятельство, что в данном положении говорится о связи тел, о системе материальных реальностей, а не о системе чистых отношений или процессов, абсолютно независимых от материи. В этом высказывании термин «тело» использовался Энгельсом для подчеркивания материалистического решения основного вопроса философии, для противопоставления диалектико-материалистического взгляда на природу взглядам представителей объективного и субъективного идеализма, опредмечивающих, субстанциализирующих структурные и функциональные категории и их денотаты. Данное высказывание Энгельса можно рассматривать как конкретизацию высказанного им более общего положения о том, что единство мира заключается в его материальности.

В работах материалистов содержатся правильные утверждения о том, что у предикатных категорий имеются объективно существующие денотаты. При этом иногда забывают, что основоположники марксизма неоднократно высказывались против утверждений об абсолютно самостоятельном, независимом от материи существовании денотатов предикатных категорий. Таким образом, уступки идеализму нередко делаются при обсуждении онтологических вопросов, далеких, казалось бы, от основного вопроса философии, поскольку при этом не рассматривается непосредственно вопрос о том, что является первичным, бытие или мышление, материя или сознание.

При построении научной картины мира недостаточно ограничиваться исключительно предикатными категориями. Несмотря на неразделимость денотатов предметных и предикатных категорий, неправильно также абсолютно отождествлять денотаты предметных категорий с денотатами предикатных категорий, сводить одни к другим. Подчеркивание центральной роли предметного, субстратного, содержательного аспекта является существенным не только в домарксистском материализме, но и в материалистической диалектике. Одной из форм теоретического выражения диалектико-материалистического понимания природы внешнего мира в системе категорий и законов материалистической диалектики выступает признание центральной роли предметных категорий по отношению к предикатным. Значение этого положения для естествознания проявляется прежде всего при решении задачи построения обобщенной научной картины мира и, в частности, при разработке и оценке различных космогонических и космологических теорий.

Выделение групп предметных и предикатных категорий чрезвычайно плодотворно для классификации различных концепций пространства-времени. Частным случаем диалектико-материалистического понимания соотношения предметных и предикатных категорий и их денотатов является материалистическое истолкование реляционной концепции пространства-времени, т. е. понимание пространства-времени как системы отношений материальных объектов и их состояний. Особое значение в этом плане имеет высокая оценка В. И. Лениным материалистического истолкования Фейербахом реляционного понимания пространства и времени, борьбы Фейербаха против идеалистических тенденций по вопросу о природе пространства и времени¹⁴).

¹³) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 392.

¹⁴) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 50.

В советской философской литературе высказывается мнение о том, что предикатные категории, такие как «свойство», должны быть подчинены субстанциальным категориям, таким как «вещь»¹⁵). При этом субстанциальными категориями названы именно предметные категории в сопоставлении их с предикатными.

Вопрос о соотношении предметных и предикатных категорий и их денотатов в неявной форме часто затрагивается в связи с употреблением понятия «поле» в современной физике. В современной физической литературе в качестве реального объекта наряду с веществом рассматривается также и поле. Однако это обстоятельство не вносит каких-либо принципиальных изменений в решение вопроса о соотношении предметных и предикатных категорий. Нужно учитывать, что при употреблении категории «поле» имеется в виду не только структурно-функциональный, но и предметный аспект. Это выражается, в частности, в принятии в электродинамике положения о том, что электромагнитное поле так же обладает массой, как и вещество.

Рассмотрим далее употребление терминов «субстанциальность», «субстанция», которые используются разными авторами для обозначения различных понятий. В большинстве случаев содержание этих терминов противоположно содержанию термина «обоснованность». В процессе развития научного познания формируется представление о существовании в противоположность изменчивым свойствам отдельных вещей некоторой неизменной их основы¹⁶). Представление о неизменности этой основы было до некоторой степени метафизическим. Но само возникновение понятия «основа» было чрезвычайно важным шагом в становлении научного мышления. В качестве синонимов термина «основа» употребляются также термины «субстанция», «сущность», «природа», «принцип», «начало», «первоначало», «первичное» и т. д. Учение о сущности явлений, о субстанции было одним из рациональных моментов домарксистской философии. Однако необходимо было освободить учение о субстанции от идеалистических и метафизических ограничений.

В понятии субстанции выражается мысль о том, что не все в мире определяется другим, что вопрос о причинности, о причинной обоснованности имеет свои границы, что существуют глубинные уровни сущности, которые, выступая в качестве основания явлений, сами в какой-то степени не являются обоснованными чем-либо другим. Эта мысль выражена в учении Спинозы о субстанции как причине самой себя, а также в работах Гегеля. По Гегелю, субстанцией является «такое бытие, которое есть, потому что оно есть, бытие как абсолютное опосредствование себя с самим собою»¹⁷). В. И. Ленин отмечал, что субстанция есть «важная ступень» в процессе развития человеческого познания природы и материи»¹⁸).

Представители диалектического материализма отвергают идеалистическое понимание субстанции и в качестве субстанциального в гносеологическом отношении рассматривают внешний мир, природу, материю. Поэтому часто понятия субстанции и материи употребляются в марксистской литературе в одинаковом смысле. С другой стороны, эти

¹⁵) П. Д. Пузиков. О разнопорядковости качеств вещей. «Философские науки», 1960, № 3, стр. 141.

¹⁶) Анализ возникновения понятия субстанциальности в европейской философии дан в работе: Э. Н. Мяхайлова, А. Н. Чанышев. Ионийская философия. Изд-во МГУ, 1966, стр. 33—37 и далее.

¹⁷) Гегель. Соч., т. V, М., 1937, стр. 670—671.

¹⁸) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 142.

понятия могут в некоторых случаях и не совпадать. В. И. Ленин иногда употреблял данные понятия как в некотором смысле неоднозначные. В «Философских тетрадах» он сближал понятие субстанции с понятием причины явлений, причем как в гносеологическом, так и в онтологическом плане¹⁹⁾.

Понятие «субстанция», как и другие предметные понятия, может быть использовано в онтологическом плане для выделения денотатов предметных категорий из совокупности денотатов всех категорий вообще. С другой стороны, это понятие используется для выражения того, что не все предметные категории выражают существование объектов одного и того же уровня, что различные предметные категории служат для выражения существования объектов различных уровней. Среди всех предметных категорий можно выделить такие, которые фиксируют существование объектов, составляющих наиболее глубокие, самые фундаментальные из известных уровней организации материи. Категории, относящиеся к объектам глубинных уровней, можно характеризовать как субстанциальные.

По нашему мнению, полезно отличать содержание термина «предметные категории» от содержания термина «субстанциальные категории». В соответствии с философской традицией в качестве основного значения терминов «субстанция», «субстанциальность» следует считать фиксирование именно такой стороны существования, которая противоположна обоснованности. Поэтому термин «субстанциальные категории» лучше использовать для характеристики категорий, выражающих субстанциальность в сопоставлении с обоснованностью. Вообще говоря, не все субстанциальные категории являются предметными. С другой стороны, не все предметные категории являются субстанциальными, так как некоторые из них выражают существование таких уровней объектов, которые выступают в качестве обоснованных других уровней. При употреблении категорий «субстанция», «субстанциальность» в одних случаях имеют в виду фиксирование предметного характера объектов в противоположность фиксированию свойств и отношений, а в других случаях — фиксирование наличия фундаментальных уровней объектов в сопоставлении с обоснованностью других уровней.

Признание материального единства мира приводит в конкретизации понятия «субстанция» с позиций материалистической диалектики.

При употреблении понятия «субстанция» при построении обобщенной научной картины мира надо постоянно иметь в виду, что недостаточно ограничиваться рассмотрением одних только свойств и отношений, а нужно фиксировать также субстратное содержание явлений природы, т. е. существование тел, вещей, предметов, являющихся материальными носителями свойств и отношений, процессов и взаимодействий. Объединение содержания терминов предметной и субстанциальной групп можно фиксировать при помощи какого-либо специального термина, например, «предметность».

Признание предметного характера материальных объектов в материалистической диалектике не связано однозначно с признанием конечной сущности вещей, дальше которой познание не может развиваться. Само понимание предметности является в марксистско-ленинской философии диалектическим. Диалектическое понимание онтологического аспекта проблемы предметности выражается в утверждениях о том, что любой уровень материальных объектов, выступающий в качестве

¹⁹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 142—143.

основания, сам может рассматриваться как обоснованный более глубинным уровнем объектов. Именно такое понимание соотношения субстанциальности и обоснованности вытекает из ленинского положения о неисчерпаемости электрона.

Понятия предметности и субстанциальности, будучи относительно самостоятельными, в то же время взаимопроникают друг в друга, находятся в диалектическом единстве. В свете положения Энгельса о том, что единство мира заключается в его материальности, особенно важно при создании обобщенной научной картины мира, при разработке философских проблем современного естествознания не забывать о необходимости рассматривать предметные субстанциальные категории. Эти категории объединяют по содержанию предметные понятия («вещь», «предмет», «субстрат»), рассматриваемые в сопоставлении со структурными и функциональными категориями, и понятия «субстанция», «субстанциальность», рассматриваемые в сопоставлении с понятием «обоснованность».

ФИЗИЧЕСКАЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ И ФИЛОСОФСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ

В. Я. СТЕПАНОВ

Впервые представление об относительности возникает, по-видимому, тогда, когда древнегреческие мыслители стали рассматривать Землю как гигантский шар. Они неминуемо должны были прийти к заключению об отсутствии единого во всех точках Земли вертикального направления, о зависимости этого направления от выбора точки поверхности Земли. Вертикальное направление не абсолютно, не одинаково в разных точках земной поверхности и может быть установлено только относительно каких-то конкретных точек. Это понимание отсутствия вертикального направления безотносительно к системе отсчета может быть названо «принцип относительности вертикали».

С господствовавшей много столетий системой мира Птолемея было связано представление об абсолютности положения всех тел в этой системе. Положение всех тел определялось по отношению к абсолютно неподвижному центру—Земле. Значительный удар представлениям о наличии такой абсолютной системы отсчета нанес Коперник, который выдвинул идею гелиоцентрической системы мира в противоположность геоцентрической системе Птолемея. При дальнейшем развитии был сделан вывод, что и Солнце не является таким привилегированным центром во Вселенной, был сделан вывод, что положение каждого тела не существует само по себе, не существует в абсолютно неподвижной системе отсчета (поскольку таковой нет), а существует только относительно каких-то других тел. Осознание этого может быть названо принципом «кинематической относительности» или «относительности положения».

Следующий шаг в направлении релятивизации физических представлений был связан с выводом Галилея об одинаковости законов механики во всех инерциальных системах. Идея инвариантности законов механики при переходе от одной системы отсчета к другой была изложена Галилеем в «Диалогах о двух главнейших системах мира — птоломеевой и коперниковой» в 1632 году. Галилей утверждает (его мнение выражает Сальвиати), что все механические явления происходят одинаково в двух системах, равномерно и прямолинейно движущихся друг относительно друга. Переход от законов, описывающих движение в одной системе, к описанию в другой системе совершается с помощью специальных преобразований Галилея. Таково содержание классического принципа относительности Галилея, утверждающего инвариантность законов механики по отношению к преобразованиям Галилея.

Нетрудно заметить, что все эти принципы относительности сводятся к утверждению о существовании определенных законов природы. Они

утверждают нечто абсолютное. Принцип относительности вертикали есть не что иное, как утверждение об одинаковости свойств пространства в различных направлениях, то есть в этом принципе утверждается изотропность пространства. Принцип относительности положения есть также утверждение об однородности пространства, которое является его абсолютным, объективным свойством.

Принцип относительности Галилея утверждает независимость законов механики от выбора системы отсчета. Фактически содержание принципа относительности Галилея есть переформулировка выдвинутого им же положения о беспричинности движения по инерции—равномерного прямолинейного движения, то есть содержание этого принципа может быть сведено к первому закону Ньютона—закону инерции тел. Содержание всех этих принципов не только негативное, но и позитивное. Вместо утверждения о существовании некоторых абсолютных свойств, не зависящих от системы отсчета, проводится мысль о наличии других более общих свойств природы, абсолютных в смысле их независимости от системы координат, а также утверждается существование некоторых весьма общих отношений (преобразований Галилея), устанавливающих связь между выражениями законов движения в различных системах отсчета.

Идея однородности и изотропности пространства была принята Ньютоном в его механике, изложенной в «Математических началах натуральной философии» в 1687 г. Ньютон не мог обойтись без абсолютного движения, а следовательно, без понятий абсолютного пространства и времени. Отдавая должное заслугам Ньютона, Эйнштейн отмечает, что все дальнейшее развитие наших представлений о явлениях природы может рассматриваться как «органическое продолжение ньютоновских идей». Эйнштейн сочувственно относился к трактовке абсолютных пространств и времени Ньютоном и отмечал, что выводы Ньютона были, при современном ему состоянии науки, единственно возможными и единственно плодотворными. Вместе с тем Эйнштейн сознавал ограниченность механики Ньютона. «Понятия, созданные тобой,— писал Эйнштейн, обращаясь к Ньютону в «Автобиографических заметках» на 68-ом году жизни,—и сейчас еще остаются ведущими в нашем физическом мышлении, хотя мы теперь и знаем, что если мы будем стремиться к более глубокому пониманию взаимосвязей, то мы будем должны заменить эти понятия другими, стоящими дальше от сферы непосредственного опыта»¹⁾.

Посмотрим теперь, каково содержание принципа относительности в специальной и общей теории относительности. «Общий принцип специальной теории относительности содержится в постулате: законы физики инвариантны относительно преобразований Лоренца (дающих переход от одной инерциальной системы к любой другой инерциальной системе). Это есть ограничительный принцип для законов природы, который можно сравнить с лежащим в основе термодинамики ограничительным принципом несуществования вечного двигателя»²⁾.

Специальная теория относительности представляет собой обобщение принципа относительности Галилея («принципа относительности в узком смысле», как называл его Эйнштейн) на электродинамику и оптику при условии конечной скорости распространения взаимодействия. При этом отношения, выражаемые преобразованиями Галилея, заменяются отношениями, выражаемыми преобразованиями Лоренца, из которых могут быть получены преобразования Галилея если, принять скорость распространения света бесконечной.

¹⁾ А. Эйнштейн. Собр. научных трудов, т. IV, М., «Наука», 1967, стр. 270.

²⁾ А. Эйнштейн. Собр. научных трудов, т. IV, М., «Наука», 1967, стр. 279.

В специальной теории относительности показан относительный характер массы, времени и одновременно установлены столь общие закономерности, как взаимосвязь, нераздельность пространства и времени в четырехмерном пространстве Минковского. Так понимал содержание теории относительности, например, М. Планк, который, выступая в Мюнхене против абсолютизации относительности, говорил, что Эйнштейн не устранил абсолютное пространство и время, но лишь отодвинул его в число измерений четырехмерного многообразия: «Эта система измерений представляет нечто освобожденное от всякого произвола и потому абсолютное»³). Это мнение поддерживает Дж. Томсон: «Следует заметить, что принцип относительности, по сути дела, является утверждением абсолютности законов природы»⁴).

Таким образом, содержание «принципов относительности» вовсе не сводится к утверждению об относительности движения или свойств пространства и времени. Само по себе утверждение об относительности движения является тривиальным и понимание этой относительности возникает уже на уровне обыденного сознания. Любой путешественник не просто движется, он движется к чему-то или от чего-то, то есть относительно чего-то. Обратимся еще раз к Эйнштейну. В статье «О специальной и общей теории относительности» Эйнштейн пишет: «Всегда признавалось, что всякое движение по определению должно мыслиться как относительное движение... При простом констатировании или описании движения принципиально безразлично, к какому телу отсчета отнесится движение. Это утверждение, как мы уже говорили, очевидно само собой и его не следует смешивать с более глубоким утверждением, которое мы назвали «принципом относительности» и положили в основу наших исследований»⁵).

Содержание принципа относительности состоит в абсолютном существовании общих закономерностей. Поэтому можно было бы назвать этот принцип не «принцип относительности», а «принцип безотносительности» или «принцип абсолютности». Неудовлетворенность неудачным наименованием этого важного физического принципа и происходящим от него названием теории относительности высказывали многие выдающиеся ученые. Крупный современный физик-теоретик Дж. Синг полностью поддерживает мнение Минковского, считавшего неудачным применение слова «относительность» к теории, основанной на абсолютном пространстве-времени⁶). «Нельзя не сказать что название «теория относительности» не совсем удачно акцентирует постановку вопроса в этой теории,— подчеркивает К. Ланцош,— в теории относительности менее всего важно то, что существуют относительные величины. Она имеет дело главным образом с величинами, которые не зависят от выбора системы отсчета и могут быть легко пересчитаны от одной системы отсчета к другой»⁷).

Что касается относительности всякого движения, то может быть поставлен вопрос не только об относительности, но и об абсолютности всякого механического движения. «Однако существует одна естественно привилегированная система, — отмечает Дж. Томсон, — система, которую создает вся материальная Вселенная»⁸). С этим согласен Р. Фейнман, который говорил: «Нельзя утверждать, что всякое движение относитель-

³) М. Планк. От относительного к абсолютному. Вологда, 1925, стр. 43.

⁴) Дж. Томсон. Дух науки. М., «Знание», 1970, стр. 84.

⁵) А. Эйнштейн. Физики и реальность. М., «Наука», 1965, стр. 196.

⁶) См.: Дж. Синг. Общая теория относительности. М., ИЛ, 1963, стр. 8.

⁷) К. Ланцош. А. Эйнштейн и строение космоса. М., «Наука», 1967, стр. 154.

⁸) Дж. Томсон. Дух науки, стр. 90.

но. Не в этом содержание принципа относительности. Он утверждает лишь, что нельзя обнаружить изнутри равномерного и прямолинейного (относительно туманностей) движения»⁹⁾.

Мнение об абсолютности движения как отношения ко всей структуре пространства-времени высказывает крупный советский ученый, академик А. Д. Александров¹⁰⁾. По этим соображениям нельзя согласиться с мнением Эйнштейна и поддерживающего его М. Борна о равноправности систем мира Птолемея и Коперника¹¹⁾. Л. Инфельд показывает, что нельзя отождествлять математическую структуру и физическое содержание теории¹²⁾. Действительно, одна и та же математическая формула может выражать и период колебаний маятника и период собственных колебаний индуктивно-емкостного электрического контура, но совершенно очевидно, что нельзя в этом случае говорить о тождественных процессах. Однако, как показано в работах В. А. Фока, равноправности этих систем нет даже и при чисто формальном подходе.

Что касается общей теории относительности, то, как показано в работах В. А. Фока и А. Д. Александрова, ее содержание нельзя понимать как обобщение принципа относительности Галилея на произвольное ускоренное движение. Требование общей ковариантности уравнений (одинаковой формы уравнений по отношению к произвольным координатам) не охватывает всей совокупности начальных и граничных условий, а содержание физических процессов определяется не только видом уравнений, но и начальными и предельными условиями, которые в общем случае не ковариантны. Поэтому основная идея общей теории относительности не обобщение принципа относительности, а характер геометрии пространства-времени в ее связи с объектами, имеющими массу покоя. То есть общая теория относительности по своему содержанию есть теория тяготения, объединяющая пространственно-временную связь событий с их причинно-следственной связью.

Таким образом, объективное содержание принципов относительности (в том числе и принципа относительности Эйнштейна) вовсе не сводится к утверждению о том, что имеются понятия, выражающие физические величины, значение которых может быть определено только относительно определенной системы координат. Значение этих принципов гораздо глубже.

Ответ на вопрос «Утверждает ли теория относительности, что все на свете относительно?» может быть только один — нет. «В теории относительности, — подчеркивает, к примеру, Пайерлс, — законы физики имеют точную и абсолютную форму, лишь некоторые определенные положения, казавшиеся нашей интуиции абсолютными, оказывается предубеждением»¹³⁾. Такое понимание содержания теории относительности получает в последнее время все большее распространение.

Однако совершенно иные выводы делаются в работах ряда философов-идеалистов. В философии, в теории познания значение термина «относительный», применяемое к нашим знаниям, противопоставляется значению термина «абсолютный». Из наличия относительных элементов в нашем познании делается вывод об относительном и потому субъективном характере всех наших знаний. Особенно оживилось это направление

⁹⁾ Р. Фейнман. Характер физических законов. М., «Наука», 1968, стр. 101.

¹⁰⁾ А. Д. Александров. Пространство и время в современной физике в свете философских идей Ленина. Сб. «Ленин и современное естествознание». М., «Мысль», 1969, стр. 220.

¹¹⁾ См.: М. Борн. Эйнштейновская теория относительности. М., «Мир», 1964, стр. 414.

¹²⁾ Л. Инфельд. От Коперника до Эйнштейна. «Вопросы философии», 1955, № 4, стр. 129—130.

¹³⁾ Р. Пайерлс. Законы природы. М., Физматгиз, 1962, стр. 143—144.

в связи с установлением относительного характера пространства и времени. Не обращая никакого внимания на факты, которые свидетельствовали, как мы уже рассмотрели, не только об относительности отдельных понятий, ранее считавшихся абсолютными, но главным образом об открытии новых более глубоких и безотносительных закономерностей, эти философы весьма односторонне поняли положения теории относительности, слишком буквально истолковали ее название и пришли к выводу о субъективном характере пространства и времени. К выводам о том, что длина, время—лишь отношения вещей внешнего мира к некоторому наблюдателю, приходит А. Эддингтон. Физические величины, утверждает он, сфабрикованы нашими операциями, а пространственно-временная система отсчета представляет собой такую же условность как меридианы и параллели на земном шаре. Ф. Франк идет в этом направлении еще дальше и утверждает, что не только теория относительности, но и всякая физическая теория опровергает материализм, поскольку физические утверждения сводятся к утверждениям о состояниях сознания¹⁴). Непонимание диалектики соотношения абсолютной и относительной истины приводит к отнюдь не новому выводу о том, что «все на свете относительно».

Обоснованное опровержение взглядов философов и части физиков, делавших выводы о субъективности всего нашего знания, дается В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». Ленин высоко оценивал труды Эйнштейна, называя его «великим преобразователем естествознания» и с большим вниманием относился к его работам. В личной библиотеке Ленина в Кремле до сих пор хранятся многие работы, посвященные теории относительности. Отдавая должное Эйнштейну, Ленин четко отделяет философские выводы идеалистов от содержания самой физической теории Эйнштейна, за которую «ухватилась уже громадная масса представителей буржуазной интеллигенции всех стран» и подчеркивает связь модных философских направлений с классовыми интересами и классовой позицией буржуазии. Идеалистические взгляды махистов полностью разоблачены Лениным, показавшим, что они берут свое начало от Беркли и отличаются от философии Беркли только модной терминологией, но не содержанием.

В своей критике Ленин исходит из наличия в нашем знании относительных моментов в силу его неполноты и абсолютных моментов в силу его объективности: «Изменчивость человеческих представлений о пространстве и времени так же мало опровергает объективную реальность того и другого, как изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не опровергает объективной реальности внешнего мира¹⁵).

В. И. Ленин показывает, что Энгельс был прав, когда он критиковал Дюринга, злоупотреблявшего применением термина «абсолютная истина». Но это вовсе не давало Богданову основания утверждать, что объективная, а следовательно, как ее элемент, и абсолютная истина отсутствуют. Ленин утверждает, что диалектика включает в себя релятивизм как момент относительности знаний, но не сводится к нему: «Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой

¹⁴) Ф. Ф. Франк. Философия науки. М., ИЛ, 1960, стр. 297—298.

¹⁵) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 181—182.

истине¹⁶). Здесь Лениным дано четкое разграничение диалектики, включающей в себя релятивизм как один из своих элементов и «голового релятивизма» как абсолютизации одной из черт диалектического метода.

Многие выдающиеся физики последовательно выступали и выступают против отождествления физической и философской относительности. Против абсолютизации относительности в физическом идеализме постоянно выступал М. Планк: «Вероятно, восприятие теории относительности несколько задерживалось также из-за названия, — отмечает Р. Пайерлс — потому что оно наводит на мысль о связи с философской концепцией относительности, согласно которой любая истина рассматривается как относительная. Но как мы увидим, физическое понятие относительности не имеет ничего общего с одноименной философской концепцией»¹⁷). Эту же точку зрения проводит итальянский физик Тоннела в статье, посвященной выявлению различных смыслов относительности: «Само слово «относительность» способствовало смешению понятий «относительного движения», общего для всей механики физического принципа относительности, и «релятивизма явлений», воспринимаемого как более или менее прихотливый и сомнительный субъективизм. Такие уподобления весьма распротранены и совершенно ошибочны»¹⁸).

Сам Эйнштейн никогда не поддерживал истолкования теории относительности в духе субъективизма и конвенционализма, выступая как против понимания пространства как материального тела Декартом, так и против философского релятивизма.

К сожалению, часто обсуждение теории относительности не касается этого имеющего принципиальное значение положения. Но отношения в материальной диалектике ничуть не менее материальны, чем вещи, и потому нужно прямо сказать, что теория относительности и принцип относительности не могут рассматриваться как обоснование философского субъективизма и релятивизма. В связи с этим интересной представляется мысль А. И. Уёмова о том, что дальнейшее развитие физической теории пойдет по линии релятивизации понятия вещи, и что абсолютизация отношений ведет к релятивизации свойств и вещей¹⁹).

Поэтому теорию относительности можно рассматривать как некоторое оправдание концепции реляционизма, в которой мир рассматривается только как совокупность отношений (эта одна из трех возможных монархических структурных моделей мироздания; две другие: атрибутивизм — совокупность свойств и рензм — совокупность вещей²⁰).

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Необходимо разграничение понятия физической относительности, теоретико-познавательного релятивизма как элемента диалектики и абсолютного философского релятивизма как абсолютизации теоретико-познавательной относительности.

2. Релятивизм как признание относительного характера наших представлений о действительности, все более приближающихся к полному отображению ее, есть составная часть диалектики.

3. Физическая относительность, устанавливая относительный характер некоторых величин, утверждает вместе с тем существование других более общих объективных закономерностей. Поэтому физическая относительность не может служить обоснованием философского абсолютного релятивизма, отрицающего объективность наших знаний.

¹⁶) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 139.

¹⁷) Р. Пайерлс. Законы природы, стр. 143.

¹⁸) М. А. Тоннела. Обновление понятия относительности в физике Эйнштейна. «Эйнштейновский сборник», 1966, М., «Наука», стр. 195.

¹⁹) А. И. Уёмов. Многообразие форм относительности и теория Эйнштейна. Сб.: «Философские проблемы теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии», Киев, «Наукова думка», 1965.

²⁰) См.: А. И. Уёмов. Онтологические предпосылки логики. «Вопросы философии», 1969, № 1.

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «СТРУКТУРА» И ВОПРОС О ЕГО КАТЕГОРИАЛЬНОСТИ

В. Я. СТЕПАНОВ

Понятие структуры стало в настоящее время одним из самых распространенных общенаучных понятий и является предметом интенсивного философского анализа. Высказываются различные мнения о его содержании. Существующие точки зрения можно разделить на несколько основных групп.

1. Некоторые авторы (М. Б. Туровский, В. И. Кураев) не считают понятие структуры категорией. М. Б. Туровский вообще возражает против ввода новых философских категорий. В. И. Кураев относит понятие структуры к специально-научным.

2. Другая группа авторов считает понятие структуры лишь иным названием или некоторой модификацией классических категорий. Понятие структуры рассматривалось как близкое к категориям количества (Б. М. Кедров), качества (С. П. Дудель), как разновидность формы (А. Г. Спиркин, Г. И. Царегородцев, А. П. Шептулин).

3. В работах В. И. Свидерского, Л. О. Вальта, О. С. Зелькиной и др. развивается понимание структуры как самостоятельной категории материалистической диалектики. В этой последней трактовке можно выделить две точки зрения:

а) согласно первой (Б. А. Грушин, И. В. Кузнецов, С. Т. Мелюхин, И. И. Новинский, Н. Ф. Овчинников, Б. Рассел, В. Ф. Сержантов и др.) структура есть совокупность элементов вместе с их отношениями;

б) согласно второй (В. И. Свидерский, Л. О. Вальт, О. С. Зелькина, В. Д. Кивенко и др.) понятие структуры выражает «принцип, закон связи элементов, систему их отношений».

4. Высказывается также мнение о существовании целого семейства определений структуры (И. С. Алексеев, Р. А. Зобов, В. И. Свидерский, В. И. Столяров), что помогает решить ряд трудностей, но не снимает вопроса общего определения структуры, вопроса о, так сказать, «фамилии» этого семейства.

Вопрос о содержании понятия структуры рассматривался главным образом на основе анализа его применения в частных науках: химии, математике, физике, лингвистике и др. При этом недостаточно уделялось внимания сочетанию этого подхода с марксистской философской традицией. По нашему мнению, решению вопроса о содержании понятия структуры и об особенностях связанного с этим понятием структурного метода может способствовать анализ различных сторон диалектического метода Маркса, Энгельса, Ленина, примененного ими при рассмотрении сложнейших явлений общественной жизни. Одной из сторон диалектиче-

ского метода классиков марксизма-ленинизма, его составной частью является метод структурный. В данной статье мы попытаемся выяснить содержание понятия структуры и особенности его применения в работах классиков марксизма-ленинизма, в том числе в сравнительно недавно опубликованных рукописях Маркса и Энгельса, не претендуя на общий анализ их диалектического метода. Кроме этого, мы рассмотрим вопрос о категориальности понятия структуры.

**
*

При изучении указанной выше стороны диалектического метода классиков марксизма-ленинизма выясняется ряд его особенностей. В анализе явлений общественной жизни Маркс сначала констатирует существование человеческих индивидов. Затем Маркс идет далее к выявлению основных признаков общества: «Общество не состоит из индивидуумов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивидуумы находятся друг к другу»¹⁾.

Другой особенностью метода Маркса является выделение главных, определяющих общественных отношений при абстрагировании от второстепенных подробностей. «Первичные исторические отношения или основные стороны социальной деятельности, — отмечает Маркс в 1-й главе «Немецкой идеологии», — производство жизненных средств, порождение новых потребностей, производство людей (семья), общение, сознание»²⁾. С целью отвлечения от несущественных подробностей Маркс избирает в качестве предмета анализа Англию, как наиболее типичную, «классическую» страну капиталистического способа производства. В предисловии к первому немецкому изданию 1-го тома «Капитала» Маркс отмечает необходимость анализа сложных явлений в «чистом виде». Задача абстракции у Маркса в том, чтобы выделить наиболее характерную специфическую черту явлений. Такое характерное для буржуазного общества производственное отношение, как «капитал вообще», является абстракцией, но «с другой стороны, капитал представляет собой некоторую особенную реальную форму наряду с формой особенного и единичного»³⁾. Абстрагированное вообще представляет собой особого рода реальность, оно абстрагировано из действительности как ее некоторая общая сторона.

На необходимость такого подхода указывает также Ленин: «Когда решается какой-нибудь сложный и запутанный общественно-экономический вопрос, то азбучное правило требует, чтобы сначала был взят самый типичный, наиболее свободный от всяких посторонних усложняющих влияний и обстоятельств случай и уже затем от его решения, чтобы восходили далее, принимая одно за другим во внимание эти посторонние и усложняющие обстоятельства»⁴⁾.

Такой подход является одним из главных элементов метода Маркса, на основе которого он приходит к открытию общественно-экономических формаций, понимаемых им как особые ступени в историческом развитии человечества, с характерной для каждой такой ступени совокупностью производственных отношений и с выделением основного

¹⁾ Из рукописи К. Маркса «Критика политической экономии», «Вопросы философии», 1966, № 5, стр. 132.

²⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1 М., Изд-во политич. литературы, 1970, стр. 8—9.

³⁾ Из рукописи К. Маркса. «Критика политической экономии». «Вопросы философии», 1966, № 9, стр. 94.

⁴⁾ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 328.

определяющего отношения для каждой общественно-экономической формации. «Отношение между капиталом и трудом, — подчеркивает Энгельс в рецензии на 1-й том «Капитала», — та ось, вокруг которой вращается вся наша современная общественная система...»⁵⁾. Этот момент как один из основных в методе Маркса неоднократно отмечает Ленин. «Каким же образом выработал Маркс эту основную идею? — спрашивает Ленин о понятии общественно-экономической формации и отвечает: «Он сделал это посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — отношений производственных как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения»⁶⁾.

Особо следует отметить то, что Маркс рассматривает совокупность производственных отношений не как простую сумму, агрегат, а, напротив, как органическую систему, исторически развившуюся целостность, подчиняющую себе все элементы общества⁷⁾.

Другой стороной метода Маркса является выявление противоположностей, противоречия как «деятельного соотношения»⁸⁾. Окружающий чувственный мир Маркс и Энгельс, вопреки созерцательному подходу Фейербаха, понимают как «продукт промышленности» и общественного состояния, «как исторический продукт, результат деятельности целого ряда поколений...»⁹⁾. «Фейербах, — отмечают они, — никогда не достигает чувственного понимания мира как совокупной, живой чувственной деятельности составляющих его индивидов»¹⁰⁾.

Эти замечания Маркса и его пометка на полях рукописи первой главы «Немецкой идеологии» имеют большое значение для выяснения вопроса о том, откуда и как выделяются отношения в процессе познания. «Так называемая объективная историография, — пишет Маркс в пометке, — заключалась именно в том, чтобы рассматривать исторические отношения в отрыве от деятельности. Реакционный характер»¹¹⁾. По нашему мнению, отмеченные выше особенности метода Маркса, рассмотрение им общественных явлений как совокупности общественных отношений имеют непосредственное отношение к выявлению содержания понятия структуры. Проследим, однако, в каком смысле применяют Маркс и Энгельс сам термин «структура», который встречается во всех их работах, начиная с докторской диссертации Маркса¹²⁾.

В рукописи первой главы «Немецкой идеологии» — «Фейербах. Противоположность материалистических и идеалистических воззрений» (1845—1846) — Маркс и Энгельс неоднократно применяют термин «структура»: структура нации, общественная структура первобытнообщинного строя как расширение семьи¹³⁾. В более поздних работах Маркса, начиная с 1859 года, всегда под структурой понимается совокупность отношений: «Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества...»¹⁴⁾.

⁵⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 246.

⁶⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 234.

⁷⁾ См.: Из рукописи К. Маркса. «Критика политической экономии». «Вопросы философии», 1966, № 5, стр. 135.

⁸⁾ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., Изд-во политич. литературы, 1956, стр. 585.

⁹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, стр. 17.

¹⁰⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, стр. 19.

¹¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, стр. 35.

¹²⁾ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 28.

¹³⁾ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, стр. 9, 10.

¹⁴⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 6.

Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» понимает структуру первобытного общества как «основанную на родовых связях», то есть на родственных отношениях. Понятие экономической структуры, определяющей надстройку, неоднократно применяется Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» и в других работах.

В таком же плане применяет понятие структуры В. И. Ленин: «Материализм дал вполне объективный критерий, выделив производственные отношения как структуру общества и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты»¹⁵). В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин подвергает специальному анализу логический скелет «Капитала и выявляет следующие его особенности (полн. собр. соч., т. 1):

1. Выделение «основных, первоначальных, определяющих» производственных отношений (стр. 134).

2. Выявление повторяемости и правильности этих отношений. Обобщение их в понятие общественно-экономические формации (стр. 137).

3. Противопоставление общественно-экономических формаций, понимаемых как совокупность отношений, пониманию их как «механического агрегата индивидов» (стр. 139).

4. Подробнейший анализ законов функционирования общественно-экономической формации в рамках анализа только производственных отношений членов общества (стр. 138—139).

5. Прослеживание соответствующих этим производственным отношениям надстроек (стр. 139).

Приведенные положения заслуживают серьезного внимания. В рамках данной статьи нас интересуют главным образом первые три пункта, исходя из которых можно сделать некоторые выводы об одной из сторон диалектического метода и о содержании понятия структуры:

1. В работах классиков марксизма-ленинизма имеет место особый прием, который может быть назван структурным (выявление главного, основного, определяющего отношения плюс к этому выявление совокупности устойчивых, повторяющихся отношений). Этот прием имеет важное методологическое значение при анализе сложных явлений.

2. Совокупность отношений есть нечто упорядоченное, «правильное», противопоставляемое «механическому агрегату».

3. Структура есть совокупность повторяющихся устойчивых, упорядоченных отношений, выражающая основные особенности исторически ставшей и функционирующей целостности.

Что касается «отношений», через которые определяется структура, то здесь мы лишь заметим, что понятие отношения входит, по нашему мнению, в число исходных неопределяемых (в системе категорий) понятий.

О категориальности структуры

Вопрос о требованиях, которым должны соответствовать универсальные философские (а не гносеологические) категории, о критериях ввода таких новых категорий является сложным.

В настоящее время (в работах В. С. Готта и А. Д. Урсула, И. С. Нарского, В. Н. Сагатовского) выдвигаются следующие требования: 1) всеобщность, универсальность, применимость понятия к любому явлению; понятие должно выражать атрибутивное свойство материи; 2) понятие должно представлять собой «ступеньку познания», опреде-

ленный способ исследования; 3) категории диалектики должны составлять логически связанную систему.

Посмотрим, как соответствует этим требованиям понятие структуры как совокупности устойчивых, упорядоченных отношений.

Утверждение о всеобщности понятия структуры (принцип структурности) предполагает, что любой объект состоит из частей, которые независимы в одних отношениях и связаны в других. Конечно, в практической деятельности мы часто принимаем определенные объекты как нечто монолитное, бесструктурное, но нужно иметь в виду, что это лишь условная бесструктурность, носящая относительный характер. Как верно отмечает А. К. Сухотин: «Тезис о бесструктурности элементов принимается познанием и необходим в интересах упрощения эпистемологических построений». Вместе с тем, продолжает он далее, отвергая позитивистское решение, познание опирается на свойства природы, в которой отсутствуют бесструктурные объекты, но имеются объективные предпосылки, позволяющие выделить объекты в качестве эпистемологически неразложимых единиц системы познания¹⁵).

Принцип структурности может быть доказан методом неполной индукции (установление структурности всех известных в настоящее время объектов через их перебор, перечисление). Однако согласно наиболее распространенной логической концепции, индуктивное доказательство асимметрично. Миллионы положительных примеров еще не делают его достоверным, гарантирующим от появления исключений, в то же время один-единственный контрпример, отрицательный результат сразу же полностью опровергает утверждение, доказанное только индуктивным путем.

Поэтому представляют интерес другие доказательства принципа структурности, исходящие из более общих предположений.

Логическую противоречивость, бессмысленность, порочность, утверждений о существовании абсолютно элементарных объектов отмечает В. А. Марков. Такой элементарный объект должен быть лишен всяких свойств, поскольку в противном случае нужно было бы признать существование каких-то «более элементарных» свойств, приводящих к первым, поэтому: «Уроки истории таковы, идея «что-то» состоит из «чего-то» всегда оказывалась правильной. Идея же атома в смысле абсолютной элементарности вообще всегда оказывалась в конце концов ложной»¹⁷).

В 1965 году И. И. Ляховым было доказано, что признание существования бесструктурных объектов равносильно признанию существования материи без движения, так как бесструктурный объект был бы абсолютно однороден, непрерывен, не имел бы частей и не смог бы изменяться, развиваться¹⁸). В том же 1965 году Г. А. Свечников показал, что признание существования бесструктурных объектов противоречит принципу причинности, так как любые воздействия на такой объект не изменяли бы его внутреннего состояния. При этом все многообразие форм движения было бы сведено к механическому движению таких бесструктурных объектов¹⁹), то есть отрицание принципа структурности

¹⁵) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

¹⁶) А. К. Сухотин. Гносеологический анализ емкости знания. Томск, 1968, стр. 89—91.

¹⁷) М. А. Марков. О современной форме атомизма. «Вопросы философии», 1960, № 3, стр. 50.

¹⁸) И. И. Ляхов. Структурность — всеобщее и существенное свойство материи. «Вестник Московского университета». 1965, сер. 7, № 1, стр. 62.

¹⁹) Г. А. Свечников. Ленинская идея неисчерпаемости материи в современной физике. «Коммунист», 1965, № 7, стр. 86.

приводит к одновременному отрицанию и принципа причинности, что свидетельствует о глубокой связи этих принципов.

Особого внимания заслуживает то, что определение структуры распространяется не только на вещи, отражая их устойчивость, инвариантность, но и на процессы. Необходимость распространения понятия структуры на процессы понятна в философском плане, так как только в этом случае категория будет обладать действительной всеобщностью. Эта необходимость приводит к возникновению понятия функциональной или динамической структуры, понимаемой как совокупность отношений между относительно устойчивыми состояниями процесса. Примером такой динамической структуры может служить музыкальная мелодия.

Интересно, что в сходном смысле применяется термин «структура» у Маркса, который рассматривает в докторской диссертации послеаристотелевские философские системы как моменты самосознания, составляющие вместе взятые, «законченную структуру самосознания»²⁰).

Приведенные выше доказательства всеобщности понятия структуры методом от противного являются дедуктивными и предполагают невозможность исключений из доказываемого положения без отказа от связанных с ними посылок, являющихся выводом из всей истории науки. Следовательно, понятие структуры как устойчивой, упорядоченной, повторяющейся совокупности отношений является всеобщим и отвечает первому требованию, предъявляемому к категориям.

Что касается требования служить основой для соответствующего способа исследования, то особенности структурного способа исследования были рассмотрены в первой части нашей статьи и, как нам представляется, может быть сделан вывод о том, что имеется особый метод, способ изучения объектов посредством выявления их структуры. Важность этого метода для современной науки, пожалуй, нет необходимости доказывать. Имеется даже опасность переоценки его возможностей, опасность абсолютизации структурного метода некоторыми философиями-структуралистами.

Исследованию взаимоотношений структуры с другими категориями диалектики уделяется значительное место в работах многих философов, но основная работа в этом направлении еще впереди. Кроме уже упоминавшихся выше авторов, следует назвать последние работы В. В. Агудова, В. С. Тюхтина, А. А. Фурмана и других. При этом выясняется, в частности, неправомерность рассмотрения структуры как разновидности формы. «...Отнеся организацию, структуру к категории «форма», — справедливо замечает В. С. Тюхтин, — мы значительно обедним категорию «содержание» или, образно выражаясь, вынем из нее душу, ликвидируем как самостоятельную категорию»²¹).

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что структура (устойчивая, упорядоченная совокупность отношений) отвечает приведенным выше требованиям, предъявляемым к категориям диалектики. Но нужно сделать оговорку, что вопрос о месте категории структуры в системе категорий диалектики еще мало исследован.

Определение структуры как любой совокупности отношений представляется недостаточным, поскольку оно приводит к известным теоретико-множественным и теоретико-свойственным парадоксам. Совокупность — это аморфный, неупорядоченный набор объектов, члены которого могут меняться местами без изменения свойств этого объекта. В структуре, понимаемой как устойчивая, упорядоченная совокупность

²⁰) К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 28.

²¹) В. С. Тюхтин. Категории «форма» и «содержание» и их структурный анализ. «Вопросы философии», 1971, № 10, стр. 89.

отношений, места этих отношений фиксированы. С целью сокращения указанного определения можно предложить дефиницию структуры как ансамбля отношений, подразумевая, что ансамбль — это устойчивая упорядоченная совокупность отношений.

Такое понимание структуры близко к пониманию ее в математической логике как «системы отношений», «реляционной системы»²²). Однако в математической логике принято чисто экстенциональное понимание отношений на основе указания членов этих отношений. Философию же интересуют прежде всего интенциональные (содержательные) аспекты понятия.

В определении структуры нецелесообразно включать элементы, так как совокупность отношений вместе с их элементами представляет собой систему.

Разумеется, структура конкретной материальной системы не может мыслиться без выделения элементов, между которыми она существует, но, исходя из относительной самостоятельности структуры, мы должны признать целесообразным принятие более абстрактного определения ее как ансамбля отношений без непосредственного включения в это определение элементов. Так, Маркс замечает, что отношения индивидов есть отношения действительного процесса их жизни, но в процессе разделения труда отношения индивидов «приобретают самостоятельное противостоящее им существование»²³). В этом нет никакого идеализма, опасность возникновения которого связана не с самим определением, а с его интерпретациями. Напрасны опасения некоторых философов, что определение структуры как совокупности внутренних отношений «импонирует современному идеализму». «В абстрагировании структуры нет никакого идеализма, — справедливо отмечает В. Н. Сагатовский, — точно так же как в боязни этого нет материализма (во всяком случае диалектического)»²⁴).

Специальный интерес представляет вопрос о выделении уровней познания, связанных с типом деятельности, на которых специфически осознается действие принципа структурности.

В заключение может быть сделан вывод, что структура (устойчивая, упорядоченная совокупность отношений) должна рассматриваться как категория диалектики, имеющая важное значение в свете современного развития наук. Категория эта имеет выраженную логикометодологическую направленность, и процесс ее становления как философской категории еще продолжается.

²²) См. сб. Математическая логика и ее применение, М., «Мир», 1965, стр. 77, 144.

²³) К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, стр. 76.

²⁴) В. Н. Сагатовский. Философия как теория всеобщего и ее роль в медицинском познании. Томск, 1968, стр. 228.

ПРОБЛЕМА НАУЧНОЙ ТЕОРИИ В РАННИХ РАБОТАХ В. И. ЛЕНИНА

Ф. Ф. ГОЛИКОВ

В последнее время в философской литературе все более частыми делаются попытки разработать специальную теорию о теории, широко охарактеризовав ее формирование, сущность и функции. В развитии метатеории особый методологический интерес представляет разработка вопросов понимания В. И. Лениным научной теории. В статье предпринимается попытка на основе анализа ряда ранних ленинских экономических работ выяснить некоторые важные стороны «механизма» становления теории как формы мышления, ее строения и значимости. При этом избирается главным образом гносеологический аспект исследования теории, полагая, что такой подход плодотворен потому, что он ориентирует в первую очередь на конкретно-содержательный анализ данной формы мышления.

Исследование «механизма» становления теории — весьма обширная проблема, поэтому целесообразно в первую очередь дать гносеологический анализ так называемой «предтеоретической ситуации». Согласно принципам диалектической логики для мысленного воспроизведения изучаемого объекта в теоретической целостности важно, чтобы он достиг определенной степени «зрелости», выражая в своем развитии значение всеобщности. Это подготавливается всем ходом научно-практической деятельности, вызывается реальной жизнью, которая «несет с собой и новые факты, и новые способы исследования, требующие дальнейшего развития теории»¹). Многоэтапный процесс формирования теории возможен на основе определенных исходных знаний (имеющиеся теоретические концепции и выводы, философские категории, методологические принципы и т. д.), функция которых состоит в том, что они способствуют соблюдению преемственности научного познания и с необходимостью вызывают становление эмпирического базиса теории и конкретизацию фундаментальной идеи.

На примере становления теории развития капитализма в России, увенчавшей собой многолетние исследования В. И. Лениным изменений в экономической жизни страны конца XIX в., особенно рельефно прослеживается мысль о том, что построение фундаментальной социальной теории представляет собой сложный и противоречивый процесс со своими специфическими характеристиками, процедурами и средствами познания. Обращая внимание на неотложную необходимость

¹) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 202. (В дальнейшем ссылки на это же издание).

теоретического анализа складывающихся капиталистических отношений, В. И. Ленин пишет, что «для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос «о судьбах капитализма в России...»²⁾. Кроме этого, важным было обоснованное и всестороннее рассмотрение философских и экономических взглядов народников, являющихся основным препятствием на пути распространения марксистской теории и социал-демократического движения в России. Нужно было опровергнуть народнические теории о том, что развитие капитализма якобы не имеет под собой реальной почвы, и доказать, что капитализм уже стал «основным фактом хозяйственной жизни России».

Формирование новых теорий, по Ленину, идет непременно на базе творческой переработки имеющегося теоретического наследства прошлого, ибо каждый новый «круг», в данном случае фундаментальная теория, будет означать собой узловую момент в познании, выступающий не только как дальнейшее углубление в раскрытии сущности исследуемого объекта, но и содержащий в себе в «снятом» виде рациональные зерна предшествующих знаний о нем. При этом в общественных теориях дело обстоит во многом иначе, чем в естественнонаучных, ибо мыслительный материал прошлого, освобождаясь от случайного, ограниченного, экстраполируясь на другие предметные области, в ходе исторического развития претерпевает изменения и «включается» в новую теоретическую систему в преобразованном и зачастую в интерпретированном виде. Расширяя и обогащая свое содержание, теория становится не только более объективной и полной, но вместе с тем она делается более внутренне замкнутой, и в ней возрастает степень ее относительной самостоятельности по отношению к остальному знанию, в том числе и к другим теориям.

В первую очередь следует подчеркнуть, что одной из закономерных предпосылок становления теории было творческое применение В. И. Лениным анализа капиталистического способа производства, данного К. Марксом в «Капитале». Новая теоретическая конструкция возможна в результате экстраполяции прежних системных знаний на новую предметную область: по словам Ленина, «приложение» теории Маркса состояло в том, «чтобы, пользуясь выработанными приемами материалистического метода и теоретической политэкономии, исследовать русские производственные отношения и их эволюцию»³⁾. Исходными принципами формирования теории послужили знания в области политэкономии, а также законы и категории диалектико-материалистической философии. Как никто другой, В. И. Ленин понял парадоксальную ситуацию, сложившуюся в экономических учениях того периода: с одной стороны, хаос теоретических представлений и концепций, а с другой — богатство фактического материала. В связи с этим он критиковал рабское копирование случайного, внешнего, эмпирическую узость теоретического исследования, в то же время отрицательно относился к так называемым бесплодным, спекулятивным, априорным теориям. Так, В. И. Ленин показал несостоятельность теоретических положений одного из представителей экономического романтизма Сисмонди, пытавшегося решить вопросы в широком плане «для всех стран и времен вообще», в силу чего не сумевшего дать объективно значимых результатов⁴⁾. Не вдаваясь в подробности теоретического содержания взгля-

²⁾ В. И. Ленин. Т. 1, стр. 275.

³⁾ В. И. Ленин. Т. 1, стр. 274—275.

⁴⁾ В. И. Ленин. Т. 2, стр. 170—171.

дов либеральных народников, подчеркнем, что основные их методологические ошибки объясняются тем, что они, согласно Ленину, без «всякого изучения доктрины Маркса, без всяких новых исследований», а только «на основании возведения в общее правило исключительного случая» заявляли о «новой теории», об «ошибках Маркса», высказывали «бесплодные упования на иной путь развития»⁵).

Складывание названной теории происходит как бы по спирали, каждое «звено» (отдельные концепции) которой составляет новую ступень понимания экономической жизни России конца XIX в. (разложение крестьянства, формирование внутреннего рынка и т. д.). Уже в ранних работах прослеживается осознание В. И. Лениным актуальности изучения и обнаружения все новых сторон и отношений социальных явлений, четкое выяснение исходных принципов, основных направлений и задач научного исследования. В них формулируются и уточняются многие категории, понятия и законы, высказываются положения и выводы, которые иллюстрируются достаточно полным статистическим материалом. И хотя был дан тщательный анализ некоторых существенных признаков изучаемого объекта, необходимо было отдельные разрозненные концепции на основе фундаментальной идеи синтезировать в единую научную теорию. Иначе выражаясь, требовалось проникнуть во внутренние связи и отношения экономических процессов настолько глубоко и полно, чтобы в результате этого «разработать подробное марксистское понимание русской истории и действительности», понять и изучить «объективную логику хозяйственной эволюции», т. е. рассмотреть историю развития капитализма от начала до конца.

Марксово теоретическое наследие давало возможность начинать исследование капиталистических отношений не с самого начала, а в развитом виде, что позволяло сосредоточить внимание на новых объективных закономерностях и специфических сторонах становления капитализма в России. В связи с этим В. И. Лениным была определена основная идея данной теории: она «должна... направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития... должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений...»⁶). Синтезирующая и эвристическая роль идеи в построении научной теории проявилась прежде всего в процессе отбора, тщательного анализа и обобщения фактического материала, который представляет собой исходный момент абстрагирования и идеализации в исследовании явлений и процессов действительности. Еще К. Маркс отмечал, что в ходе исследования в первую очередь необходимо «детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития» и что понимание фактов может возникнуть только через критическое усвоение прежних положений и создание новой теории. Следуя этим принципам, В. И. Ленин предположил анализу системного фактического материала теоретическое введение, которое, по его словам, играет «роль лишь руководящих положений анализа конкретных данных». Говоря же о народниках, он подчеркивал, что огромная масса собранных ими фактов подавила их, заслонила от них существо экономики деревни. В. И. Ленин указал на порочность их метода построения теоретических систем, сущность которого состояла в том, что они «решение этих вопросов основывают на отсталых

⁵) В. И. Ленин. Т. 1, стр. 421—423; т. 46, стр. 29.

⁶) В. И. Ленин. Т. 1, стр. 307.

теориях, на игнорировании крупнейших фактов русской истории и действительности». Комментируя работу В. Постникова «Южнорусское крестьянское хозяйство», Ленин отмечал, что «автор, не руководимый теорией, совершенно не сумел оценить обработанных им данных...»⁷⁾.

В то же время из ленинского положения о том, что капитализм во всех своих подробностях и мельчайших разветвлениях «никогда не будет изучен до конца», вытекает важный методологический вывод — опыт всегда неисчерпаем в своем многообразии, и поэтому ожидать теоретического обобщения, пока не будет исчерпан «до конца» опыт, значит отрицать фактически значение теории. Согласно Ленину, задача исследования состояла в том, чтобы создать такой научный фундамент на основе точных и бесспорных фактов, опираясь на который, можно перейти к построению новой теории. Он предельно сжато и глубоко сформулировал исходные принципы создания фундамента научной теории, подчеркнув, что факты являются основой политической экономии⁸⁾. Кроме того, решающим в построении теории представляется не только количество приводимых фактов, но и их значимость, аргументирующая сила и правильное установление надлежащего места каждого из них «в системе теории в целом». В. И. Ленин придавал всегда огромное значение тщательному обоснованию теоретических положений и выводов. Так, при анализе Марксовой экономической теории им выделялась ее исключительная обосновывающая база, состоящая из доказательства идей целой системой экономических законов и «Монбланом фактов».

Нельзя не отметить также и то, что в отличие от народников В. И. Ленин не просто суммировал те или иные факты, свидетельствующие о появлении новых тенденций в общественной жизни страны, а указал их место и роль в системе экономических отношений. Он так анализировал и интерпретировал фактический материал, что видел те внутренние связи, которые не могли или не хотели заметить эмпирико-исследователи, вследствие чего те же факты выступили в его теоретических концепциях в новом виде и с большей аргументирующей силой. Теоретик марксизма утверждал, что в опровержение положений ложных теорий важно не просто привести диаметрально противоположные факты, но необходимо «рассмотреть весь процесс развития капитализма в России в целом». Дело в том, что только в научной системе взаимосвязанные и строго проверенные факты обладают высокой аргументирующей силой и выступают «одним из самых могущественных орудий социального познания». Изучение нового, менее распространенного весьма сложного и противоречивого объекта (тем более социальных явлений) требует тщательного анализа максимальной полноты фактов.

В соответствии с ленинскими принципами отбора и обработки фактов, включения их информационного значения в определенную теоретическую целостность следует понимать и проблему соотношения факта и теории. Фактический материал интерпретируется и становится в большинстве случаев научным фактом только в системе конкретных теоретических представлений и концепций, выдвигаемых в качестве теории, дающей не только изложение, но и наиболее глубокое его объяснение. Безусловно, без новых фактов не может быть и нового знания, которое, в свою очередь, опирается не только на них, но и на предшествующие достижения той или иной отрасли науки. На ос-

⁷⁾ В. И. Ленин. Т. 3, стр. 75.

⁸⁾ См.: В. И. Ленин. Конспект «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М., 1959, стр. 78.

нове глубокого теоретического синтеза информационного значения фактов, категорий и законов возникает научная теория как наиболее объективная и широкая форма мышления. Изложение результатов исследования объекта как системы ведется преимущественно путем постепенного восхождения от абстрактного к более конкретному, а совокупность знаний, перестав быть суммой эмпирических сведений и двигаясь от явления к сущности, выступает уже как систематизация их в научную теорию и как последовательное выведение всех полученных абстракций друг из друга. Иначе говоря, восхождение от абстрактного к конкретному означает специфический переход от понимания разрозненных частных представлений к пониманию их общей связи, их совокупности в составе теории.

По мнению В. И. Ленина, в формировании теории о сложных и запутанных общественно-экономических вопросах является «то азбучное правило», которое требует, «чтобы сначала был взят самый типичный и наиболее свободный от всяких посторонних, усложняющих влияний и обстоятельств, случай...»⁹). В качестве исходного пункта («клеточки») научного исследования развитого социального объекта и построения теории В. И. Лениным были положены как раз те факты, в которых наиболее рельефно выражалась объективная сущность и закономерность эволюции экономики страны конца прошлого столетия. На основе анализа огромного количества статистических данных он пришел к констатации фундаментального факта, что разложение крестьянства создает внутренний рынок, а степень «развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране»¹⁰). Исходя из анализах этих качественных сторон экономической жизни, В. И. Ленин перешел к рассмотрению более сложных объектов. Образно выражаясь, в работе «Развитие капитализма в России» историческая последовательность глубоко и полно трансформируется в теории в логическую последовательность. В противоположность этому народники, выдвинув ошибочную теорию, стремились отделаться от необходимости объяснения факта развития внутреннего рынка и брали оправданными моментами слишком широкие абстракции, исходя из которых пытались разработать конкретные определения в качестве элементов теории.

В. И. Ленин подробно, шаг за шагом прослеживает путь формирования капитализма в России: сначала излагаются основные теоретические положения о внутреннем рынке, затем анализируется развитие капиталистических отношений в земледелии и промышленности, обуславливающее также складывание внутреннего рынка, и, наконец, дается обобщающий анализ образования внутреннего рынка в целом. С этой целью им исследуются не отдельные стороны и факты, присущие капиталистическому обществу, а вся совокупность научных данных, относящихся к самой основе экономических отношений страны. Закономерный переход от одних определений объекта к другим, более сложным, их тщательный анализ на каждом этапе исследования и затем теоретический синтез образуют в широком смысле слова структуру восхождения от абстрактного к конкретному. Изложение В. И. Лениным результатов исследования путем постепенного восхождения от абстрактного к конкретному позволило перейти от хаотических представлений о целом к знанию реального объекта во всем богатстве его сторон, свойств и отношений.

⁹) В. И. Ленин. Т. 6, стр. 328.

¹⁰) В. И. Ленин. Т. 1, стр. 60; т. 6, стр. 328.

В процессе этого восхождения важную синтезирующую роль выполняет фундаментальная идея, которая, развиваясь и конкретизируясь в общем движении познания, становится одним из решающих компонентов научной теории. Идея, будучи наиболее «уплотненным» и абстрактным элементом знания, конкретизируется в системе законов, понятий и категорий, касающихся конкретной области объектов. Все развитие социальных явлений адекватно воспроизводится В. И. Лениным в системе определенных экономических и политических категорий, понятий и законов, в своей совокупности образующих основу теории. Он подчеркивал, что понятийно-категориальный состав и основные законы составляют «костяк», «скелет» теории, поскольку с их помощью выражаются различные стороны всеобщего процесса развития объективного мира. Но общих законов и категорий недостаточно для теоретического воспроизведения конкретного целого с его специфическими характеристиками и моментами, поэтому в ходе построения теории происходит их конкретизация на основе тщательного выбора, уточнения и синтеза широкого круга понятий. Для понимания этих процессов необходим глубокий гносеологический анализ понятийного состава теории, так как, по характеристике Ленина, «образование понятий» и их вечное движение означает познание все более глубокой объективной связи внешнего мира.

Понятийно-категориальный аппарат, составляя основание («тело») теории, неоднороден по своему составу и представляет собой своеобразную «субординационную сетку». Прежде всего в фундаментальной теории следует выделить «ключевые» категории (общественно-экономическая формация, товар, производство, класс), с помощью которых фиксируется общее, раскрываются наиболее характерные признаки и связи изучаемых явлений и осуществляется преемственность научных теорий. Фундаментальную теорию, выступающую как иерархическая цепь отдельных «малых кругов» (концепций), целесообразным представляется рассматривать с точки зрения анализа категориально-понятийного состава взаимосвязанных между собой концепций. Так, следуя Марксову методу о разветвлянии исходной «клеточки» и последовательности анализа экономических категорий, В. И. Ленин исчерпывающе глубоко исследовал формы развития капиталистических отношений, в результате чего были сформулированы основные понятия каждого «малого круга»: мелкое товарное производство, мануфактура и крупная машинная индустрия. Обобщение и объяснение многочисленных фактических данных, относящихся к каждому из названных «звеньев», нашли свое закономерное выражение в движении целого ряда специфических понятий: с одной стороны, мелкий товаропроизводитель, наемный рабочий, работающий дома, рабочий, с другой — торговец, скупщик-торговец, мелкий промышленник, промышленник и т. д. Подлинное понимание последовательной взаимосвязанности названных трех групп понятий и категорий возможно в результате их анализа как бы «в чистом виде» и на основе последующего синтеза в подлинно научную теорию.

В то же время В. И. Ленин резко выступал против таких общих формул, нелепых идей и абстрактных схем («соединение промысла с земледелием», мифический «народный строй» и др.), с помощью которых «нельзя сделать ни шагу в деле уяснения действительного процесса развития капитализма». В связи с этим он отмечал, что исправление взглядов народников «необходимо начинать с выяснения содержания тех понятий, о которых идет речь», а именно: «товарное

производство», «капитализм», «внутренний рынок». Это было связано с тем, что субъективистские теоретики почти игнорировали, например, понятие «капитализм» и, давая ему ненаучное объяснение, считали, что оно неприменимо вообще для анализа экономической жизни пореформенной России.

Следовательно, рассматривая процесс непосредственного формирования теории, целесообразно выделить два основных момента. С одной стороны, необходим гносеологический анализ качественных изменений в понятийном составе: 1) конкретизация центрального понятия, экстраполяция наиболее широких категорий на другие отрасли знаний; 2) разработка новых абстракций, выражающих сущность исследуемых объектов; 3) модификация содержания ряда понятий, прежнее толкование которых уже препятствует становлению теории; 4) отказ от устаревших или ненаучных представлений, «общих формул», излишне широких абстракций-мечтаний, применение которых означало бы отрыв от исследования реальной действительности. С другой стороны, формирование теории, будучи сложным и противоречивым процессом движения знаний от абстрактного к конкретному, представляет собой по существу преобразование исследуемого предмета в объект научного познания. В результате воспроизведения реального предмета в логически обобщенной и «очищенной» форме представление о целом наполняется богатым содержанием и становится абстрактным объектом.

Так, В. И. Ленин выступил против ложных методологических представлений П. Струве, который полагал, что должно быть непосредственное совпадение объекта теории и реального объекта. Он писал, что важно различать идеально гладкое и пропорциональное воспроизводство и обращение всего общественного капитала как конструирование объекта теории и действительный процесс реализации, который идет «не с идеально гладкой пропорциональностью, а лишь среди «затруднений», «кризисов» и пр.». При этом он резюмировал, что «и все другие законы капитализма, открытые Марксом, точно так же изображают лишь идеал капитализма, но отнюдь не его действительность»¹¹). Абстрактные объекты как таковые не даны в чувственном восприятии, а в большинстве своем выступают в качестве итога конструктивной деятельности человека. Данный феномен как один из моментов движения мысли от абстрактного к конкретному возникает на более высокой ступени познания, а именно в своем развитом виде только на уровне теории, выступая уже как теоретическое конкретное, как синтез многих определений. Истинное решение вопроса о сущности идеализированного объекта возможно лишь при рассмотрении проблемы познания реальных явлений и процессов: если научная теория функционирует (объясняет, предсказывает), то это значит, что ее абстрактный объект содержит существенные объективные характеристики.

Рассматривая метод восхождения от абстрактного к конкретному, необходимо выделить некоторые специфические моменты его применения в построении теории. Во-первых, движение познания от одного этапа (Марксова экономическая теория) к другому этапу (Ленинская теория развития капитализма в России) есть в общем плане переход от абстрактного к конкретному, что связано с более глубоким и детальным анализом определенного объекта и с вовлечением в сферу исследования новых дополнительных определений и отношений. Во-вторых,

¹¹) В. И. Ленин. Т. 4, стр. 80—81.

подобный по своей сути процесс движения знания имеет место внутри каждого «большого круга» (фундаментальной теории) в результате восхождения от одного «малого круга» к другому, в качестве которых уже выступают ряды взаимосвязанных частных теорий, концепций и абстракций. В-третьих, само восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой широкое диалектическое единство функционирования совокупности основных методов и средств познания (анализ и синтез, индукция и дедукция, логическое и историческое), итогом которого является построение научной теории как высшей формы мышления. Таким образом, на основе содержательного подхода теория анализируется как своеобразная «нерархия» знаний различного уровня абстрагирования и идеализации, являющихся выражением углубления исследования конкретной предметной области: научные факты понятийно-категориальный состав, система общих законов и принципов, фундаментальная идея, идеализированный объект. Несколько особо выделяется синтезирующая и эвристическая роль философских категорий и идей. Утилизация названных компонентов и их синтез в единое целое способствуют достоверному воспроизведению сложных и противоречивых объектов общественной жизни России конца XIX века.

Известное положение В. И. Ленина о том, что истину нельзя представлять как отдельные фрагментарные знания, вполне правомерно распространяется и на теорию как на одну из ее высших форм. По его характеристике, теория представляет собой «целостную доктрину», сложную систему, содержащую объективную истину и объединяющую совокупность строго обоснованных законов, категорий и определений. Научная теория по своему составу многоструктурна, ибо она состоит из относительно самостоятельных и, в свою очередь, достаточно сложных и многообразных подсистем. Экономические категории, законы, принципы и другие элементы знания только в своей совокупности как компоненты относительно замкнутой и строгой научной теории обладают определенными познавательными возможностями и информационным смыслом. Функциональная деятельность всегда носит процессуальный характер, поскольку она «проявляется» только в результате взаимодействия концептуальной целостности с остальными знаниями и в результате решения определенных практических задач.

Научную теорию нельзя понимать как простую сумму тщательно подобранных описаний объекта, ибо она основным своим назначением имеет задачу объяснения вновь обнаруженных фактов. Так, говоря о Марксовом анализе экономической жизни и о выработанном им понятии «общественно-экономическая формация», В. И. Ленин отмечал, что это давало возможность перейти «от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строгому научному анализу их». Объяснение характеризуется им как выявление причинно-следственных связей и обнаружение в явлении сущности последующих порядков. Причем в фундаментальной теории, представляющей собой «круг кругов», объяснение и обоснование отдельных ее «звеньев» (концепций, выводов) происходит в строго последовательном порядке на протяжении ряда экономических работ. Именно в этом смысле следует понимать замечание Ленина о том, что истина лежит не в начале, а в конце, вернее, в продолжении познания. Объяснение и аргументация тесно взаимосвязаны между собой, взаимодополняют друг друга и не могут функционировать в отдельности, потому что обоснование представляет собой отыскание таких доводов, которые вскрывают сущность рассматриваемых явлений и процессов действительности.

Восхождение от абстрактного к конкретному означает также переход от понимания разрозненных частных фактов к обнаружению их сущности, общей связи и отношений на уровне теории. Чтобы объяснить обнаруженные факты и постичь их в составе целого, потребовалась большая сила абстракции, глубокий анализ фактических данных и последующий их синтез. Применение данного метода позволило вскрыть сущность изучаемых явлений, мысленно воспроизвести предмет исследования как единство всех его разнообразных сторон и отношений и как постижение тотальности явления и сущности. В этом смысле В. И. Ленин критиковал способ исследования эмпириков, которые пространно описывали факты, а объяснение и обоснование пытались найти в том, что лежит на поверхности, в наиболее часто встречающемся, случайном обстоятельстве. Так, например, народниками был подмечен факт разрастания хищничества кулачества, но не был сделан правильный вывод о том, что «систематическое, всеобщее, правильное (даже с разделением труда) кулачество есть проявление капитализма в земледелии». В. И. Ленин подчеркнул в связи с этим, что методологическая сущность построения теоретических систем либеральными народниками кроется в «превосходном описании», но в «поверхностном понимании» и в «неспособности видеть» корни явления¹²⁾. Достаточно глубокое и полное применение в теории получило генетическое объяснение и обоснование, которое позволило рассмотреть социальный объект с учетом его специфического развития, что способствовало выяснению тенденции его развития и в будущем. Одной из основных ошибок так называемых «ходячих воззрений» народников как раз и являлось то, что они не давали «объяснения тому, откуда и каким образом возник наш капитализм», а свои рассуждения о нем строили «на чистейших фикциях».

Целостный подход к объяснению исследуемого объекта составляет «краеугольный камень» марксистского понимания назначения теории. В. И. Ленин особо подчеркивал, что наиболее полное объяснение возможно при изучении явления во взаимосвязи и диалектическом единстве: «Попробуйте разорвать эти явления, попробуйте рассматривать их отдельно и независимо друг от друга, — и вы... не сможете объяснить... ни того, ни другого явления, ни обеднения народа, ни роста капитализма»¹³⁾. Истинность, объяснительная способность теории определяется в конечном счете ее практическим применением в соответствии фактам действительности. В. И. Ленин связывал критерияльные принципы оценки теоретических учений с классовыми интересами их авторов. Так, говоря о народниках, он отмечал, что они формулировали свои мысли через призму интересов мелкого производителя, а поэтому отразили русскую действительность «уродливо и трусливо». По его характеристике, роль экономической теории состоит в том, чтобы «послужить пролетариату» в его борьбе со всякой эксплуатацией.

Любая теория обладает определенной мерой информационной емкости, возрастание которой происходит по мере ввода и обобщения новых понятий и законов, уточнения и экстраполяции имеющихся абстракций. Степень научности объяснения выражается в расширении границ применения теории и ее предсказательных возможностей. Согласно Ленину, непременным моментом для изображения «живого явления» выступает предварительное «забегание вперед», что позволяет теории на основе обнаружения объективных закономерностей развития

¹²⁾ В. И. Ленин. Т. 1, стр. 390, 398.

¹³⁾ В. И. Ленин. Т. 1, стр. 121—122.

явлений не только фиксировать полученные результаты, но и обладать предсказательной способностью. Классиками марксизма сформулированы основные методологические принципы характеристики предсказательной функции теории: открытие общих закономерностей эволюции общественной жизни, тщательное обоснование общенаучных критериев повторяемости социальных событий, выделение производственных отношений как основы их развития: «Подведение «индивидуальностей» под известные общие законы давным-давно завершено для мира физического, а для области социальной оно твердо установлено... теорией Маркса»¹⁴).

Научные знания, достигнув определенной зрелости, системности и концентрации в теории, приобретают характер не только практической, но и чисто теоретической значимости — такой подход к ней предполагает возможным ставить вопрос о ее соотношении с идеей и методом. Подчеркивая творческий характер теории, В. И. Ленин сделал глубокий гносеологический вывод о том, что материализм, став в истории «научно проверенной теорией», получил значение такого метода, который распространяется и на остальные общественные формации, еще не подвергавшиеся фактическому изучению. При экстенсивно-интенсивном развитии основных понятий, принципов и выводов теории происходит их экстраполяция на другие области познания. В данном смысле теория выступает в качестве метода исследования новых объектов и получения новых знаний. Научный метод, основываясь на познании объективной закономерности развития материальных образований, способствует истинности, системности и эвристичности вновь полученных знаний. Вне подлинно научной и строго обоснованной теории невозможен и метод (как совокупность определенных теоретических утверждений, принципов, методологических предписаний и др.), который, в свою очередь, придает ей достаточно четкую целенаправленность.

Таким образом, в результате глубокого научного исследования разнообразного материала социальной жизни России конца XIX в. формируется ленинская теория развития капитализма, характеризующаяся как фундаментальная теория — новый «круг» в развитии социологии. Данная теория, разработанная в полном своем объеме В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России», подняла в целом политэкономия, ее методы и средства познания на качественно новую ступень. Фундаментальная теория, представляющая собой совокупность определенных элементов знания (понятия, категории, законы и т. д.), позволила «перейти от описания» общественных явлений «к строго научному анализу их». Ленинская теория развития капитализма в России, наряду с «Капиталом» К. Маркса, служит до сих пор ярким образцом того, как нужно обрабатывать и обобщать многочисленный фактический материал на основе определенных теоретических принципов и фундаментальных идей. Важно также и то, что уже в ранних работах В. И. Лениным были разработаны основные методологические принципы (системность, преемственность, эвристичность) анализа научной теории, «механизма» ее формирования, строения и функций.

¹⁴) В. И. Ленин. Т. 1, стр. 430.

СООТНОШЕНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ И ВНЕИСТОЧНИКОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

(По материалам современной польской методологии истории)

М. Н. ТЕРЕШКО

Наряду с советскими учеными вклад в дело дальнейшего развития марксистско-ленинской теории вносят ученые других социалистических стран. В этой связи особую значимость приобретает изучение достижений марксистской философской мысли в странах народной демократии. В настоящей статье рассматривается наиболее дискуссионная проблема, поставленная и разрабатываемая в трудах современных польских ученых, касающаяся соотношения источниковой и внеисточниковой информации в историческом исследовании.

Одной из основных задач анализа исторических источников является получение сведений, зафиксированных в них. Каждый источник содержит в себе какое-то количество информации об исторической действительности, определяемое в большинстве случаев термином «сведения». В научной литературе выражение «информация» обычно служит историкам эквивалентом слова «сведения». Польский логик Е. Гедымин в своей работе «Логические проблемы исторического анализа»¹⁾ называет сведения из источников информацией. Это название он применяет исключительно к наблюдению письменных исторических источников. С последним замечанием Е. Гедымина вряд ли можно согласиться, так как «информацию несут в себе не только испещренные буквами листы, книги или человеческая речь, но и солнечный свет, складки горного хребта, шум водопада, шелест листвы и т. д.»²⁾.

Термины «информация» и «сведения» полностью не совпадают: первый имеет более широкое значение. Что касается термина «информация», то в настоящее время в научной литературе указывается три его основных значения. Во-первых, информация в обиходном употреблении этого слова выступает как синоним терминов «сведения», «знание», «отображение», «представление», «образ», то есть как содержание отражения. При этом необходимо заметить, что сами понятия «отражение» и «информация» не являются тождественными, поскольку первое понятие шире второго. Информация в отличие от отражения не может существовать сама по себе. Отражение на любых уровнях всегда содержит в себе информацию, которая не сводится к нему. Второе значение слова «информация» касается связи его со спецификой отражательных процессов в живой природе, обществе и технике. И, нако-

¹⁾ Jerzy Giedymin. Z problemów logicznych analizy historycznej. Poznań, 1961.

²⁾ В. М. Глушков. Мышление и кибернетика. «Вопросы философии», 1963, № 1, стр. 35.

нец, третье значение термина «информация» связано с аппаратом статистической теории информации.

Во избежание путаницы в употреблении терминов, по мнению В. Мощеньской лучше всего обозначать сведения об исторических фактах, содержащихся в источниках, в узком значении термином «источниковая информация», а комплекс функций необходимых для ее получения, термином «наблюдение источников»³⁾. Итак, в повседневной жизни информация по отношению к человеку определяется через термин «сведения». В данном случае информация выступает как осознанная «лишь человеком, во всех других информационных системах информация не осмысливается»⁴⁾. В исторической науке термин «информация» обычно понимается в широком смысле, включающем в себя как семантическую, так и несемантическую информацию. Так, к семантической информации Е. Топольский относит, например, сведения, содержащиеся в письменных источниках, а к несемантической — в археологических памятниках. Историк в этой связи использует в своем исследовании двоякого рода информацию: источниковую, почерпнутую непосредственно из источников, и внеисточниковую — из обывденного знания⁵⁾.

Характерной особенностью информации, добываемой историком из источников, является ее осознанный характер. Воплощенная в исторических источниках информация становится научным знанием лишь в процессе ее преобразования и приведения в определенную систему. В источниковой информации отражается объект — историческая действительность, а также фиксируется отношение субъекта — творца источника. Для получения из источника информации об исследуемом факте необходимо раскрыть связь, соединяющую источник и факт. Так как логический процесс обработки информации проходит под контролем сознания человека, который вносит в нее те или иные поправки в процессе познания, то историческая информация выражает определенную форму связи ее материального носителя — источника и исследователя. При этом необходимо заметить, что историка интересует не информация вообще, а лишь полезная информация, имеющая определенную степень научной пригодности и наиболее адекватно отражающая исследуемые исторические события и явления. Поэтому историк всегда стремится получить соответствующую информацию из различных исторических источников. Источник в этой связи, как справедливо, на наш взгляд, отмечает В. Мощеньская, всегда относится к предмету исследования, в практике он обычно рассматривается как поставщик одной, необходимой для историка информации⁶⁾.

Прежде чем приступить к группировке и отбору полученной из источников информации, ее нужно расшифровать. С этой целью историк применяет различные коды. Для расшифровки исторических источников, по мнению Е. Топольского, применяются лингвистический, терминологический и психологический коды.

В процессе отбора полученной из источников информации историк, как представляется В. Мощеньской, применяет взаимно дополняющие друг друга количественный критерий (количество информации) и качественный критерий (степень пригодности информации). Прибегая к ним, историк должен руководствоваться, по словам В. Мощеньской,

³⁾ Wanda Moszczenska. Metodologii historii zarys krytyczny. Warszawa, 1968, str. 70.

⁴⁾ А. Н. Кочергин. Моделирование мышления. М., 1969, стр. 112.

⁵⁾ Jerzy Topolski. Metodologia historii. Warszawa, 1968, str. 263—264.

⁶⁾ Wanda Moszczenska. Op cit., str. 154.

тремя основными правилами. Первое правило запрещает использование информации, взятой из источника с сомнительной исторической компетенцией, или информации, критерий пригодности которой является нулевым или близким к нему. Другое правило требует пользоваться исключительно первичной информацией. И, наконец, третье правило требует рассматривать информацию во взаимосвязи с другой информацией⁷⁾.

Поскольку пригодность той или иной источниковой информации является всегда относительной, не может быть в принципе источниковых информаций, абсолютно пригодных или вообще непригодных.

В источниковой информации фиксируются события и явления реальной действительности, а также отношение к ней создателя источника. Поэтому источниковая информация, по справедливому, на наш взгляд, замечанию В. Мощеньской, представляет собой результат взаимосвязи объективных и субъективных сторон человеческой деятельности, запечатленной в исторических памятниках. В этом смысле полученная из источников информация выражает определенную форму связи исследователя и исторического памятника или памятников. Во-вторых, имея неопределимое значение в исследовательском процессе и в развитии самой исторической науки, информация сама по себе, отмечает В. Мощеньская, не может спонтанно увеличиваться.

Получение информации из источников — сложный и трудоемкий процесс исторического анализа. В большинстве случаев извлеченная из исторических источников информация не принимается в готовом виде. Решающая роль в ее обработке принадлежит историку. Добытая в ходе применения к письменным историческим документам исследовательских процедур источниковая информация, по словам В. Мощеньской, приобретает форму суждений. Неписьменные источники не содержат, по ее мнению, информации в виде суждений. Источниковую информацию, отобранную для исследовательских потребностей, В. Мощеньская называет эмпирическими данными. Но кроме данных, полученных из исторических источников, историк на всех ступенях исследовательской процедуры пользуется сведениями, полученными им из предшествующего знания об окружающей действительности, накопленными в процессе исторического развития. Поэтому В. Мощеньская считает, что без внеисточниковых сведений, на которые опирается любое научное историческое исследование, не было бы возможным ни получение самой источниковой информации, ни установление эмпирических предпосылок умозаключений о факте. Однако на этапах, предшествующих умозаключению об исследуемом факте, по ее убеждению, «внеэмпирические предпосылки играют на самом деле очень важную, но только вспомогательную роль»⁸⁾. Соглашаясь с тезисом В. Мощеньской о том, что в конечном итоге решающее значение имеют эмпирические предпосылки, вытекающие из источниковых информаций, мы, с другой стороны, считаем необходимым подчеркнуть, что В. Мощеньская, придавая внеэмпирическим предпосылкам только вспомогательную роль, в какой-то мере уменьшает их влияние на результаты работы историка при установлении исторического факта. Выяснение связей между источниковой информацией, которой оперирует историк в ходе исследовательского процесса, и информацией, зафиксированной в источниках, является важной методологической и гносеологической проблемой исторического исследования.

⁷⁾ Wanda Moszczeńska. Op cit., str. 179.

⁸⁾ Wanda Moszczeńska. Op cit., str. 204.

В процессе познания историк всегда опирается на предшествующие знания и представления об исследуемом объекте. Поэтому без их применения в принципе неосуществима серьезная критика и интерпретация исторических памятников, а следовательно, и создание на их основе капитальных научных исследований. В связи с этим мы полностью присоединяемся к мнению Е. Топольского о том, что научный анализ границ применения внеисточникового знания и его места в общей структуре интеллектуального багажа историка имеет первостепенное значение не только для источниковедческого анализа, но и в целях всей исторической науки. Отсюда следует, как указывает Е. Топольский, что существующие у историка определенные внеисточниковые представления являются необходимым элементом систематизированного исторического знания. Каждый историк в процессе проведения исследовательской работы пользуется большим объемом внеисточникового знания. Комплекс этих необходимых суждений и директив, играющих большую роль во всех научных исследованиях, Е. Топольский предлагает определять термином «внеисточниковое знание». Оно охватывает: 1) признанные исследователем утверждения об исторических фактах (наблюдаемые суждения); 2) признанные исследователем теоретические суждения, а также 3) признаваемую автором систему ценностей, сложившуюся на основе этого знания и являющуюся его функцией⁹⁾.

Доминирующая роль внеисточникового знания сказывается в следующих исследовательских процедурах: выбор области исследования, формулировка вопроса, выявление источников для исследования той или иной проблемы, расшифровка источниковой информации, установление фактов, о которых в источниках нет непосредственной информации (совместно с верификацией), причинное объяснение, установление законов, ответ на исследовательский вопрос компонентная оценка исторических фактов. Источниковое же знание, согласно Е. Топольскому, играет доминирующую роль лишь при установлении фактов, о которых в источниках имеется непосредственная информация, а при проведении внешней и внутренней критики роль источникового и внеисточникового знания относительно одинакова. Извлеченная из источника при помощи внеисточникового знания информация становится, в свою очередь, частью внеисточникового знания и применяется историком в последующих научных исследованиях.

Основу внеисточникового знания составляют результаты личного наблюдения и исследования прошлого историком (так называемый жизненный опыт). Это знание Е. Топольский называет обиходным или повседневным знанием. Простое или обыденное внеисточниковое знание, по словам Е. Топольского, включает в себя знание и поведение человека, общее знание эпохи, общий взгляд на мир¹⁰⁾. По его мнению, к внеисточниковому знанию относится все то, что знает историк о прошлом, все историческое знание, которым располагает историк к моменту начала исследования, результаты исследований, проведенных другими людьми а также результаты других наук, таких как социология, социальная психология, статистика, демография и т. д. В область внеисточникового знания, по убеждению Е. Топольского, входит даже то, что было раньше установлено самим историком на основании исторических источников.

⁹⁾ Jerzy Topolski. O pojeciu i roli wiedzy pozazródłowej w badaniu historycznym. «Studia Metodologiczne». Poznan, 1967.

¹⁰⁾ Jerzy Topolski. Metodologia historii. Warszawa, 1968, str. 279. Z. 3. str. 22.

В действительности каждый ученый в процессе проведения исследовательской работы пользуется большим объемом внеисточникового знания. Однако вряд ли следует переоценивать значение внеисточникового знания, поскольку причисление к нему слишком широкого объема информации делает внеисточниковое знание малоэффективным и снижает его роль в историческом познании. С другой стороны, нельзя не признать того, что внеисточниковое знание не может обойтись без использования достижений других наук и прежде всего социологии, политической экономии, вспомогательных исторических дисциплин, а также достижений в области методологии истории. Однако вызывает сомнение причисление Е. Топольский к внеисточниковым знаниям методических знаний, симпатий и антипатий исследователя, так как это не только элементы человеческого знания и они несколько отличны от общего исторического знания, которым располагает историк, когда он приступает к исследованию. Как справедливо, на наш взгляд, отмечает Е. Матерницкий, никто не сомневается в том, что «внеисточниковым знанием нужно пренебрегать, так как оно влияет на весь ход исследовательского процесса, тем более нельзя забывать, что основой исторического знания является источниковое знание, вернее, информация, почерпнутая из источников¹¹⁾».

Е. Топольский связывает понятие внеисточникового знания с односторонним актом исследования конкретным историком, не учитывая того, что типология исторических суждений употребляется лишь при учете познавательной деятельности вообще историков, а не единичного исследователя. «Исходя из этой предпосылки, статус источниковой информации, — пишет Е. Матерницкий, — стоило бы придать всем суждениям, которые опираются на информацию, содержащуюся в источнике, независимо от того, каким историком и когда они были введены в науку»¹²⁾. Знания, не имеющие источникового происхождения, но вытекающие только из принятого историком общего взгляда на человека и его общественную жизнь, Е. Матерницкий относит к внеисточниковой информации. По убеждению Е. Матерницкого, объем так понимаемого внеисточникового знания является более емким и более оперативным.

Деление исторического знания на источниковое и внеисточниковое знание является условным. Оба вида знания тесно взаимосвязаны между собой, хотя на самом деле существует только одно историческое знание, которое включает в себя как источниковую, так и внеисточниковую информацию. Противопоставление источникового знания внеисточниковому оправдано только в целях методологического анализа.

Понятие источникового знания находится в тесной связи с понятием исторического источника в релятивном и общем смысле. Историческим источником в общем смысле, как считает Е. Топольский, является все то, откуда можно почерпнуть (источники в потенциальном смысле) или откуда черпаем (источник в эффективном смысле) информацию об исторических фактах. В релятивном понимании, по его мнению, речь идет об источниках, могущих служить (в потенциальном смысле) или служащих (в эффективном смысле) для исследования определенной рассматриваемой актуальной проблемы. Из общего и релятивного определения источника вытекает понятие источникового знания, представляющего собой определенное количество информации

¹¹⁾ Jerzy Maternicki. Precyzja refleksji metodologicznej a jej nowatorstwo. «Kwartalnik Historyczny», 1970, nr. 4, str. 904.

¹²⁾ Jerzy Maternicki. Niektóre problemy teorii i metodologii historii. «Studia

об исторических фактах, доставляемых историческими источниками¹³⁾. В своих схемах общего и релятивного, источникового и внеисточникового знания в потенциальном и эффективном понимании Е. Топольский неправомерно отождествляет информацию, зафиксированную в исторических источниках, с информацией, извлеченной из источников и обработанной историком. Эта вторая информация представляет собой уже продукт труда историка. «Различение информации, содержащейся в источнике, от информации, полученной из источника, имеет существенное значение для методологии истории, позволяет весьма тщательный анализ ее исследовательских процедур в области установления исторических фактов»¹⁴⁾.

Таким образом, необходимо отличать понятие информации, содержащейся в источнике, от информации, полученной из источников. На основе такого различения М. Мощеньская выделяет два основных типа информации, содержащейся в источнике. Типичной для письменных источников и вместе с тем классической источниковой информацией Мощеньская в методологии истории считает такую информацию, которая уже в источниках выступает в форме суждений. Однако наличие в источниках информации в форме суждений не дает повода предполагать, что их можно находить в готовом виде и оперировать ими в исследовательском процессе без предварительной обработки. Второй тип информации, зафиксированной в исторических источниках и не выступающей в форме суждений, В. Мощеньская называет источниковыми свидетельствами. В научной литературе как термин «источниковые сведения», так и термин «источниковые свидетельства» являются широко распространенными и употребляются как равноценные. С методологической точки зрения, пишет В. Мощеньская, деление источниковой информации на сведения в строгом смысле, а также на информацию, не имеющую характера сведений, принимая во внимание форму, в какой она выступает в источниках, является существенным, поскольку позволяет различать пути и задачи, перед которыми стоит исследователь при введении информации в исследовательскую процедуру»¹⁵⁾.

Кроме понятия внеисточникового знания, Е. Топольский выделяет понятие внеисточниковой информации, которое, по его мнению, может быть охарактеризовано аналогично понятию внеисточникового знания. Он различает внеисточниковую информацию в общем смысле (потенциальном и эффективном), а также в релятивном (потенциальном и абсолютном). По всей видимости, нет никакой необходимости выделять в общем и релятивном внеисточниковом знании, а также в источниковом знании потенциальное и эффективное знание. Поскольку это деление является весьма условным, то вряд ли оно имеет какую-нибудь практическую ценность, кроме нагромождения модной терминологии.

Резюмируя все сказанное, необходимо еще раз подчеркнуть, что все человеческое знание в конечном итоге является источником, поскольку основой его является наблюдение. Однако это не дает повода к отрицанию существования самого понятия внеисточникового знания, которое прежде всего выполняет функцию связи с источниковым знанием. Задача историка состоит в умелом использовании и усовершенствовании как источникового, так и внеисточникового знания.

¹³⁾ Jerzy Topolski. O pojeciu i roli wiedzy pozazródłowej w badaniu historycznym. «Studia Metodologiczne», Poznan, 1967, z. 3; str. 23—24.

¹⁴⁾ Jerzy Maternicki. Niektóre problemy teorii i metodologii historii. «Studia Źródłoznawcze», Warszawa—Poznan, 1971, t. XV, str. 159.

¹⁵⁾ W a n d a M o s z c z e n s k a. Op. cit., str. 161.

ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О НАУКЕ КАК ПРЕДМЕТ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (методологический анализ)

В. А. ДМИТРИЕНКО

Общая теория науки представляет собой определенный этап истории концепций науки, который знаменуется вступлением процесса познания науки в высшую фазу своего развития. Вместе с тем изучение истории домарксистских концепций науки необходимо для того, чтобы раскрыть становление марксистского учения о науке как **исторически закономерную** фазу движения научной мысли на пути к раскрытию ее сущности.

Воззрения на науку невозможно понять в полной мере без обращения к анализу социально-экономических условий развития и функционирования науки, из которых решающим выступает материальное производство. Поэтому чрезвычайно существенным является исследование специфики самого социального базиса науки, предопределяющего общий уровень и основные ориентации науки в каждую конкретно-историческую эпоху ее развития. Основные стадии развития идей о науке, естественно, задаются характером соответствующей общественной формации, служат объективным критерием их научной периодизации. В пределах самой формации могут появляться различные варианты и конкретные разновидности учений о науке, возникновение которых обуславливается внутренней логикой развития самих идей о науке, обладающих относительной самостоятельностью своего развития. Однако главное противоречие, обуславливающее основные исторические типы учений о науке, проистекает из характера классовой структуры данного общества. Последнее обнаруживается в решении основного вопроса философии применительно к процессу познания науки. И в этой связи важным направлением исследований в области истории концепций науки является анализ возникновения материалистических и идеалистических концепций науки. Причем сам по себе этот анализ осуществляется на базе принципа историзма, предполагающего анализ возникновения и развития различных форм материализма и его методологического базиса (метафизика или диалектика) и соответственно основных разновидностей идеализма.

Основные линии развития научной мысли, ориентированные на целостное изучение науки, разделяются тем самым на идеалистическую и материалистическую. Первая представлена такими крупнейшими фигурами, как Платон, Августин, Р. Бэкон, Ф. Бэкон, Гоббс, Дидро, Даламбер, Гольбах и другие. Вторая: Демокрит, Эпикур, Лукреций Кар, Плиний Старший, Давид Непобедимый, Абу Наср аль-Фараби, Декарт, Гессенди, Бойль, Локк, Сен-Симон, Конт, Ампер, Курно, Ломоносов и др. Исторический диалог этих двух направлений составляет квинтэс-

сенцию движения научной мысли на пути к раскрытию действительного содержания науки как некой целостной системы. В этом обнаруживается одна из крайне важных задач истории концепций науки, обусловленная необходимостью выявления научно обоснованных принципов, с помощью которых осуществляется сама «препарация» воззрений на науку. Исследование истории теорий науки может быть продуктивным при условии использования научной методологии для выделения основных школ и направлений, имевших место в истории развития науки. В качестве важнейшего методологического инструмента в решении этой задачи выступает марксистское учение об основном вопросе философии. Именно посредством выяснения того, как решался данный вопрос, применительно к познанию самой науки, тем или иным философом и естествоиспытателем, можно выработать основы научной классификации воззрений на науку.

Задача выделения основных школ и направлений в истории концепций науки с помощью основного вопроса философии может показаться довольно простой. Но это лишь на первый взгляд. Дело в том, что при использовании вышеизложенного подхода требуется решение двух вопросов, связанных с различными аспектами основного вопроса философии (онтологическим и гносеологическим), а это, в свою очередь, предполагает соответствующую экспликацию проблемы идеального и материального в развитии науки и вопроса о потенциях познания содержания науки. Очевидно без решения данных проблем трудно создать сколь-нибудь совершенную концепцию классификации различных направлений в истории учений о науке. Дело осложняется еще и тем, что сама наука по своему существу представляет такую систему, которая призвана объективно отражать реальную действительность. Стало быть, первый момент, который здесь следует отметить, заключается в том, что история теорий науки выступает вторичной формой отражения, так сказать, отражением в квадрате. Объективное и достаточно строгое воспроизведение развития науки в познании в этом смысле приобретает особую сложность. И кроме того, выработка теоретической модели науки, адекватной ее реальному статусу, сопряжена с трудностями отражения самого развития науки, которое на каждом данном этапе раскрывает в полной мере лишь определенные аспекты своего содержания.

Наука как объект познания является динамической системой, которая постоянно изменяется во времени и пространстве, что при определенных условиях может выступать в качестве одной из причин, ведущих к релятивизму во взглядах на нее. Интенсивный процесс обновления науки как по форме, так и по содержанию не должен однако служить преградой на пути к установлению существенно общего и устойчивого в развитии науки в пределах, обуславливаемых ее качественным состоянием в определенную эпоху. Процесс познания того, каким образом создавались теоретические модели науки в прошлом, требует учета тех специфических особенностей, которыми она характеризовалась в период создания соответствующего учения о науке. Принцип объективности в оценке той или иной концепции науки, имевший место в ее истории, предполагает отчетливое, достаточно полное и адекватное представление о состоянии науки, послужившей основой теоретического воспроизведения ее как целостности. В противном случае легко впасть в различного рода субъективистские заблуждения, связанные с оценкой исторического значения той или иной концепции науки.

Большие возможности для реконструкции взглядов ученых на науку, особенно в домарксистский период, имеет проблема классификации

наук. Воззрения на науку в этот период концентрировались главным образом вокруг данной проблемы, что задает определенный познавательный маршрут при попытке историко-научного описания взглядов ученых на науку. Пожалуй, ни одна из общенаучных проблем не отражает в такой степени силы и слабости той или иной концепции ученого, как это обнаруживается во всевозможных попытках решения вопроса о способах классификации наук. Связь между науками выступает не только объективной основой для теоретического воспроизведения науки как целостности, но и одновременно тем оселком, с помощью которого можно определить характер воззрений ученых на науку.

В современной марксистской философской литературе имеются две наиболее крупные попытки целостного рассмотрения науки в историческом разрезе, предпринятые Дж. Берналом и Б. М. Кедровым, которые в равной мере вносят существенный вклад в разработку марксистского учения о науке. Дж. Бернал реализовал в своих трудах, посвященных исследованию науки, прежде всего социологический подход, особенно наглядно обнаруживаемый в двух его капитальных трудах: «Социальная функция науки» (1939) и «Наука в истории общества» (1956). Исходя из марксистской методологии анализа общественных явлений, Дж. Бернал рассматривает историю возникновения и развития науки в органической взаимосвязи с развитием общества и его материально-технической базы. Такой подход есть не что иное как реализация **принципа материализма** во взглядах на **развитие** науки.

Б. М. Кедров поставил своей задачей исследование истории науки в логико-гносеологическом ключе, т. е. главное внимание уделил анализу **диалектики познания** совокупной науки. Предложенные подходы в равной мере необходимы при исследовании содержания науки, однако, каждый из них в отдельности в силу своей внутренней сущности не дает еще системного воспроизведения науки как целостного образования. Важнейшей задачей современного этапа познания науки является как раз **синтезирование** указанных подходов при дальнейшей разработке марксистского учения о науке и прежде всего органического сочетания принципа социологического и гносеологического, материализма и диалектики в объяснении исторического пути, пройденного совокупной наукой. Такова, на наш взгляд, важнейшая задача в разработке марксистской диалектико-материалистической концепции науки.

Наука стала объектом изучения буквально со времени своего появления. А это означает, что исторический ход познания ее содержания проходит все те этапы, которыми характеризуется процесс познания, как таковой. Оценка уровня познания науки в настоящее время может быть достаточно эффективно осуществлена благодаря наличию таких важных инструментов познания, как системный и деятельностный подходы. Системный подход позволяет фиксировать качественно отличающиеся гносеологические ступени самого процесса познания науки как целостного образования, из которых наиболее важными являются: 1) описание науки на уровне внешних свойств; 2) состава; 3) структуры; 4) функций; 5) структурно-функционального воспроизведения науки как целостного образования с установлением детерминированной обусловленности между интегративной функцией и соответствующей структурной. Деятельностный подход дает возможность реконструировать в процессе познания само движение науки с выявлением обуславливающих его факторов и тем самым объяснить переход от одной ступени познания науки к другой в историко-генетической детерминированности и развитии.

Научный анализ проблемы классификации наук опирается прежде всего на указанные подходы в процессе воссоздания историко-теоретической мысли, направленной на изучение науки. Грубо говоря, качественные этапы познания науки схватываются системным подходом, количественные — деятельностным, а их применение в единстве позволяет воспроизвести в познании с достаточной степенью полноты процесс движения и развития науки, как таковой. Одной из сложных проблем истории теорий науки является вопрос об истоках ее происхождения. Думается, что мысль Ф. Энгельса о значении греческой философии для оценки общих проблем философии и естествознания имеет самое непосредственное отношение и к истории формирования идей и теорий о самой науке. Но поскольку наука в этот период была нерасчлененной и философия выступала своеобразным «вместителем» естественно-научных знаний, то учения о науке в этот период имеют форму специфически философскую. Вместе с накоплением фактического материала и начинающимся процессом дифференциации знания воззрения на науку в значительной степени вливаются в общее русло проблемы классификации наук, вначале в виде выяснения вопроса об отношении той или иной отрасли и «части» науки к ее целому, а впоследствии к рассмотрению структуры науки, как таковой.

Великая историческая задача, за решение которой брались многие выдающиеся умы человечества, заключалась в том, чтобы упорядочить накопленное наукой знание согласно некоторым исходным принципам. В ходе развития науки менялись подходы и методы решения этой проблемы. Однако подлинно научное решение ее оказалось по силам лишь основоположникам марксизма. Подавляющее большинство домарксистских концепций науки базировались на структурном подходе к анализу ее внутреннего строения, при котором оставались совершенно в тени по существу, не подвергались специальному исследованию проблемы развития и функционирования науки в целом. Это объясняется, с одной стороны, неразвитостью самого тела науки и относительной бедностью межнаучных связей, а с другой — начальными этапами формирования социальных функций науки, что, в свою очередь, порождало разрыв между онтолого-социологическим подходом к науке и логико-гносеологическим. Социальная детерминация развития науки в этих условиях оставалась, по существу, вне научного анализа. Межотраслевые связи науки интерпретировались либо в онтологическом плане как отношения между объектами, либо исключительно как познавательные, находящиеся в зависимости от субъекта познания. Эта тенденция уже обнаруживается в условиях древней Греции и Рима. Наука в то время анализируется в двух основных направлениях: гносеологическом и логическом. И это вполне понятно, так как наука в тот период представляла собой своеобразное инобытие философии и поэтому могла быть анализируема лишь в рамках, указанных подходов.

Кроме того, здесь необходимо отметить следующие две особенности науки того времени, во-первых, наука начинает выделяться из других форм сознания (религия, искусство) и постепенно отделяться от практической деятельности; во-вторых, зачатки формирования воззрений на науку, в собственном смысле, оказываются обязанными своим появлением начавшемуся процессу дифференциации знаний. Иными словами, первоначальный этап в развитии воззрений на науку был связан с началом процесса выделения науки из других форм общественного сознания и видов социальной деятельности, проходившим на крайне низкой ступени развития материального производства. Этот

процесс становится все более интенсивным, благодаря развитию производства, влекущего за собой усиление тенденции к дифференциации различных областей науки.

Поскольку наука представляет собой единство онтологического, гносеологического и логического аспектов, то в соответствии с такой природой ее внутреннего содержания можно рассматривать концепции науки домарксистского периода и то, каким образом анализировался **каждый** из указанных ее аспектов. Посредством выявления взглядов ученых на объект науки, субъект науки и научное отношение, история домарксистских концепций науки может быть представлена в виде следующих основных направлений.

идеализм:

- а) объективный;
- б) субъективны;

материализм:

- а) стихийный;
- б) вульгарный;
- в) метафизический;
- г) диалектический.

По методу: на метафизические и диалектические; эмпирические и теоретические; индуктивные и дедуктивные; по характеру (типу) на логические; методологические; социологические; психологические; и теологические. Исторический анализ проблемы классификации наук представляет важный источник обогащения представлений о взглядах ученых на науку.

Основные вопросы, по линии которых шло наращивание общенаучных знаний, в этой связи могут быть сведены к следующим направлениям:

1. Членение наук по типам, скажем, на абстрактные и конкретные, теоретические и прикладные и т. д.

2. Анализ отношений и связей между науками, подразделяемых, например, на координационные, формальные, реальные, субординационные и т. д. Наконец, одним из самых важных вопросов является как уже отмечалось, проблема принципов классификации наук (упорядочение научного знания в пространстве) и принципов периодизации (упорядочения знания во времени).

Попытки создания целостной структуры науки порождали различные теоретические модели совокупной науки, несущие большую или меньшую информацию о различных сторонах науки, как некоего целого. Однако от постановки вопроса о том, как и по каким основаниям и принципам упорядочить нарастающую массу знаний, до постановки проблемы о том, как объяснить развитие науки — дистанция большая. Фактически, за исключением, Гегеля, Чернышевского и Герцена, такая задача в истории домарксистских концепций науки и не ставилась. Структурно-составной подход к анализу науки оставался господствующим в течение длительного исторического времени и вращался главным образом вокруг вопросов: 1) какие отрасли (или большие группы) наук входили в ее состав в актуальном для ученого состоянии; 2) каким образом связаны между собой различные отрасли знания. Однако второй вопрос далеко не всегда осознавался в строго научном плане. Именно эти два вопроса составляли главный стержень самого процесса создания различных моделей классификации наук, имевших место в домарксистской философии.

Значительно реже в истории данной проблемы встречаются попытки функционального подхода к классификации наук и тем более исследование зависимости между структурой наук и их функциями. Однако это объяснялось не только и, пожалуй, не столько причинами субъек-

тивного порядка, сколько ограниченностью самих социальных потребностей в результатах научных исследований. Такого рода связь стала обнаруживаться значительно позднее в достаточно рельефной форме, что и привело, в конечном счете, к реальной возможности диалектико-материалистической интерпретации развития науки в лице основоположников марксизма.

Подавляющее большинство ученых, занимавшихся исследованием науки в домарксистский период, исходило из представления о ней, как о готовом знании или в лучшем случае сводило ее к процессу познания. А это означало, что наука раскрывалась с точки зрения логико-гносеологических позиций. В одном случае как учение о формах знания и способах получения выводного знания — формальная логика, а в другом — как процесс достижения истины (гносеология). Указанные аспекты изучения науки и были исследованы более обстоятельно. Переход от поиска способов связи наук между собой к установлению законов развития и функционирования науки как целостной системы в тот период был невозможен по объективным причинам, вытекающим из логики самого процесса познания, который, как известно, не может перескочить последовательные фазы своего развития. Великие исторические попытки домарковского периода, имевшие своей целью создание научно-обоснованной классификации наук, несут на себе печать исторической ограниченности, в значительной степени обусловленной состоянием и уровнем развития науки того периода и характером методологического арсенала, применяемого для своего решения.

Основные исторические этапы и важнейшие узловые точки, фиксирующие ступени магистрального маршрута познания науки, сводятся к следующим уровням:

1. Выявление характеристик наук в соотношении с другими формами сознания и видами деятельности (уровень свойств).
2. Создание всевозможных списков отраслей знания, входящих в содержание совокупной науки (уровень состава).
3. Поиск оснований субординации наук (уровень структуры):
 - а) уровень внешней (формальной) структуры, т. е. констатации ее наличия;
 - б) уровень внутренней (реальной) структуры — объяснение обусловленности и детерминации характера связей между науками.
4. Функциональный подход не получил широкого распространения как руководящий принцип упорядочения научного знания. Его суть заключается в выяснении целей и назначения наук как основы установления их субординации (функциональный уровень).

Эти четыре уровня фактически исчерпывают в гносеологическом плане те пределы, до которых поднялось научное познание науки в домарксистский период.

Доминирующим подходом к исследованию связи между науками в эту эпоху являлся, как уже отмечалось, структурно-составной подход. Связь между науками рассматривалась как соотносительная. Субординация наук базировалась не на принципе детерминизма и развития, а исследовалась зачастую как своеобразная субъективная модель науки автора, который далеко не всегда был озабочен степенью ее соответствия реальному положению вещей. Взглянуть на связь между науками как на подвижную и попытаться вскрыть основы ее движения и изменения, такая задача фактически не ставилась. Еще более существенным моментом явилось то, что сам характер связей между науками рассматривался в основном с идеалистических позиций. Познать

специфику отношений между различными отраслями знания в подлинно материалистическом смысле можно было лишь на путях, установления их органической связи с развитием самой научной деятельности. Оценить же подлинное значение научной деятельности можно было лишь с позиции марксистского учения о практике. Поэтому высший кульминационный пункт, который достигает процесс самосознания науки, был осуществлен К. Марксом и Ф. Энгельсом посредством создания основ диалектико-материалистического учения о науке.

Величие К. Маркса и Ф. Энгельса как теоретиков науки особенно ярко проявилось в том, что от идеи упорядочения науки они непосредственно переходят к обоснованию и реализации объяснения развития науки. Именно в этом переходе, предопределившем на долгое время развитие научного самосознания, заключался великий шаг вперед в познании науки, имевший поистине историческое значение для дальнейших судеб развития марксистской теории науки. Объяснить причины и условия развития науки, обеспечивающие ее прогресс, так формулируется эта задача. Но не только отчетливое осознание задачи (что, разумеется, само по себе имеет немаловажное значение) характеризует взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на науку, а прежде всего определение основных направлений и путей ее решения. Открытием ряда законов и закономерностей развития науки они внесли существенный вклад в разработку одной из коренных проблем общей теории науки. В плоскости объяснения причин детерминации развития науки принципиально важным было установление ими роли и значения материального производства. Глубоко научное выяснение функционального значения материального производства, выступающего важнейшим системообразующим элементом всей социальной структуры общества, позволило К. Марксу не только научно поставить вопрос об источниках развития науки, но и выяснить главную причину, обеспечивающую ее поступательное движение.

Перенесение центра тяжести при анализе источников развития науки в плоскость самого характера ее взаимосвязи с производством означало формирование принципа материализма во взглядах на развитие науки. Однако не только этим ограничиваются основоположники марксизма в развитии материализма, применительно к науке. Они идут от общей постановки и решения указанной задачи непосредственно к выделению главного и решающего элемента, обеспечивающего внутреннее развитие науки — ее деятельности. Итак, чтобы осуществить классификацию наук, нужно выделить некий системообразующий признак, опираясь на который можно было бы построить систему в целом. Но именно эта операция первичного выделения элементарной клеточки системы не может не выявить в явной или скрытой форме воззрения ученого на науку. Вопрос о том, какой или какие признаки выступают определяющими, в значительной степени обусловливается общими воззрениями ученого на науку в целом. Вышеизложенное, таким образом, показывает, по крайней мере, следующие основные направления для выявления взглядов ученых на науку: 1) через решение объектно-субъектных отношений в науке; 2) посредством анализа принципов структурирования и упорядочения научных знаний; 3) и, наконец, исследованием воззрений ученых на природу содержания, характер, источники и движущие силы развития науки.

АВТОРИТЕТ ЗНАНИЙ И НАУЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ

А. В. ВОРОБЬЕВ

Цель познания — обнаружение объективной истины, существующей независимо от познающего субъекта. Но так как в процессе познания участвуют люди, наделенные волей и чувствами, потребностями и интересами, то это не может не отразиться на характере познания. Ф. Энгельс отмечал, что история познания формируется через деятельность людей, «которые работают над этим бесконечным познанием друг возле друга и в ряде сменяющих друг друга поколений, делают практические и теоретические промахи, исходя из неудачных, односторонних, ложных предпосылок, идут ложными, кривыми, ненадежными путями и часто не находят правильного решения даже тогда, когда уткнутся в него носом»¹⁾.

К этому следует добавить, что и в познании человек не выступает робинзоном; он и здесь зависит от тех обстоятельств социальной и научной жизни, которые являются неотъемлемым условием его существования как человека и как ученого.

Факторов, влияющих на процесс познания и определяющих его результаты, много. Нас же будут интересовать только те из них, которые можно отнести к авторитетной сфере, то есть к такой сфере, влияние которой относительно прочно и постоянно определяет пути, средства и методы познания ученого.

Связь человеческого мышления с авторитетами не является каким-то исключительным, редко встречающимся явлением. Например, религиозное мышление в своей основе авторитарно и не может быть иным. «Религиозное мышление неразрывно связано с авторитарными трудовыми отношениями (руководство — исполнение или власть — подчинение), из них возникло и их отражает. Для него характерно создание властных фетишей и требование от людей покорности, повиновения им. Это идеализированные образы, порождаемые фантазией на основе реального господства «авторитетов» над людьми в их социальной жизни. Словом, религиозное мышление есть авторитарное, и только²⁾. Авторитарность религиозного мышления не только создает фетиши для других и требует от людей повиновения им. Оно самоосновывается на фетишах и за их пределы никогда не выходит.

Религиозному мышлению принято противопоставлять научное. Многие ученые и философы придерживались и придерживаются мнения,

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 549.

²⁾ А. Богданов. Падение великого фетишизма (современный кризис идеологии). Вера и наука. М., 1910, стр. 146.

что истинная наука свободна от авторитетов. Часто считается, что авторитет способен быть лишь тормозом научного творчества. При этом авторитет, как правило, рассматривается только как свойство личности или какой-либо общественной группы. А так как до сих пор бытует представление, что ученый должен в познании руководствоваться истинной, а не тем, что сказал тот или иной авторитетный ученый, то и делается вывод, что следование авторитету есть измена истине и науке.

Недостаток подобного рода утверждений, на наш взгляд в их метафизическом отношении к авторитету. Односторонний, метафизический подход, осуждаемый современной наукой, продолжает, как ни странно, находить себе сторонников среди ученых, когда речь заходит об авторитете.

В данной статье мы хотели бы показать, что авторитет, во-первых, может быть присущ не только личности или общественной группе, но и знаниям. Если это так, то, следовательно, мышление ученого с необходимостью опирается на авторитет.

Во-вторых, что авторитет — и прежде всего авторитет знаний — может играть в процессе познания не только отрицательную, но и положительную роль. Как нам представляется, вся история науки свидетельствует о том, что наука развивается, с одной стороны, опираясь на авторитеты, а с другой — преодолевая их влияние. Одни из них носят вненаучный характер, их влияние определяется связью науки с другими сферами человеческой деятельности — религией, политикой, экономикой и т. д. Воздействие такого рода авторитетов несомненно. Так, в средние века непререкаемым авторитетом считалась религия. Позже, когда наука прочно встала на ноги эксперимента и повела борьбу с религиозным влиянием, ее девиз гласил: «Не принимай ничего на веру!» Этот девиз сначала был направлен против авторитета церкви, а потом против всех вненаучных авторитетов.

Стремление отделить науку от внешних воздействий отнюдь не означало ее действительного освобождения от авторитетов. Развитие общества показывает, что наука неразрывно связана с политикой и экономикой. Освободиться от влияния этих авторитетов она не может, но избавиться от отрицательных последствий этого влияния вполне возможно.

Наряду с вненаучными авторитетами существуют внутринаучные, влияние которых обуславливается спецификой самой научной деятельности. Среди них мы бы выделили авторитет научных знаний (традиционных представлений, идей, принципов, так называемых «парадигм» — приемов и методов) и авторитет личностей ученых, с которыми познающая личность прямо или косвенно связана.

Остановимся на выяснении характера влияния авторитета научных знаний на мышление ученых.

Диалектический материализм в теории познания исходит из того, что знания, признанные за истинные, по своей природе противоречивы: они представляют единство абсолютного и относительного. Всякое истинное познание природы, писал Ф. Энгельс, есть познание вечного, бесконечного, и поэтому оно по существу абсолютно. Это абсолютное, устойчивое, неизменное существует как момент наряду с неполным, изменяющимся, относительным, на основе которого оно, собственно, и возникает. « . . . Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин»³⁾.

³⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18.

В процессе развития науки неполные, односторонние знания заменяются более полными, глубокими, точными. Чтобы исторический прогресс в познании не прерывался, познающий субъект должен опираться на полное, устойчивое, завершенное знание, которое становится, таким образом, исходным пунктом для нового. Согласование нового знания с тем, истинность которого в науке не вызывает сомнения, дает новому право на жизнь.

Таким образом, в науке в качестве авторитетных признаются, как правило, те знания, те идеи, теории, принципы, а также приемы и методы научного исследования, истинность которых неоднократно подтверждена практикой и стала очевидной, в результате чего для познающей личности они выступают в качестве исходного пункта для дальнейшего познания.

Признание некоторых идей, теорий, принципов за авторитетные является, следовательно, необходимым условием познания. Ведь нельзя отрицать того факта, что никакая наука невозможна без усвоения накопленных предшествующими поколениями знаний, без овладения имеющимися в науке приемами и методами исследования. Опора на них не только не ограничивает, как полагают некоторые, творческих возможностей, но, напротив, способствует их реализации. Авторитет знаний, если только правильно оценивать их разрешающую способность, есть, с одной стороны, тот базис, на основе которого происходит движение к объективной истине; с другой стороны, этот авторитет является индикатором, указывающим на границы, за которыми знание превращается в заблуждение.

Не всякое научное знание, истинность которого доказана логически или практически, признается наукой за авторитетное. Таковым, на наш взгляд, оно становится лишь тогда, когда входит в активный фонд науки, опираясь на который, наука продолжает свое движение по пути все более глубокого проникновения в сущность изучаемых явлений. В зависимости от того, насколько то или иное знание определяет лицо современной науки и пути ее дальнейшего развития, настолько и значителен его авторитет.

Большое влияние на науку оказывают знания, дающие решения основных теоретических, фундаментальных проблем. Особенно значительно они начинают влиять на деятельность ученых по мере того, как все более и более становятся традиционными.

Традиционные научные положения — это устоявшиеся, многократно апробированные (проверенные) представления об изучаемых явлениях. Их авторитет обусловлен тем, что без них не может обойтись ни одна наука: традиционные представления составляют костяк научных теорий, на их основе формируется, как правило, научная картина мира. Учитывая все это, можно сказать, что традиционные научные положения и есть в первую очередь авторитетные. Благодаря им осуществляется преемственность знаний, и процесс познания происходит непрерывно. С другой стороны, авторитет знаний, закрепленных в традициях, выступает как предохранительный механизм от увеличения несущественным для науки новым, от отрыва от исторических завоеваний науки.

Наконец, традиционные знания являются своего рода ускорителем познания. На первый взгляд такое утверждение может показаться голословным. Ведь в литературе неоднократно подчеркивалось, что наиболее бурный период развития науки начинается тогда, когда преодолеваются существующие традиции и авторитеты. Действительно, это так. Но в периоды эволюционного развития, когда старые теории и принципы науки не подвергаются пересмотру, вся систематизация на-

учных данных возможна только на основе авторитетных традиционных представлений, знаний. И когда рушатся старые авторитеты, то наука до тех пор находится в состоянии кризиса, пока не будут найдены новые принципы, на основе которых можно было бы объяснить те научные данные, которые находятся в противоречии со старыми, традиционными представлениями. Другими словами, наука выходит из кризисного состояния тогда, когда начинают выкристаллизовываться новые авторитеты.

Сила влияния традиционных представлений на мысли и действия людей очень велика. Во-первых, авторитет традиций оказывает влияние на разум, заставляя его рассматривать все факты в соответствии с существующими в науке ортодоксальными нормами. Во-вторых, авторитет традиционных представлений способен поработить волю и чувства человека. Поскольку без «человеческих эмоций никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины»⁴⁾, то авторитет не может не оказывать воздействия на них. Влияние авторитета может быть настолько велико, что оно способно деформировать чувственное восприятие новых фактов⁵⁾.

Кроме того, авторитет традиций сознательно или бессознательно поддерживается большинством. Это объясняется, с одной стороны, тем, что новые идеи, подрывая веру в абсолютную истинность имеющихся у общества знаний, зачастую рождают у ученых чувство неуверенности в возможности человека познавать окружающий мир. Результатом этого является нигилизм, скептицизм, агностицизм.

С другой стороны, новые идеи вызывают недоверие к существующим канонам. Авторитетное сознание всеми средствами стремится уничтожить «еретические идеи», чтобы обеспечить условия для своего существования. Так, например, всегда поступала церковь.

Довольно откровенно об этом писал в свое время кардинал Беллармино патеру Фоскарини, стороннику Коперника: «Мне кажется, что Вы и синьор Галилео поступили бы осторожно, если бы удовлетворились высказыванием предположительно, но неабсолютно; так говорил, как я всегда думал, и Коперник. Действительно, когда утверждают, что в предположении, будто Земля движется и Солнце стоит неподвижно, все наблюдаемые явления спасаются лучше, чем при задании эпициклов и эксцентров, то это прекрасно сказано и не включает в себе никакой опасности; а этого и достаточно для математики; но когда начинают говорить, что Солнце в действительности стоит в центре мира, и что оно только вращается вокруг самого себя, но не движется с востока на запад, и что Земля . . . с большой скоростью вращается вокруг Солнца, то эта вещь очень опасная и не только потому, что она раздражает всех философов и ученых богословов, но и потому, что она вредит святой вере, поскольку из нее вытекает ложность Св. Писания»⁶⁾.

Однако и в науке, свободной от религии, авторитет традиций поддерживался насильем над теми, кто не желает придерживаться устоявшихся норм. Например, идеи Лобачевского высмеивались ортодоксально мыслящими учеными. Виднейший русский математик того времени М. В. Остроградский неоднократно публично заявлял, что они не заслуживают внимания. Боясь криков «биотийцев», Гаусс опасался публиковать материалы по неевклидовой геометрии. В наше время гонение на инакомыслящих тоже встречается довольно часто. Достаточно

⁴⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 112.

⁵⁾ И. В. Бычко. Познание и свобода. М., 1969, стр. 92.

⁶⁾ Цит. по кн.: Вальтер Холличер. Природа в научной картине мира. М., 1960, стр. 63.

вспомнить хотя бы борьбу вокруг проблем кибернетики и некоторых проблем биологии.

Таким образом, авторитет научных знаний играет значительную роль в развитии науки, особенно если они превращаются в традиционные. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что научное мышление с необходимостью связано с авторитетами — оно опирается на них и из них исходит.

Следует иметь в виду, что знания, признанные за авторитетные, могут не только способствовать эффективной научной деятельности, но и быть тормозом научного творчества.

Диалектический подход к анализу важности знаний способствует объективной оценке их значимости, дает возможность уловить ту грань, за которой их авторитет приводит ученого к ошибкам, заблуждениям. Но если же ученый перестает рассматривать абсолютное в знаниях только как момент наряду с относительным, изменяющимся, если к научным традиционным представлениям он относится абстрактно, не учитывая того, что они изменяются и при определенных условиях могут перерастать в свою противоположность, то его мышление становится односторонним и догматичным. Такое одностороннее и догматичное мышление можно называть авторитарным.

Авторитарность понимается в данном случае как одна из форм авторитетности. Быть авторитарным, значит требовать беспрекословного доверия. Что касается знаний, то они тогда становятся авторитарными, когда их истинность принимается познающей личностью как нечто неизменное, абсолютное, единственно возможное независимо от условий, места и времени. Опора на них делает и мышление ученого авторитарным. Авторитарное мышление — это мышление, оперирующее «вечными» истинами, для него характерна слепая вера в незыблемость того или иного научного положения.

В результате чего мышление ученого становится авторитарным? Мы считаем, что можно выделить гносеологические и социально-психологические корни авторитарного мышления.

К гносеологическим корням следует отнести, с одной стороны, инертность человеческого мышления, а с другой — стремление человека к законченности и завершенности в познании.

Как известно, деятельность человека (в том числе и мыслительная) включает в себя два момента: она представляет собой единство продуктивного и репродуктивного. Продуктивная деятельность ведет к появлению нового, ранее не известного. Именно она и выражает специфику творчества. Репродуктивная деятельность, напротив, основана на повторении пройденного, на получении результата по заранее известным алгоритмам. Поэтому чем больше она преобладает у человека над продуктивной деятельностью, тем более инертным становится его мышление, тем меньше оно стремится выходить за пределы известного, устоявшегося.

С другой стороны, познавая новое, ученый стремится вновь полученное знание согласовать с имеющимся, создать стройную непротиворечивую систему представлений о мире. Научная картина мира, создание различного рода систем и классификаций (как философских, так и научных) как нельзя лучше свидетельствует о желании человека иметь четкие, ясные, законченные представления об изучаемых явлениях.

Кроме отмеченных нами гносеологических корней существуют еще социально-психологические. Для того чтобы стать полноправным членом общества, человек должен усвоить знания, приобретенные общест-

вом в процессе его исторического развития. Овладевая имп, личность усваивает традиционный для общества способ мышления, приобщается к его общественному сознанию, без чего, как известно, невозможно стать и ученым, так как здравый смысл и традиционные представления оказываются тем фундаментом, на основе которого происходит поступательное движение науки. Еще Гексли говорил, что наука представляет собой организованный здравый смысл.

Все это, естественно, не может не способствовать авторитарности мышления. Если же еще в процессе воспитания и образования от личности требовали беспрекословного подчинения всякого рода авторитетам (родителям, учителям, знаниям и т. д.), если ее «пичкали» знаниями, но при этом не учили мыслить самостоятельно, то и став взрослым, этот человек едва ли будет способен мыслить самостоятельно и оригинально. Плохо организованная система воспитания и образования порождает массовое авторитарное сознание, массовое преклонение перед авторитетами.

Здесь же нам хотелось бы отметить еще одну причину, которая способствует появлению массового авторитарного научного мышления. Эта причина кроется непосредственно в специфике научной деятельности.

Наука развивается неравномерно. Периоды относительно длительного эволюционного развития, когда происходит «доводка» основных проблем, разработка их «вширь», сменяются периодами коренной ломки устоявшихся положений. В периоды спокойного развития, когда ученые в своей научной деятельности исходят из устоявшихся, проверенных фундаментальных принципов, подтверждая их все новыми и новыми данными, их мышление становится все более авторитарным. Этому факту можно найти много подтверждений. Так, например, когда М. Планк однажды сказал своему учителю Филиппу фон Жолли о своем желании заниматься теоретической физикой, тот ему ответил: «Молодой человек, зачем вы хотите себе испортить жизнь, ведь теоретическая физика в основном закончена... Стоит ли браться за такое бесперспективное дело?»⁷⁾

Конечно, пока существующие в науке принципы не подвергаются пересмотру, трудно определить, насколько широко и глубоко укоренилось среди ученых авторитарное мышление. И только в период кризиса и революции можно получить на это ответ. Как учит опыт физики, авторитарное мышление может быть присуще (в разной степени, конечно) очень широкому кругу ученых.

Мышление, воспитанное в авторитарном духе, не диалектично, оно допускает только однозначное истолкование вновь появляющихся фактов, в соответствии с существующими в науке традиционными представлениями. Так, все физики вплоть до XX века объясняли явления природы с позиций классической механики. Научная картина мира также базировалась на ее данных и вполне удовлетворяла ученых: средствами классической механики удавалось описать большинство известных физической науке явлений. Так что уже во времена Лапласа сложилось мнение, что благодаря классической механике можно получить целостное представление о физической структуре мира. Поскольку научные представления, опирающиеся на принципы механики, подтверждались многочисленными данными, они быстро становились традиционными. Когда же появилась теория относительности, многие ученые не могли сразу принять ее. Не зря до сих пор существует мнение, что в первые годы после появления теории относительности ее понимало не более

⁷⁾ См.: Б. Г. Кузнецов. Пути физической мысли. М., 1968, стр. 303.

десяти человек. Авторитет традиционных представлений довлел над умами большинства ученых.

Ограниченность авторитарного мышления не допускала, что в мире могут существовать физические явления, понять которые с позиций классической механики невозможно.

Чтобы понять принципиально новое, надо отказаться от традиционных канонов мышления, изменить психологию восприятия изучаемых явлений. Однако весь предшествующий опыт препятствует этому. К какой бы области научного знания мы ни обратились, мы везде видим, что авторитет традиций нелегко преодолеть. В естествознании, например, Линней одним из первых вплотную подошел к теории развития, создал довольно строгую классификацию растений и животных по степени усложнения их строения, но делал вывод: «Видов столько сколько их создано Творцом». Бюффон принял идею развития органического мира, но не мог смириться с тем, что человек прошел путь постепенного развития. Наконец, патолог, анатом и антрополог Р. Вирхов не мог принять дарвинизм, хотя и дожил почти до полного его торжества.

Авторитарное мышление настолько консервативно, что держится за старое до тех пор, пока ему можно найти какие-либо оправдания.

Во второй половине XIX века существование эфира считалось само собой разумеющимся и отрицание его было равносильно отрицанию существования света. В 1881 году Майкельсон провел опыт (а в 1887 г. он совместно с Морли повторил его с более совершенными средствами), который опровергал существование эфирного ветра, а следовательно, ставил под сомнение существование эфира. Все ученые были изумлены результатами, и многие из них дружно принялись создавать теорию, спасающую идею эфира. Какие только объяснения не приводились. Сам Майкельсон был уверен, что эфирный ветер не наблюдается только потому, что Земля увлекает эфир за собой.

Позже Дж. Ф. Фитцджеральд и Х. Лоренц независимо друг от друга создали теорию (позже она получила название теории сокращения Фитцджеральда-Лоренца), где доказывалось, что эфирный ветер давит на движущийся предмет и заставляет его сокращаться, в результате чего ветер нельзя зарегистрировать. Эта теория (впрочем, как и другие) не удовлетворила физиков. Но, что примечательно, никто, из них даже не пытался предположить, исключая Э. Маха, что эфира не существует. Все сетовали на несовершенство имеющихся теорий, и только Эйнштейн сумел показать, что верное решение проблемы возможно было только при отказе от традиционных принципов.

Подобная история произошла и с уравнениями Максвелла. В конце XIX — начале XX века было замечено, что инвариантный характер уравнений Максвелла относительно преобразований Галилея находится в противоречии с общим принципом инвариантности законов природы относительно преобразований Галилея. Подозрение, естественно, пало на уравнения Максвелла, поскольку ученые не сомневались в истинности преобразований Галилея. Их стали переписывать и переделывать, но «оказалось, что уравнения Максвелла верны, и решение вопроса заключается в замене преобразований Галилея (как общей посылки) преобразованиями Лоренца, для которых первые являются частным и предельным случаем...»⁸).

Итак, консерватизм и догматизм авторитарного мышления является серьезным препятствием для всего нового. Видя это, Макс Планк не без оснований писал: «Обычно все научные истины побеждают не так,

⁸) См.: Методологические проблемы современной науки. М., 1960, стр. 49.

что их противников убеждают и они признают свою неправоту, а большей частью так, что противники эти постепенно вымирают, а подрастающее поколение усваивает истину сразу»⁹⁾). Конечно, нельзя полностью согласиться с Планком, но его высказывание подчеркивает, как трудно бороться с авторитарно мыслящим ученым.

Один из самых серьезных недостатков авторитарного мышления заключается в том, что оно уменьшает творческий потенциал личности. Н. И. Родный, анализируя некоторые проблемы научного творчества, выделяет три группы научных открытий: 1) предсказанные существующей теорией; 2) непредсказанные, но вписываются в нее или в ее развитую форму; 3) принципиально не предсказываемые существующей теорией¹⁰⁾). Можно предположить, что авторитарно мыслящий ученый может прийти к открытиям первых двух типов, но окажется неспособным к открытиям третьего типа, которые требуют отказа от авторитарных принципов. Без этого ученый не увидит и не поймет нового, даже если вплотную подошел к нему.

«Пристли и Шееле описали кислород, — пишет Ф. Энгельс, — но они не знали, что оказалось у них в руках. Они «оставались в плену» флогистонных «категорий, которые нашли у своих предшественников». Элемент, которому суждено было ниспровергнуть все флогистонные воззрения и революционизировать химию, пропал в их руках совершенно бесплодно. Но вскоре после этого Пристли, будучи в Париже, сообщил о своем открытии Лавуазье, и Лавуазье, руководствуясь этим новым фактом, вновь подверг исследованию всю флогистонную химию и впервые открыл, что новая разновидность воздуха была новым химическим элементом, что при горении не таинственный флогистон выделяется из горящего тела, а этот новый элемент соединяется с телом, и таким образом, он впервые поставил на ноги всю химию, которая в своей флогистонной форме стояла на голове»¹¹⁾).

Та же излишняя приверженность Лоренца и Пуанкаре к авторитетам не позволила им прийти к открытию теории относительности, хотя ее предпосылки были заложены в их работах. И только Эйнштейн сумел по-новому осмыслить полученные ими результаты.

Отказаться от апробированного, авторитетного тем труднее, что отказ сам по себе еще не может дать положительного объяснения фактов. Преодоление авторитетов только расчищает место, на котором может быть построена новая научная теория. До того же как она будет создана, ученый оказывается как бы брошенным в мир, где царит хаос. Ему начинает казаться, что в мире действуют рациональные силы. Лоренц, оказавшийся в таком положении, говорил: «Я потерял уверенность, что моя научная работа вела к объективной истине, и я не знаю, зачем я жил: я жалею только, что не умер пять лет назад, когда мне еще все представлялось ясным»¹²⁾).

Итак, авторитарное мышление довольно часто встречается в науке. Но было бы ошибкой утверждать, что авторитарность лежит в основе человеческого мышления. Было бы, как нам кажется, более правильным считать, что человеческое мышление предполагает опору на авторитеты, но его авторитарность — следствие недialeктического подхода к окружающему нас миру.

⁹⁾ Цит. по кн.: «Макс Планк и философия». М., 1963, стр. 14.

¹⁰⁾ Н. И. Родный. Некоторые аспекты проблемы научных открытий. «Научное творчество», М., 1969, стр. 153.

¹¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 19.

¹²⁾ А. Ф. Иоффе. Встречи с физиками. М., 1960, стр. 58.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ХАРАКТЕРА ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ОБУЧЕНИИ

Г. И. ПЕТРОВА

Актуальность указанной проблемы определяется уже тем, что ее решение составляет основную задачу назревшей реформы образования. В отличие от имеющихся в литературе подходов к осмыслению этой проблемы¹⁾ наш анализ осуществляется в аспекте методологии познания.

Мировоззренческой основой анализа выступает диалектико-материалистическая теория познания, исходные принципы которой базируются на теории отражения. В соответствии с этим суть принципа детерминизма познавательной деятельности состоит в единстве ее внешних и внутренних условий. Это относится и к отдельному виду познания (обучение), и к каждому конкретному индивидуальному познавательному акту. В последнем случае диалектика активности как спонтанного внутреннего свойства личности и как обусловленного извне качества характеризует познавательную активность.

Общий характер детерминации активности обучающегося определится, во-первых, преломленным действием внешних условий (познание в его всеобщем характере) сквозь внутреннюю специфику обучения; во-вторых, действием того и другого через индивидуальный внутренний мир отдельной личности. В качестве внешней системы, характеризующей процесс познания в обучении можно назвать науку, ибо учебный предмет (объект познания обучающегося) есть не что иное, как учебно-методически переработанный предмет науки. Внутренние же условия, по нашему мнению, можно обнаружить при выявлении специфики позиции, с которой начинает познавать обучающийся. Преломление различного состояния науки сквозь призму этой позиции обуславливает исторический характер познавательной активности в обучении.

Задача данного исследования состоит в том, чтобы определить характер детерминации познавательной активности в обучении, который диктуется современной наукой. Учитывая названный аспект анализа, внимание обращено прежде всего на соотношение основных процессов познания в обучении.

Поскольку в литературе не разработан вопрос относительно особенностей той позиции, которую занимает в познании обучающийся, обратимся вначале к его выяснению.

¹⁾ В литературе эта проблема рассматривается с точки зрения психологии (П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина, Д. Б. Эльконин), социологии (Б. Рубин, Ю. Колесников и др.), логики (Д. Д. Давыдов, Д. И. Фельдштейн, Г. П. Щедровицкий). За рубежом работают над этими же вопросами в аспекте психологии и логики А. Валлон, Дж. Брунер, Ж. Пиаже, Б. Саймон, У. Сойер, М. Пойа и др.

Специфическая позиция обучающегося в познании

Используем имеющуюся в литературе точку зрения относительно структуры познавательной деятельности²⁾). В случае если субъект занимается познанием не известных еще граней объекта (или объекта в целом), то своим результатом он имеет знания предметные:

$$S_{\text{пр}} \rightarrow O_{\text{пр}}.$$

Вполне вероятна ситуация, когда объектом познания может явиться деятельность субъекта-предметника:

$$\boxed{S_{\text{пр}} \rightarrow O_{\text{пр}}} \mid O_{\text{м}} \leftarrow S_{\text{м}},$$

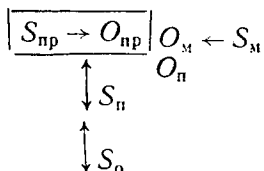
$S_{\text{м}}$ — это методолог, который занимается обоснованием знаний предметных через раскрытие логики и образцов деятельности предметника. Его знания — знания методологического характера.

Встретив трудности в своем процессе исследования объекта и испытыв потребность в обосновании способов и методов своей деятельности, предметник может стать и становится в позицию методолога. В свою очередь, последний может иметь дело со знаниями предметными (если он пользуется в своем процессе познания средствами естественного языка. К такого рода знаниям и работам относятся, например, работы по философским вопросам естествознания). То есть конкретная позиция предметника и методолога зависит также и от уровней предметного и методологического анализа: будет ли он носить характер содержательно-понятийного исследования или формально-логического обоснования. Важно обратить внимание на то, что познание предметника может содержать в себе процессы и исследования новых и обоснования уже полученных знаний. А позиция методолога необходимо учитывает эти процессы познания, и через раскрытие логики действия предметника методолог обосновывает предметные знания. Приведенная схема, таким образом, определяет структуру познавательной деятельности как отражение процессов исследования и обоснования. Учитывая тонкости различных уровней предметного и методологического анализа, а также условность деления и всякого схематического изображения, можно отождествить в известной мере процессы познания предметника и методолога соответственно с исследованием и обоснованием. Говоря об условности этого отождествления, имеем также в виду, что обычно деятельность $S_{\text{пр}}$ по обоснованию своих знаний базируется на уже готовых, выработанных логических принципах, тогда как методолог сам эти принципы добывает. И наоборот, знания предметные в деятельности $S_{\text{м}}$ функционируют как готовые; для деятельности же предметника они есть цель и результат.

Продолжим это следующими рассуждениями. Если обучение представляет собой вид познавательной деятельности, то структура познания, приведенная выше, не является полной для описания структуры обучения. Должна быть обнаружена специфическая позиция обучающе-

²⁾ И. С. Алексеев. О принципах и средствах методологического подхода к анализу измерений. Сб. «Проблемы методологии научного познания». Новосибирский госуниверситет. Научные труды. Филос. серия. Вып. 2. Новосибирск, 1968; В. Н. Борисов. Структура мышления как познавательного и логического процесса. Автореф. докт. диссерт. Новосибирск, 1970; И. С. Ладенко. Об отношении эквивалентности и его роли в некоторых процессах мышления. «Доклады АПН РСФСР», 1958, № 1; Г. П. Щедровицкий. Языковое мышление и его анализ. «Вопросы языкознания», 1957, № 1; Г. П. Щедровицкий. О строении атрибутивного знания. Сообщение 1. О строении специфически мысленного «номинативного» знания. «Доклады АПН РСФСР», 1958, № 1; Г. П. Щедровицкий и Н. Г. Алексеев. О возможных путях исследования мышления как деятельности. «Доклады АПН РСФСР», 1957, № 3.

гося и обучающего в общем познавательном процессе. Самой яркой спецификой познания в обучении является усвоение готовых, уже выработанных человечеством знаний. Усвоение осуществляется через позицию преподавателя, методиста и т. д., то есть через учебно-методическую обработку предмета науки в учебный предмет. Наука в виде учебного предмета передается обучающемуся, и обучение, следовательно, включает в себя передачу и усвоение знаний. Место обучающегося в системе общесоциального процесса познания графически может быть изображено следующим образом:

(где S_{np} — преподаватель; O_{np} — объект для преподавания, то есть наука, научное знание. $S_{np} \rightarrow O_{np}$ — учебно-методическая обработка предмета науки в учебный предмет. $S_{np} \rightarrow S_o$ — передача научной информации. S_o — обучающийся. $S_o \leftrightarrow S_{np} \leftrightarrow O_{np}$ — усвоение, непосредственный процесс познания в обучении).

Рассмотренная, таким образом, позиция обучающегося в познании определяет необходимость ориентации обучения не только на усвоение, но также и на процессы исследования и обоснования. Ибо они (эти процессы) как бы предшествуют усвоению в обучении, представляют объект познания для преподавателя. В задачу последнего поэтому входит не только сообщение известного минимума знаний с целью их пассивного усвоения обучающимся, но показ образцов той деятельности, которая привела к их открытию. Только в таком случае познание обучающегося будет действительно активной деятельностью, усвоение приобретает характер подлинного освоения логики добывания знаний.

Следовательно, познавательная деятельность в обучении совмещает в себе все основные процессы познания, соотношение которых можно характеризовать как условие активности обучающегося.

Соотношение основных процессов познания как условие познавательной деятельности в обучении

Конкретный характер соотношения основных процессов познания в обучении, выделение определенного (или определенных) из них в качестве ведущего исторически меняется в зависимости от мировоззренческо-философских основ обучения, от состояния научного знания, а также в зависимости от социальных условий. Усвоение как единственная детерминанта активности обучающегося было возможно лишь в период механическо-метафизических установок в философии, когда активность обучающегося рассматривалась лишь как реакция на внешние стимулы. Это состояние философского знания рождает так называемую традиционную школу с ее методами насилия, зубрежки и схоластики. Мировоззрение традиционной школы вполне соответствовало определенному состоянию науки: сбор и жесткая классификация фактов, в значительной мере их эмпирическая систематизация, не выработаны еще основания наук, интеграционные процессы неизвестны, принцип жесткой детерминации в стиле мышления. Наука того времени, по образному выражению Н. Винера, представляла собой огромный механизм (XVII—XVIII вв.) либо энергетическую машину (XIX в.). Все это обусловило

ориентацию традиционной школы преимущественно на процесс усвоения, на внешний интеллектуализм.

Критика традиционной школы особое значение приобретает в прагматической методологии обучения. Но мировоззренческие основы последней определяют метафизическое решение вопроса как о соотношении активности и детерминированности в познании, так и соответственно о соотношении основных процессов познания в обучении.

Позитивизм в целом и прагматизм в том числе, находясь в родственной связи с бихевиоризмом³⁾, противоречиво решают вопрос об активности субъекта в познании. Представители этих направлений в философии не могли не заметить, что сейчас в развитии психологической науки назрел новый этап. «Чисто объективный» бихевиористский метод, пришедший когда-то на смену интроспективизму, оказался столь же несостоятельным, как и субъективизм интроспекции. Поэтому новый этап в развитии психологии связан с возвратом специального интереса к субъективным явлениям. В нашей психологии это обнаруживает себя в дальнейшем развитии рефлекторной теории И. П. Павлова — в разработке физиологии активности (П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн). В буржуазной же философии и психологии возникает серьезное противоречие между стремлением идти в ногу с современностью и признать активность субъекта и бихевиористской основой этого признания.

Это противоречие сказывается и в понимании принципа детерминизма в познании. С одной стороны, неопозитивизм и прагматизм отождествляют показания чувственной ступени познания с самими познаваемыми предметами и вещами. В результате выделяется такой тип знания, который называется «элемент-факты, функционирующие как протоколы»⁴⁾. Последние оказываются жестко детерминированными и потому только являются до конца познаваемыми. С другой стороны, рациональное мышление, «концепты», то есть теоретические и мировоззренческие понятия, не подвластны принципу детерминизма и определяются лишь целесообразностью. На этой основе активность субъекта в познании объявляется сугубо внутренним, спонтанным, ничем не обусловленным свойством индивида. Активная роль разума понимается в смысле беспредметного, мистически исходящего изнутри активизма, функцией которого является конструирование реальности по своим индивидуальным принципам и законам⁵⁾.

Такие установки прагматизма определяют, например, следующие высказывания:

«Вещи есть типичный продукт человеческого опыта». «Вся детерминация объектов как объектов имеет отношение к изменению опыта, опыта как активности»⁶⁾.

«Всякое исследование предметов есть процесс конструкции и реконструкции»⁷⁾.

³⁾ Позитивистская сущность бихевиоризма подчеркивается не только марксистами (см.: В. А. Лекторский. Принципы воспроизведения объекта в знании. «Вопросы философии», 1967, № 4), но и психологами, не разделяющими всецело принципы диалектического материализма (П. Фресс и Ж. Пиаже. Экспериментальная психология. М., 1966, стр. 67, 72, 77, 79—80).

⁴⁾ Н. Margenau. Open Vistas (Philosophical Perspectives of Modern Science). New Haven, 1961, p. 4.

⁵⁾ См.: Н. Zanstra. The construction of reality. Oxford, 1962, p. 2, где автор пишет: «Каждый человек, используя некие принципы, может дать концепцию действительности. Всякий человек имеет и всегда должен пытаться сформулировать эти принципы. Использование их воплощается в схемах действительности».

⁶⁾ John Dewey. Problems of Men. New York, 1946, p. 194, 248.

⁷⁾ Sidney Hook. The Place of John Dewey in Modern Thought. In: «Philosophic Thought in France and The United States». New York, 1950, p. 491.

«Концепт есть рациональный смысл слова», и этот смысл «лежит исключительно в мыслительном содержании», не связан с реальностью, ею не детерминирован⁸⁾).

Так позитивистская теория познания эклектически соединила в себе детерминизм и индетерминизм, а провозглашение крайнего активизма есть следствие этого противоречия и попытка выхода из него. Утверждаемый на почве бихевиоризма активизм обуславливает и прагматистский критерий истины: практическая выгода, целесообразность, полезность в том или другом отношении⁹⁾. Такой критерий истинного познания и активизм определяют ориентацию прагматистской так называемой «свободной» или «активной» школы преимущественно на процесс исследования. Обучение в прагматизме рассматривает в качестве второсортных процессы усвоения и обоснования знаний. «Свободная школа восстала против жестких, сориентированных на книги и авторитарных обычаев традиционной школы... Она следует различным инстинктам, активности, воле и спонтанному», — утверждает Эдвард Джоманс в дискуссии по проблеме обучения, прошедшей на страницах журнала «Saturday Review»¹⁰⁾. Такая позиция ведет к практицизму «свободной школы», невниманию к знаниям теоретического и мировоззренческого характера. Прагматистская философия образования ориентирует обучение на практические сегодняшние потребности только производства и не соотносит образовательную систему с требованиями науки.

В нашей школе эта традиция была распространена в 20-х годах, когда педагогика в значительной мере подвергалась влиянию прагматистской философии и когда единственным путем скорейшей подготовки специалистов была ориентация школы только на практику и производство. Абсолютизация исследовательского момента одновременно с недооценкой остальных процессов познания направляла обучение и в нашей стране в русло практицизма и своим логическим завершением имела идею отрицания школы¹¹⁾.

Таким образом, социальные условия и философия образования, определяющие ту или иную методологию обучения, могут направить решение вопроса о познавательной активности в сторону, не соответствующую ни состоянию науки, ни специфической позиции обучающегося.

В современных условиях абсолютизация одних и игнорирование других процессов познания в обучении может вести лишь к снижению познавательной активности обучающегося. В известной мере именно это определяет замеченное социологами противоречие между возрастанием активности субъекта в общем процессе познания и ее снижением в обучении (распространение так называемой «психологии тройки»). Дело в том, что наука и познание в его всеобщем характере сейчас определяются новой методологией. Активность познания стала определяющей категорией стиля мышления, что обуславливается новыми, революционизирующими состоянием науки процессами. В этом плане характерны прежде всего следующие явления. Во-первых, теоретизация научного

⁸⁾ W. B. Gallie. Peirce's Pragmaticism. In: «Studies in the philosophy of Charles Sanders Peirce. (Ed. Philip P. Wiener and Frederic H. Young). Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, 1952, p. 62.

⁹⁾ См.: перевод «принципа Пирса» в «В. Джемс. Прагматизм». СПб., 1910, стр. 193: «Рассмотрите, какого рода действия, могущие иметь практическое значение, мы считаем возможным приписать объекту нашего понимания. Тогда наше понимание всех этих действий и есть полное понимание самого объекта».

¹⁰⁾ Edward J. Thoms. Letters to the Education Editor. «Saturday Review», August, 15, 1970, p. 44.

¹¹⁾ С этой идеей в 20-х годах в нашей стране выступали В. Н. Шульгин, М. В. Крупенниа, В. Я. Струминский.

знания, познание и обобщение сущностей «высшего порядка», которые не могут быть схвачены чувственным представлением. Вследствие этого требуется своеобразная переориентировка внимания субъекта с конечных результатов его практической деятельности на начало познавательного процесса, связанное с выбором и обоснованием целей. Объект познания требует обдумывания «предпринимаемых действий, их полезности и условий осуществления, их связи с предыдущими процессами, которые побуждают к этим действиям и определяют их характер, и с процессами, являющимися следствиями этих действий»¹²). Во-вторых, поскольку теоретизация наук, связанная с обнаружением их глубинных оснований, находит единство последних, то возникают процессы интеграции научного знания и создания единой научной картины мира. В методологии познания это оформляется в общей теории систем, в обнаружении структурности знания и в выдвижении на главное место системного подхода в научном анализе. В третьих, увеличение суммы знания породило явление взрыва информации.

И. Винер, продолжая характеристику картины мира в различные периоды, говорил, что революция в науке сделала современную картину мира похожей на кибернетическую машину. Следствием развития естественнонаучного и философского знания являются изменения в стиле мышления. Принцип жесткой детерминации, характеризующий мышление и познание в прошлом, сейчас сменился вероятностными и кибернетическими методами. Одной из основных особенностей современной методологии познания поэтому является возрастание активности субъекта в познании.

Применительно к обучению оказывается необходимым включение в практику обучения наряду со способами исследования и усвоения также и приемов обоснования знания. Только в этом направлении возможна активизация деятельности обучающегося, могут вырисовываться оптимистические перспективы усвоения знаний в условиях взрыва информации, и только на этом пути познавательные приемы в обучении могут отразить все остальные новые явления современной науки. Часто говорят о взрыве информации как о моменте, затрудняющем обучение. Он действительно являлся бы таким, если бы был единственной характерной чертой нынешней науки, и если бы обучение не имело иных средств, кроме усвоения, для отражения этой особенности. Однако благодаря тому, что в науке происходят и другие (перечисленные выше) процессы, современное познание в целом, наряду с определенными трудностями, таит в себе возможности логичности и быстрого эффекта. Успех определяется созданием условий для освоения знаний посредством логических схем и структурных единиц.

Но подобный характер познавательной деятельности неизбежно ориентирует на выработку умения и приемов обоснования. Усвоение в изоляции от других процессов в обучении лишь на первый взгляд направлено на отражение такого явления, как взрыв информации. В действительности отдельный индивид не в состоянии постигнуть полностью все увеличивающуюся сумму знания. Вследствие этого преимущественная ориентация лишь на этот процесс (усвоение) в современном обучении в корне порочна¹³). Теоретизация наук, их интеграция и дифференциация,

¹²) Г. Кенде. Развитие и совершенствование служб управления. М., 1970, стр. 104—105.

¹³) Тем не менее в литературе до сих пор существует точка зрения, абсолютизирующая процесс усвоения в обучении. См.: М. Т. Смирнов. Процесс познания в обучении. МГУ, 1956, стр. 13.

создание единой научной картины мира и т. д. определяют невозможность в качестве главного в обучении считать только момент исследования¹⁴⁾. Состояние современной науки требует обоснования полученных знаний в качестве ведущего процесса обучения. Ибо именно обоснование связано с обобщенностью теоретического знания, с выработкой методологии и метода познавательной деятельности, с получением возможности самостоятельного дедуцирования отдельных фактов науки, подведения их под общее понятие и общую научную картину мира. Обоснование ориентирует на логику науки, познание которой может явиться ключом к дальнейшей деятельности обучающегося, к получению теоретических и практических знаний, умений и навыков.

Возрастающая роль обоснования в детерминации познавательной активности не означает, что этот процесс в обучении должен быть единственным. Формализация логики не является исходной и в самой логике. И исторически, и теоретически ей предшествует содержательное рассмотрение понятий. Формальная логика при всем ее формализованном и абстрактном характере в конечном счете является отражением реальности. Обоснование в комплексе приемов, исходящих из дедуктивного рассуждения и теории, стремится свести к минимуму апеллирование к опыту. Оно дает схему реального объекта. Но именно в силу своего схематического характера оно не может ни заменить остальные методы познания, ни быть признано их основой. Поскольку логика и другая дедуктивная теория имеет генетическую связь с фактическими данными, постольку обоснование не может существовать без исследования. Оно есть обоснование уже предметных, уже полученных знаний. Любое знание есть единство предметности и методологии, практики и теории. Исходя из этих соображений, можно предположить, что в условиях современной науки познавательная активность в обучении детерминируется всеми основными процессами познания при ведущей роли обоснования.

Возрастающая роль обоснования обнаруживает себя в увеличивающемся значении дедуктивных методов познания¹⁶⁾. Возникло и развивается понятие гипотетико-дедуктивной теории как метода построения знания на основе познания логических структур науки, дающего возможность содержательной формализации. В обучении эти процессы определяют соответствующую роль дедукции. Здесь дедукция рассматривается с точки зрения ее возможностей давать знания в уплотненном виде. И это действительно важно не только вследствие возрастания суммы знания, но и с точки зрения необходимости отражения в обучении всех новых явлений науки. Внимание к процессу обоснования и дедуктивным методам познания предполагает усиление теоретического материала в обучении, отбор внутри каждого учебного предмета фундаментальных понятий, вокруг которых может быть сконцентрирован фактический материал.

¹⁴⁾ Мысль о преимущественной ориентации обучения на процесс исследования высказывает Н. Н. Семенов. См.: Н. Н. Семенов. Роль научного исследования в высшем образовании. Сб.: «Организация научной деятельности», М., 1968, стр. 22.

¹⁵⁾ Однако П. Я. Хинчин, например, утверждал, что аксиоматическое дедуктивное построение знания недоступно не только школьнику, но и студенту первых лет обучения; оно требует такого уровня развития, который в лучшем случае доступен кончающему студенту-математику. П. Я. Хинчин. Педагогические статьи. М., 1963, стр. 94.

¹⁶⁾ См., например, А. К. Сухотин. Дедукция и причинное объяснение. Сб.: «Современный детерминизм и наука». Новосибирск, 1971, где анализируется роль дедукции в методах определения причинной связи, которые традиционно рассматривались лишь в рамках индуктивных построений.

Конкретное исследование метода дедукции как наиболее экономного рассматривается в работах некоторых зарубежных ученых¹⁷⁾, стоящих в отдельных вопросах теории познания на диалектико-материалистических позициях. Дедуктивные методы познания, отмечается ими, позволяют отразить структуру предмета, его узловые операционные понятия, представляющие собой содержательные обобщения. В силу своей содержательности дедуктивные методы могут объединить класс сходных явлений и развиваться в теорию. Дедукция позволяет рационально изучать взаимосвязанные явления, логически не изолированно друг от друга. При том состоянии науки, когда обнаружена структурность знания, когда структурный подход к объекту исследования становится одним из главных методологических принципов, дедукция играет роль метода познания структурности предмета, его логической схемы, познания укрупненными целостными единицами. Последнее позволяет забытым или пропущенным знаниям самостоятельно и спонтанно, без усилий восстанавливаться в мышлении. В конкретной практике обучения дедуктивные методы разрабатываются и вводятся пока как экспериментально проверяемые¹⁸⁾.

Идея возрастания роли дедукции в обучении подкрепляется и ведущими прогрессивными направлениями в развитии психологической мысли. Психологическое учение о познании как деятельности, разрабатываемое советскими психологами (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, Л. П. Анцыферова, О. Г. Тихомиров и др.) и прогрессивными психологами Запада (А. Валлон, Ж. Пиаже), включает в себя движение познающей мысли через усвоение познавательных схем. Схема — это познавательная структура, объединяющая совокупность сходных действий («Подвижная рамка» — Ж. Пиаже) и играющая роль метода. Вследствие этого в психологии разрабатывается проблема «переноса» в ее конкретном применении к обучению¹⁹⁾. Основополагающим отправным моментом в этой работе должно явиться признание необходимости гносеологической роли деятельности в обучении, заключающейся в схватывании основного, закона, сути.

Определяя характер детерминации активности в обучении, надо, таким образом, убедиться в необходимости ориентации современного обучения на все основные процессы познания. Более углубленная разработка этой проблемы с ее выходами в практику, в общее и конкретное обучение и образование в условиях научно-технической революции приобретает особую актуальность. Наиболее важным для дальнейшего исследования представляется вопрос о доле и мере тех или иных процессов познания в конкретных видах обучения.

¹⁷⁾ Дж. Брунер. Процесс обучения. М., 1962; J. Bruner. *Toward a Theory of Instruction*. Cambridge (Mass), 1966; M. Mackie. *Education in the inquiring society (an introduction to the philosophy of education)*. Hawthorn, 1966; R. L. Wilder. *Axiomatic and The Development of creative Talent*. In: «The axiomatic method with special reference to geometry and physics. Amsterdam, 1959; М. Пойа. Математика и правдоподобные рассуждения. М., 1957, Прелюдия к математике. М., 1965.

¹⁸⁾ См.: П. М. Эрднеев. Системные исследования и проблема ускоренного обучения. «Природа», 1971, № 7.

¹⁹⁾ К. А. Славская. К проблеме «переноса». «Доклады АПН РСФСР», 1957, № 2; Н. Ф. Талызина. Теоретические проблемы программированного обучения. МГУ, 1969.

О ЧУВСТВЕННОМ КАК ИСТОРИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ ЗНАНИЯ

В. А. САЛИН

Вопрос о чувственном и рациональном в познании издавна занимает умы ученых, ибо это связано с научным пониманием сущности познавательного процесса. И, пожалуй, наиболее трудным здесь остается выяснение того, как чувственное развивается и переходит в свою противоположность, в рациональное. «Гвоздь вопроса — в переходе от одного к другому»¹⁾.

В таком случае закономерно встает вопрос о чувственном познании как начальной ступени познавательного процесса, как ступени, исторически предшествующей во времени другой ступени, рациональной, в которую чувственное перерастает, диалектически отрицая себя. Что собой представляет такое чувственное, снимаемое рациональным? Вопрос этот пока еще не решен. Нет единого мнения о том, чем является чувственное: знанием или отражением до знания; логично оно или алогично; неотделимо от языка или существует до и независимо от него и т. д.

Это, в свою очередь, не дает возможности понять, чем является «чувственность» и «абстрактное мышление»: взаимосвязанными элементами или же диалектическими противоположностями единого целого? Чем они являются: разными формами отражения или разными полюсами единого отражения, присущего человеку? Где совершается переход, развитие познания — при переходе от одной формы отражения к другой или же это есть процесс развития единого противоречивого целого? Ответ на эти вопросы, в свою очередь, зависит от того, имеется ли социальный инвариант чувственного или мы видим этот инвариант в физиологическом устройстве познавательных средств индивида.

Показать, что чувственность — не элемент, не форма отражения, а «парная» категория, которая вместе с другой, мышлением, составляет одно целое — знание, является одной из задач работы. Это определяет нашу вторую задачу — найти чувственное как историческую ступень развивающегося знания, как исторический продукт познавательной деятельности людей. Мы употребляем исходные понятия «чувственность», «мышление», «знание», «чувственное». При этом первые два понятия используются для характеристики противоречивой природы более цельного понятия «знание», а «чувственное» не отождествляется с «чувственностью» как одной из двух противоречивых сторон, составляющих такую равнодействующую, как знание, «Чувственное» соотносится со «знанием» как историческое состояние последнего. Насколько правомерна такая постановка вопроса, насколько правильно она ориен-

¹⁾ М. М. Розенталь. Ленин и диалектика. М., 1963, стр. 74.

тирует исследователя в поисках содержательного критерия чувственного как ступени познания, необходимо, конечно, доказать.

С этой целью мы прежде всего обращаемся к основной идее И. М. Сеченова о центральном задерживании, развитой им в «Рефлексах головного мозга». Человек, пишет Сеченов, способен задерживать свои внешние движения, что дает возможность совершать психическую деятельность без внешнего выражения. Искусство задерживать конечный член рефлекса приводит человека к умению мыслить, думать, рассуждать... Этот конечный член рефлекса, в отличие от внешних мышечных движений, задерживается в речедвигательном аппарате, речедвигательных мышцах. «Рефлекс в разговорных мышцах», «задержанный разговор» становится у человека определяющим фактором. Возникнув на базе ощущений, центральнозадержанный рефлекс как бы переворачивает эти ощущения, внешние действия, делает их сознательными. А это, в свою очередь, превращает полный и задержанный рефлекс в диалектические стороны единого, только человеку присущего рефлекса головного мозга вообще. Потому человек в случае действия полного рефлекса выходит к многообразному и живому отражению внешнего мира соответственно разнообразию модальностей воспринимающих рецепторов. В случае усеченного рефлекса восприятие мира человеком ограничивается содержанием речедвигательного конца рефлекса, значением слов, где теряется яркость, непосредственность восприятия, но приходит значение, знание и свобода выбора действий. Психическая деятельность человека находит свое воплощение в рефлексе, который становится подобным магниту с двумя полюсами, полным и задержанным рефлексами.

Здесь как бы прокладывается путь к пониманию сознания человека, как единства противоположностей, чувственности и мышления. А потому сознание одинаково находит свое воплощение как в чувственности, так и в мышлении, каждый раз приобретая при этом лишь характерную окраску. Сознание или знание не могут быть сведены либо к чувственности, либо к мысли, как и не могут состоять из них как из двух компонентов или форм. На эту сторону вопроса обратил внимание Л. С. Выготский, анализируя связь слова и мысли. Эти последние у него — взаимопроникающие стороны такого единого целого, как «значение». А потому, пишет Выготский, «мысль не выражается в слове, но совершается в слове»²⁾. Становится более понятной мысль В. И. Ленина о том, что ощущение тождественно сознанию вообще, то есть конкретный акт воздействия внешнего предмета на воспринимающий рецептор.

Таким образом, представление о противоположностях, составляющих единое целое — а таковыми мы считаем чувственность и мысль по отношению к знанию — позволяет нам рассматривать знание то как чувственность, то как мысль, ибо знания помимо этих противоположностей нет. Или наоборот, это позволяет видеть сущность чувственности и мысли в знаниях.

Тогда где же переход чувственного в рациональное, отделяющий во времени первое от второго и определяющий в таком случае чувственное? Диалектика связывает понимание развития, переходов именно с концепцией раздвоения единого на противоречивые стороны. Если объект познания представить в виде целого, состоящего из элементов, то в таком случае развитие понимается как соединение и разъедине-

²⁾ Л. С. Выготский. Избранные психологические исследования. М., 1956. стр. 330.

ние этих составляющих элементов, частиц³). Совсем иное дело, когда объект понимается как неделимое целое, состоящее из противоречивых сторон. В данном случае развитие понимается иначе, а именно как воспламенение и угасание Огня (Гераклит), как исчезновение и появление одних форм вместо других (Аристотель) и т. д. Здесь иное понимание развития, а «другое понимание (Гераклит) — превращение одного в другое»⁴).

Чем же являются эти «одно» и «другое» применительно к процессу познания? Конечно, не разорванными и искусственно не противопоставленными во времени противоречивыми частями Единого. Само Единое отрицает себя, испаряет, переходит в противоположное Единое, тоже представленное состоящим из противоречивых сторон, но уже других, новых, противоположных. В нашем случае речь может идти о таком едином, как знание. Именно знание как единство чувственности и мысли отрицает себя, переходит в другое знание, противоположное первому и с новыми чувственностью и мышлением. Это как раз и характеризует чувственное (ступень познания) в качестве исторического состояния знания.

В нашу цель не входит показать критерий, различающий эти исторические состояния знания, критерий, отделяющий одно знание от другого, в которое первое перерастает. Но одно необходимо отметить, что рассмотрение чувственного как знания, состоящего из чувственной и абстрактной сторон, имеет принципиальное отличие от того понимания, когда чувственное рассматривается состоящим из ощущений, восприятий и представлений как таковых.

Сведение чувственного к последним (чувственности) ориентирует изучение чувственного прежде всего и главным образом как продукта деятельности физиологического механизма, как чувственности, возникающей в рецепторах. В тени остается социальный механизм, социальный инвариант рецепторов, органов чувств. Тем самым в тени остается чувственное как продукт социальной деятельности людей. А таковым как раз является знание. Понимание сущности чувственного как исторического состояния знания, социального явления несколько не игнорирует положение о специфике проявления этого знания в зависимости от устройства органов чувств. Наоборот, внимание привлекается к данным органов чувств, и в них предпринимается попытка увидеть социальную сущность последних.

К тому же «прогресс в мире животных связан с прогрессом органов их тела, тогда как у человека он не обусловлен изменением его тела»⁵). Никто не станет отрицать, что восприятие мира человеком существенно изменилось, особенно за последнее столетие. Однако биологическое устройство органов чувств, если даже претерпело, то далеко не равнозначное самой чувственности изменение. И анализ этого изменения чувственности как перехода от чувственного в свою противоположность, рациональное, как изменение знаний человечества, имеет непосредственное отношение к пониманию как развития чувственности, так и структуры самого процесса познания.

Недооценка социального аспекта чувственного ведет к поискам чувственного как некой формы отражения до мысли, до понятия, до знания,

³) См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 241.

⁴) Там же.

⁵) А. К. Сухотин. О соотношении социального и биологических факторов в развитии человека. Некоторые философские вопросы биологии и медицины. Томск, 1962, стр. 79.

к поискам его не в действительном познании, а в филогенезе познания, к поискам чувственного «с примесью» рационального и т. д. А это, в свою очередь, фактически ведет к рассмотрению чувственного на досеченовском уровне⁶⁾. Серьезной попыткой преодолеть антропологическую узость в понимании чувственного и выйти к пониманию его как социального явления может быть рассмотрение живого созерцания как личного опыта индивида, еще не выраженного в языке и в теории⁷⁾. Однако не любая теория, не любое общеизвестное знание уже есть рациональное. Чувственное — тоже теория, тоже знание, но исторически ограниченные, еще не перешедшие в свою противоположность.

⁶⁾ См.: Азиз Салиев. Что такое мысль. Фрунзе, 1970, стр. 99.

⁷⁾ См.: В. Н. Сагатовский. Общий путь познания и процесс диагноза. Некоторые философские вопросы биологии и медицины. Томск, 1962.

ОБ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ МЕТОДА И РАЗВИТИИ ТЕОРИИ

М. С. ДМИТРИЕВА

Одним из проявлений интеграции современной науки служит экстраполяция, т. е. осуществление операции перенесения, распространения знаний¹⁾. Некоторые философы при этом ведут речь об экстраполяции методов научного познания²⁾, а некоторые говорят от экстраполяции законов, теории³⁾.

Бесспорно, интегральное поле все более дифференцирующихся областей науки образуется взаимодействием самых различных элементов специальных наук. Однако, на наш взгляд, разная формулировка вопроса об экстраполяции знаний отражает существующие две точки зрения на взаимоотношение теории и метода. Значительная часть авторов отождествляет метод и теорию в содержательном плане, отмечая, что они как «инвариантные формы систематизации научного знания⁴⁾, однозначно соответствуют друг другу»⁵⁾, включая в себя одно и то же знание⁶⁾, что «метод и есть сама подтвержденная практикой теория»⁷⁾.

Противоположную точку зрения высказывают П. В. Копнин, В. Н. Борисов и др. Для них несовпадение очевидно, ибо они не признают непосредственного выступления теории в качестве метода⁸⁾, не видят полной реализации теории в методе⁹⁾. Нам также представляется правомерным не ставить знака равенства между методом и теорией. Упоминание функциональных различий при этом, на наш взгляд, положения не меняет. Взаимоотношение теории и метода следует рассматривать как диалектическое взаимодействие структурных компонентов,

¹⁾ С. П. Макарычев. Экстраполяция как метод познания. Автореферат диссертации. Горький, 1967, стр. 4.

²⁾ Г. Ланге. Дифференциация и интеграция в науке как закономерности процесса познания. Автореферат диссертации. М., 1970, стр. 3.

³⁾ С. П. Макарычев. Экстраполяция как метод познания. Автореферат диссертации. Горький, 1967, стр. 4.

⁴⁾ Ф. Ф. Голиков. О взаимоотношении научной теории, идеи и метода. Сб. «Вопросы теории как формы мышления», Томск, вып. 1, 1970, стр. 6.

⁵⁾ Г. Клаус. Кибернетика и философия. ИЛ, 1963, стр. 191.

⁶⁾ И. С. Свистун. Объективная основа взаимосвязи методов различных наук в познании жизни. Автореферат диссертации. Киев, 1967, стр. 14.

⁷⁾ В. Ф. Глаголев, А. Г. Спиркин. Материалистическая диалектика — методология современной науки. М., «Высшая школа», 1968, стр. 7.

⁸⁾ В. Н. Борисов. Взаимосвязь структуры и метода познавательной деятельности. «Философские науки», 1969, № 3, стр. 45.

⁹⁾ П. В. Копнин. Логические основы науки. Киев, «Наукова думка», 1968, стр. 225.

а не как модификацию одного и того же массива информации в развивающейся системе научного знания.

Теорию как структурный компонент научного знания характеризуют: а) предмет или изучаемые его сущностные связи и отношения в определенной совокупности описываемых его объектов; б) предметная область — сфера применения теории или совокупность объектов его описываемых *). Развитие теории в структуре научного знания идет интенсивно-экстенсивным образом. Сегодня, пожалуй, никто не отважится заявить в духе Кельвина или Филиппа Жолли, что какая-либо теория «заметно приближается к той степени совершенства, какой уже столетие обладает геометрия»¹⁰⁾.

Развитие теории за счет углубления вскрываемых сущностей и за счет расширения сферы применения совершается при помощи метода. Для характеристики той роли, какую играет метод в развитии научной теории и механизма развития, важно подтвердить, что и функционально и структурно метод и теория — самостоятельные структурно обособленные подсистемы научного знания.

Метод есть способ деятельности человека, воедино соединяющий познанные объективные закономерности с человеческой целенаправленностью деятельности на познание объекта и его преобразование¹¹⁾. Метод не совпадает с теорией, не тождествен ей и не инвариантен. Дело в том, что структурно-целостные блоки информации об объектах, т. е. познанные объективные закономерности, составляющие теорию, как таковую, не входят в структуру метода в прямом, непретворенном виде.

Для метода характерна «оборачиваемость»¹²⁾, превращаемость знаний, характерен перевод знания из предметной формы в форму предписания путем выработки правил деятельности, определяющих все элементы ее структуры¹³⁾. Предметные знания, реализуясь в практике познавательного процесса в набор приемов и операций с объектом, оказываются зафиксированными в методе в виде правил-предписаний. Правила-предписания, порою оформляемые в виде алгоритма или алгоритмического предписания, направляют применение познавательных средств и действий над объектом. Эти предметные знания и составляют объективную сторону метода.

Генетически методы научного познания, подобно формам мышления¹⁴⁾, восходят к области практики. Ф. Энгельс подчеркивал, что люди на заре истории, не умея еще аргументировать, действовали, т. е. первичной формой мыслительных операций явились операции практической деятельности¹⁵⁾. Методы научного познания объектов современной науки формируются тем же путем. Многократно повторяемые практические процедуры человека с объектами своей деятельности, будучи отраженными и закрепленными в сознании, становятся приемами и операциями предварительной деятельности. Способы практических действий

*) Здесь и ниже речь идет не о формальной, а о содержательной теории, интерпретированной на некоторый реальный совокупный объект.

¹⁰⁾ М. А. Марков. О современной форме атомизма. «Вопросы философии». 1960, № 4, стр. 128.

¹¹⁾ П. В. Копнин. Логические основы науки. Киев, «Наукова думка», 1968, стр. 227.

¹²⁾ В. И. Солдатов. Понятие метода и методологии в диалектическом материализме. Автореферат докт. диссертации. Киев, 1968, стр. 16.

¹³⁾ В. Н. Борисов. К определению метода познавательной деятельности. Сб. «Проблемы методологии научного познания». Новосибирск, 1968, стр. 6.

¹⁴⁾ В. И. Ленин. Философские тетради. Полн. собр. соч., т. 29.

¹⁵⁾ Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 537.

постепенно «пересаживаются» в голову и превращаются в методы познания, методы мышления¹⁶). Метод в этом смысле выражает структуру процесса познания, логику познавательной деятельности субъекта, субъективную диалектику.

«Уже в первых системах автоматического регулирования применялся принцип обратной связи, который в дальнейшем перерос в методы самонастройки, самоорганизации и самоусовершенствования... Эти методы полностью взяты из практики управления человеком различными явлениями¹⁷).

Формирование методов научного познания возможно на дотеоретическом уровне. При этом предметные знания, трансформируемые в приемы-предписания, носят эмпирический характер, как и складывающийся при этом метод. Однако при условии, если этот метод оформлен в виде рабочего приема, в форме правил подхода к объекту, носящих нормативный характер¹⁸), подобный эмпирический метод в той же мере имеет право на признание, как и эмпирические законы¹⁹). В этом смысле справедлива мысль Г. Клауса о ситуациях в науке, когда «строго говоря, метод не опирается на какую-либо разработанную теорию»²⁰).

Тем более трудно согласиться с утверждением Ф. Ф. Голикова о том, что метода как системы до возникновения теории не существовало, ибо только практические правила и приемы не позволяют вскрыть причины и объективные закономерности развивающегося внешнего мира²¹). Однако никто и не станет утверждать, что эмпирический метод познания имеет столь же высокие познавательные возможности, как метод, базирующийся на теории.

Метод всегда выступает не изолированно, а в системе каких-то научных знаний, а значит, несет на себе отпечаток эвристических возможностей всей системы. Несомненно, что появление в системе научного знания такого значимого элемента, как теория, поднимает всю систему на новый уровень — на теоретический. И это с необходимостью сказывается на познавательной силе, на понятийном аппарате всех компонентов системы, в том числе и метода. «Успех и работоспособность метода, управляющая сила метода в познавательном процессе,— по словам П. В. Копнина,— зависит от того, на каких закономерностях основаны его правила, как полно и точно в правилах метода отражены эти закономерности»²²).

Оценивать метод можно в двух планах. Первый план: проверка объективной обоснованности метода, т. е. сопоставление метода со свойствами изучаемого объекта. Поскольку метод соотносится с объектом через посредство предметных знаний, проверке подлежит истинность предметных знаний, положенных в основу нормативно действующих правил метода. Практическая проверка в таком случае выявляет адекватность предметных знаний свойствам объекта. Эта объективная сторона метода служит проявлением отмеченной К. Марксом способности цело-

¹⁶) В. Ф. Глаголев, А. Г. Спиркин. Материалистическая диалектика — методология современной науки. М., «Высшая школа», 1968, стр. 7.

¹⁷) Л. Т. Кузин. Основы кибернетики, ч. 1, М., 1970, стр. 12—13.

¹⁸) У. Росс Эшби. Конструкция мозга. ИЛ, 1962, стр. 37.

¹⁹) В. Н. Голованов. Законы в системе научного знания. М., «Мысль», 1970, стр. 84—86.

²⁰) Г. Клаус. Кибернетика и философия. ИЛ, 1963, стр. 191.

²¹) Ф. Ф. Голиков. О взаимоотношении научной теории, идеи и метода. Сб. «Вопросы теории как формы мышления». Томск, вып. 1, 1970, стр. 146.

²²) П. В. Копнин. Логические основы науки. Киев, «Наукова думка», 1968, стр. 232.

века относиться ко всякой вещи так, как того требует сущность самой вещи.²³⁾

Другой план проверки метода касается правильности пользования методом в процессе познания. Метод в таком случае предстает со своей субъективной стороны как орудие, как некоторое, стоящее на субъективной стороне средство, через которое она соотносится с объектом»²⁴⁾. Строго говоря, здесь оценивается не метод, как таковой, а примененные методы познающим субъектом, т. е. его познавательная деятельность. Во-первых, здесь выявляется соответствие познавательной деятельности правилам, составляющим метод. Иначе говоря, оценка дается способности познающего субъекта осуществить свою деятельность сообразно нормам принятого метода исследования. Во-вторых, при оценке метода в этом плане выявляется принципиальная применимость метода к данному объекту. А это означает оценку способности познающего субъекта осуществить выбор метода, адекватного исследуемому объекту. И, наконец, в-третьих, оценка метода фиксирует соответствие метода цели познавательной деятельности. Постановка цели исследования и подбор соответствующего метода для ее достижения определяется исследователями способностями познающего субъекта, его вооруженностью информацией об объекте и пр.

Во всех этих случаях метод рассматривается в плане правильности его применения. Иногда выявляются нарушения типа применения метода за пределами его применимости или при несообразно сложной цели исследования. Такие нарушения именуются в истории науки механизмом. Суть механизма состоит не в применении неправильного или неистинного метода, а в неправильности оперирования познающего субъекта тем или иным методом научного познания, в ошибке, как пишет П. В. Копнин, познающего субъекта²⁵⁾.

Вместе с тем объективная сторона (свойства объекта) субъективируется в методе (в предметных знаниях, преобразованных в нормативные предписания), а последний объективируется познавательной деятельностью субъекта. Именно поэтому диалектический подход не ограничивается фиксацией формальной правильности познавательных операций, а берет совокупно взаимодействие данного субъекта и данного объекта и во всей конкретности решает вопрос об адекватной природе метода. Именно в этом смысле К. Маркс говорит об истинности не только результата, но и пути, к нему ведущего²⁶⁾, ибо истинный путь адекватно отражает и объект, и отношение субъекта и объекта данной познавательной ситуации.

В системе научной деятельности метод обеспечивает конструктивное использование накопленных знаний, обращение их в практику. Это осуществляется при экстраполяции метода на объект научного исследования. Прежде чем обратиться к экстраполяции метода на объект, сделаем одно замечание об объекте предметного знания или точнее об объекте теории.

Объект как реальная область применения теории не всегда совпадает с осознаваемой областью ее применения. Объект теории, особенно в стадии ее формирования, может существовать без достаточно чет-

²³⁾ К. Маркс. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 7.

²⁴⁾ Гегель. Наука логики. Соч., т. VI, М., 1937, стр. 299.

²⁵⁾ П. В. Копнин. Логические основы науки. Киев, «Наукова думка», 1968, стр. 225.

²⁶⁾ К. Маркс. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 7.

ких границ. По мнению одних философов²⁷⁾, сфера действия законов шире, чем ее представляют сами исследователи в период открытия законов и формирования теории. В силу этого в науке и идет экстраполяция знаний на области, ранее не описываемые. В представлении других авторов именно первые этапы существования теории ознаменованы обычно расширительным толкованием законов и теорий, вынесением их за пределы действительной приложимости. Так рассуждает В. Н. Голованов, ссылаясь при этом на высказывание М. А. Маркова об агрессивности молодых теорий²⁸⁾.

Однако высказывание М. А. Маркова касается особой ситуации в науке, ситуации рождения обобщающих теорий (типа теории элементарных частиц), которые выражают тенденцию знания к обобщению и потому отличаются претензией на универсализм. Так, собственно, произошло с кибернетикой, появление которой ознаменовалось попытками чрезмерно расширительного ее приложения.

В целом же развитие теоретического знания, по мнению того же М. А. Маркова, характеризуется обратной тенденцией: постепенно раскрывается, что современная теория обладает все большей и большей областью применимости, чем ранее предполагалось²⁹⁾.

Выявление потенциальных предметных областей теории и метода, на наш взгляд, доминирует в развитии науки над обратным процессом — свертывания сферы применимости теории из-за неподтверждаемости «первоначально проявляемой агрессии». Именно поэтому оказывается возможной экстраполяция метода на объект своей собственной теории, своих предметных знаний.

Итак, метод экстраполируется на объект теории. Если при этом объект теории в момент ее формирования был представлен неполно, то позже, на основе обнаруженных аналогий апробированные методы переносятся на ту часть объекта, которая не была выявлена ранее. Иначе говоря, некоторое подмножество объекта из невыявленного превращается в выявленное, предметная область теории расширяется за счет все большего соответствия между областью реального действия теории и сферой осознанного ее приложения.

Так, например, возникновение теории авторегулирования было первоначально связано с описанием замкнутых систем, позже подтвердилась ее применимость к разомкнутым, а затем к комбинированным системам. Далее путь расширения предметной области теории авторегулирования шел к многоконтурным, самонастраивающимся и экстремальным системам. В настоящее время теория авторегулирования описывает и самообучающиеся сложные системы, называемые кибернетическими. При всей сложности решаемых здесь задач и способов осуществления обратных связей принципы управления в кибернетических системах остаются общими со всеми системами авторегулирования³⁰⁾. Следовательно, общими в принципе, в основном остаются методы исследования этих систем.

Экстраполяция метода на объект своей теории может дать интенсивный прирост информации об объекте, что приведет к отпочкованию

²⁷⁾ С. П. Макарычев. Экстраполяция как метод познания. Автореферат диссертации. Горький, 1967, стр. 6.

²⁸⁾ В. Н. Голованов. Законы в системе научного знания. М., «Мысль», 1970, стр. 208—209.

²⁹⁾ М. А. Марков. О современной форме атомизма. «Вопросы философии», 1960, № 4 стр. 127.

³⁰⁾ А. Г. Ивахненко. Техническая кибернетика. Киев, Госиздаттехлит, УССР, 1959. стр. 6—14.

новой теории, существенно отличающейся от материнской теории. Так, например, образовалась теория инвариантности, составлявшая в свое время лишь раздел теории автоматического регулирования.

Первоначально была выдвинута идея о возможности регулируемую величину в замкнутых системах управления сделать инвариантной к возмущениям. При этом считалось, что разомкнутые системы инвариантными в этом смысле быть не могут. Позже именно на разомкнутых системах, а потом — на комбинированных теория инвариантности обрела ряд исходных принципиальных положений, описываемых системой математических уравнений³¹⁾. В своем первом приложении к замкнутым системам идея инвариантности звучала как возможность максимального снижения чувствительности регулируемой величины к возмущениям. На новых объектах — разомкнутых и комбинированных системах — методы теории инвариантности исходят из признания полной устойчивости к возмущениям управляемых параметров системы.

Экстраполяция метода возможна и на «ничейный» объект научного знания, который создается или обнаруживается в ходе эксперимента над уже известной предметной областью. При этом введение новых ограничений меняет характеристику объектов по ряду параметров настолько, что возникает возможность говорить о новом объекте. Поскольку научного знания об этом объекте нет, исключая проявившиеся в эксперименте показатели, в чем-то аналогичные с прежним объектом, новый объект пытаются исследовать посредством методов, сформировавшихся при изучении прежнего объекта.

Так, при эксперименте с ионизированным газом путем повышения температуры и введения магнитного поля были получены характеристики, никогда ранее не присущие. Для дальнейшего изучения нового объекта, названного плазмой, были применены методы гидродинамики и магнитной гидродинамики³²⁾.

Сегодня приемы изучения проводящей жидкости, ионизированного газа, твердого тела не служат методами изучения плазмы. На основе теории плазмы оформились специализированные приемы и операции, отражающие специфику нового объекта: методы спектроскопии, зондирования и др. Но в своей начальной стадии, когда предметная область теории плазмы была действительно «ничейной», когда объект ее был только обнаружен, первые подходы к этому объекту экстраполировались из других областей знания, где они уже были апробированы на объектах своих теорий.

Экстраполяция методов на объект другой теории и другой науки ведет к дифференциации информационных массивов. В одних случаях образуется совокупность теорий или наук, комплексно изучающих сложный объект и вскрывающих в нем сущности второго и третьего порядка. В других случаях происходит рождение новой самостоятельной теории.

Вновь появляющаяся теория может возникнуть на стыке смежных областей знания из применения методов к предметному полю той и другой области. Так, создатель квантовой механики В. Гейзенберг отмечал, что физическая химия возникла на вершине совместной работы и взаимобмена методами между физикой и химией³³⁾.

³¹⁾ Л. А. Арцимович. Элементарная физика плазмы. М., Госиздатлит. по атомной науке и технике, 1963, стр. 15—25.

³²⁾ В. Гейзенберг. Отношения между физикой и химией в последние семьдесят пять лет. Сб. «Методологические проблемы современной химии», М., «Прогресс», 1967, стр. 56—58.

³³⁾ Б. В. Гнеденко. Роль истории физико-математических наук в развитии современной науки. «История и методология естественных наук», 1966, вып. V, стр. 89—94.

У других теорий, возникающих при интеграции методов, предметная область образуется путем абстрагирования одной из сторон объектов многих других наук. Так сформировались теория колебаний, кибернетика, теория управления. Теории эти существуют в виде общих теоретических систем. Вместе с тем освещение специфики отдельных групп объектов, отдельных предметных областей приводит к выделению — отпочкованию специальных теорий. В этом плане появляются названия, например, таких специальных кибернетик: физической, технической, экономической и др.³⁴⁾.

На новую предметную область методы всегда экстраполируются как бы «в кредит»³⁵⁾, ибо в основе такой экстраполяции лежит относительное подобие новых и старых объектов. Специфические черты новых объектов обычно не менее существенны, чем черты подобия, поэтому на новых объектах перенесенные методы работают с определенными ограничениями. На этом основании имеет смысл говорить об экстраполяции метода в науке не просто как о пути развития новой теории, но и как о средстве трансформации самого метода.

Применение метода к различным объектам с необходимостью вызывает изменение метода соответственно специфике объектов. Однако сама специфика объектов рассматривается как условие, исключающее экстраполяцию методов других наук. Если же при этом речь идет о методах наук, изучающих более простые формы движения материи, то неизбежно предвидится механистический шаблон, упрощенческое представление об объекте. Между тем, нередко задачи познания объекта и возможности познавательной ситуации обуславливают продуктивное применение огрубленных подходов, приближенных моделей. Вопрос о возможности применения метода к объекту — это область методологии.

Методологию — учение о методе, теорию метода³⁶⁾ — следует отличать от самого метода; последний составляет объект методологии. Трудно в силу этого согласиться с утверждением о том, что теория, экстраполируемая на другие методы познания, выступает в качестве метода и выполняет при этом методологическую функцию³⁷⁾.

Методология не входит также в структуру теории. Даже если методологию рассматривать на разных уровнях и выделять: а) философскую методологию как учение о познавательной деятельности вообще, б) специальную методологию как учение о методах познания определенных объектов.

Положение о том, что всякая относительно сложная теоретическая система, наряду с предметными знаниями, включает и методологические, т. е., знания о ней самой, о средствах и способах ее построения³⁸⁾, правомерно отнести к научной системе, но не к теории. Методология как специальная система об общих методах познания и конкретном механизме действия методов на том или ином объекте есть са-

³⁴⁾ А. Г. Ивахненко. Самообучающиеся системы. Киев, Изд-во АН УССР, 1963, стр. 5.

³⁵⁾ В. И. Солдатов. Понятие метода и методологии в диалектическом материализме. Автореферат докт. диссертации. Киев, 1968, стр. 31.

³⁶⁾ П. В. Колпин. Логические основы науки. Киев, «Наукова думка», 1968, стр. 226.

³⁷⁾ Ф. Ф. Голиков. О взаимоотношении научной теории, идеи и метода. Сб. «Вопросы теории как формы мышления», Томск, вып. 1, 1970, стр. 148; В. И. Солдатов. Понятие метода и методологии в диалектическом материализме. Автореферат докт. диссертации. Киев, 1968, стр. 16.

³⁸⁾ Г. Ланге. Дифференциация и интеграция в науке как закономерности процесса познания. Автореферат диссертации. М., 1970, стр. 4—5.

морerefлексия научного знания, есть самостоятельный компонент в системе науки.

Методология возникает значительно позже других компонентов в системе научного знания. И появление такого компонента поднимает всю систему на более высокий уровень. Академик Б. В. Гнеденко, призывая к изучению пути, пройденного наукой, подчеркивает, что при современной методологической вооруженности можно не просто описывать историю науки, но и осмысливать ее, что история науки должна стать историей методов мышления³⁹).

³⁹) Б. В. Гнеденко. Роль истории физико-математических наук в развитии современной науки. «История и методология естественных наук», 1966, вып. V, стр. 12.

О ВЛИЯНИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА НА ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ ИСКУССТВА

Г. Д. ЛИХАЧЕВ

В настоящее время мы являемся свидетелями изменений, происходящих в искусстве и в процессах, связанных с восприятием произведений искусства. Для характеристики этих изменений в философской, эстетической и искусствоведческой литературе все чаще применяют понятие «демократизация искусства». Специального определения этого понятия пока нет, и интерпретируется оно по-разному.

Так, Л. Новикова в статье «Проблема взаимодействия искусства и техники в современной эстетике», комментируя материалы VI конгресса по эстетике, пишет, что «развитие технических средств тиражирования и массовых средств коммуникации привело к омасовлению художественной продукции и возникновению «массовой публики». Само по себе это событие не может быть расценено иначе как демократизация искусства»¹⁾, заключает автор.

С этим заключением можно согласиться лишь частично. Возникновение «массовой публики» — одна из важных характеристик процесса демократизации искусства, но не единственная. Что касается «омасовления» художественной продукции, то здесь необходимо установить, какой содержательно-оценочный смысл вкладывается в истолкование этого процесса. Если речь идет о расширении художественной продукции, то есть о тиражировании, тогда ясно, что это одна из характеристик процесса демократизации искусства, тесно связанная с первой (с «массовой публикой»). Нужно лишь подчеркнуть — одна из них.

Однако на наш взгляд, «омасовление» художественной продукции и появление массовой публики являются внешними характеристиками процесса демократизации искусства, не вскрывающими его сущности, поскольку они отражают лишь количественную сторону процесса. Кроме того, понятия «массовость», «массовая публика» можно рассматривать в нескольких смыслах. Например, массовость можно рассматривать как расширение аудитории, воспринимающей произведения искусства, и как появление художественной продукции, рассчитанной только на массы, что означает отделение массового искусства, по мнению буржуазных исследователей, от «подлинного», высокого искусства.

Такой подход, где последнее значение терминов «массовость», «массовая публика» отождествляется с демократизацией искусства, в целом характерен для буржуазных социологов. Для них «массовость», «массо-

¹⁾ Л. Новикова. Проблема взаимодействия искусства и техники в современной эстетике. В сб.: «Вопросы технической эстетики», М., «Искусство», 1970, стр. 326

вая публика», «омассовление» — наиболее значимые критерии демократизации искусства, поскольку суть этого процесса они видят только в количественном распространении произведений искусства, что ведет к увеличению прибылей. В этом смысле Маркс и подчеркивал, что «капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства...»²⁾). Поиски новых форм, жанров, средств, благодаря которым можно художественную продукцию выбросить на рынок, подчинены одному закону — закону спроса и предложений.

Иное дело в социалистическом обществе, где демократизация искусства связана прежде всего с общественным назначением искусства, его ролью в обществе. Целевое назначение социалистического искусства состоит не только в том, чтобы стать достоянием как можно более широких масс, но и в том, чтобы повысить уровень художественного сознания этих масс. В основе социалистического искусства лежат принципы народности, партийности и реалистичности, развитие которых и обуславливает динамику процесса демократизации искусства.

Демократизация искусства — это процесс, пронизывающий и создание произведений искусства, и потребление. Оба эти момента отражены В. И. Лениным в ряде его работ об искусстве и литературе. Характеризуя новое пролетарское искусство и литературу, В. И. Ленин подчеркивает, что и искусство, и литературу необходимо рассматривать с позиций коммунистической партийности, которая, в понимании В. И. Ленина, являлась одним из важнейших условий освобождения и расцвета искусства, его демократизации.

Демократизация искусства связывалась с этим принципом потому, что партийность позволяла художнику, писателю служить своим творчеством «не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения верхним десяти тысячам, а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность»³⁾).

В качестве одной из главных задач в первые годы Советской власти Ленин выдвигал задачу культурной революции. Он страстно возражал против вульгарного предствления о том, «что народные массы нуждаются не в настоящих образцах искусства и культуры, а могут быть — хотя бы временно — удовлетворены более или менее яркими их суррогатами». «Лишь глубокое приобщение народных масс к настоящим образцам культуры и образования может удовлетворить их, и обеспечить высокий расцвет культуры и искусства социалистического общества»⁴⁾), — доказывал В. И. Ленин. Наши рабочие и крестьяне заслуживают нечто большее, чем зрелища, подчеркивал В. И. Ленин в беседе с К. Цеткин, «они получили право на настоящее великое искусство»⁵⁾).

Принципы социалистической литературы и искусства, указанные В. И. Лениным, оставаясь в основе советской культуры, претерпевали ряд изменений и обогащались. Причем процесс демократизации искусства необходимо отражал в себе развитие и изменение принципов народности, партийности и реалистичности. Невозможно говорить о демократизации искусства, не обнаруживая нового содержания, которым социалистическая деятельность наполняет эти принципы. На путях выявления

2) «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве». М., 1957, ч. 1, стр. 192.

3) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, М., 1960, стр. 104.

4) Г. Фридендер. К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы. М., «Художественная литература», 1962, стр. 601.

5) «В. И. Ленин о литературе и искусстве». Изд. 2-е, М., Госполитиздат, 1960, стр. 662.

этого содержания может быть вскрыта сущность процесса демократизации искусства. Демократизация искусства — явление сложное, характеризующееся многими составляющими его факторами, признаками, сторонами. Один из существенных признаков демократизации искусства — «доступность» искусства, которую необходимо рассматривать в двух аспектах. Во-первых, в смысле создания для широкой аудитории одинаковых условий, возможностей в потреблении художественной продукции. Другими словами, в смысле подключения к искусству наибольшей аудитории. Это количественный аспект. Во-вторых, как способность понимать искусство, что связано с повышением уровня художественного сознания, художественного вкуса масс. Это качественный аспект. То есть доступность означает не только удовлетворение эстетических запросов, потребностей широкой аудитории, но и формирование этих потребностей на уровне требований современного развития социалистической культуры.

В. И. Ленин, говоря о задачах в области пропаганды, писал: «Производственная газета должна быть популярной, в смысле доступности миллионам, но отнюдь не впадать в популярничанье. Не опускаться до неразвитого человека, а неуклонно — с очень осторожной постепенностью — поднимать его развитие»⁶⁾.

В полной мере это относится и к искусству: необходимо поднимать массы до такого культурного уровня, который соответствует идейно-художественному уровню лучших произведений социалистического искусства. Эту позицию занимал, как известно, и В. В. Маяковский, который с самого начала своей творческой деятельности потребовал со всей решительностью демократизации искусства. В этом вопросе видное место он отводил прежде всего доступности. В. В. Маяковский понимал, что для становления советского искусства необходимы «энергичные поиски новых форм общения, контактов с массами, с их жизнью, с их сознанием»⁷⁾. Он делал все возможное, чтобы его искусство стало доступным широким массам. С этой целью В. В. Маяковский объездил многие районы Петрограда и Москвы, читая «Мистерию-буфф», чтобы убедить рабочих в том, что нет ничего принципиально непонятного, заумного в этой пьесе. Этим он старался, с одной стороны, расширить сферу действия своего искусства, охватить им как можно большую аудиторию, с другой — донести свое искусство так, чтобы оно было понятно народу. Но «понятность» его не означала «подделывание» под массы. И эта позиция поэта определялась уважением к народным массам и высокими требованиями к представителю «художественного цеха». Понятное для немногих должно стать, по его мнению, понятным для всех, путем расширения кругозора и культуры масс, путем эстетического воспитания рабочих и крестьян с целью поднять их художественные вкусы до уровня образованной интеллигенции.

«Первое, на что я обращаю внимание товарищей, это на их своеобразный лозунг «не понимаю», — начинал иногда Маяковский свои выступления. — Попробовали бы товарищи сунуться с этим лозунгом в какую-нибудь другую область. Единственный ответ, который можно дать: «Учитесь!»⁸⁾.

Не менее важным признаком процесса демократизации искусства, тесно соотносящимся с доступностью, является признак реализованной общезначимости идейно-художественных ценностей произведений классического и нового искусства. Следует признать, что не была

⁶⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 15.

⁷⁾ См.: Б. Шрагин. Историческое различие народности и массовости искусства. В сб.: «Искусство и народ». М., «Наука», 1966, стр. 55.

⁸⁾ В. Маяковский. Театр и кино, т. 2, М., 1954, стр. 385.

реализована общезначимость того глубинного философско-эстетического пласта, который художественно разрабатывался во второй половине XIX века Л. Толстым и Ф. Достоевским. Все сферы человеческого сознания, все элементы структуры общественных отношений были художественно переосмыслены, воссозданы и оценены этими гигантами художественной мысли. Наверное, нельзя было отыскать представителя определенного общественного класса, социальной группы, индифферентного к столь страстным, чрезвычайно искренним, глубоко аналитическим поискам смысла человеческого существования, которыми пронизано творчество Л. Толстого и Ф. Достоевского. Однако общеинтересность, общезначимость произведений этих писателей не могла быть реализована, пребывала в «скрытом» виде, не субъективировалась для большей и основной (в смысле идейно-тематической адресованности) части читательской аудитории. Это становится возможным лишь после того, как пройдены такие этапы культурной революции, как ликвидация безграмотности, всеобщее неполное, а затем и среднее образование.

Научно-технический прогресс способствует дальнейшей реализации общезначимости произведений искусства. Общезначимость перестает быть той заложенной в произведении искусства и дремлющей в нем силой⁹⁾, которая, будучи предназначена всем, используется лишь немногими. Едва ли не каждая сознательная личность благодаря массовым средствам коммуникации является активным «приемником» тех «сигналов эстетической информации»¹⁰⁾, которые посланы ей не только современным искусством, но и искусством древности.

Социалистическое искусство, играя все большую роль в жизни нашего общества, становится более действенным. Эта действенность проявляется уже в том, что искусство формирует «качество общественного поведения человека во всех возможных обстоятельствах, когда человек должен участвовать или просто соприкоснуться с тем или иным явлением действительности»¹¹⁾.

Общественная действенность искусства в значительной мере обусловлена теми явлениями, которые определяют процесс демократизации искусства. Совершенствование и дифференцирование коммуникативных каналов, средства массового репродуцирования (тиражирования) — все это оказывает воздействие и на производство искусства, и на его продукт, и на потребителя. При определенных общественных условиях весь этот комплекс воздействий становится неотъемлемым звеном процесса демократизации искусства.

Если одна из существенных характеристик этого процесса — активность массового зрителя, слушателя, то новые пути активизации восприятия искусства обеспечивают научно-технический прогресс.

Попытаемся рассмотреть в структурно-функциональном аспекте некоторые из характеристик процесса демократизации искусства, определенные нами теоретически.

Процесс демократизации искусства есть процесс двусторонний, то есть процесс, в котором участвуют, с одной стороны, художник, творец, одним словом, производящий искусство, а с другой стороны, — зритель, читатель, слушатель, то есть воспринимающий искусство.

⁹⁾ Силой нравственной и психофизиологической, помогающей личности активизировать себя.

¹⁰⁾ Ю. А. Филиппьев. Сигналы эстетической информации. М., «Наука», 1971.

¹¹⁾ М. Марков. Искусство как процесс. М., «Искусство», 1970, стр. 72.

¹²⁾ См.: М. Овсянников, Л. Новикова. Научно-технический прогресс и художественное творчество. В сб.: «Эстетика и производство». Изд-во Московского университета, 1969.

Научно-технический прогресс глубоко изменяет характер и степень взаимовлияний этих двух сторон процесса демократизации искусства при качественно-количественном изменении как одной, так и другой стороны.

В связи с этим многие исследователи связывают развитие демократизации искусства с научно-техническим прогрессом и прежде всего со средствами массовой коммуникации и тиражирования, подчеркивая при этом единство количественно-качественных изменений.

Об этом свидетельствуют, например, выступления на Тбилисском симпозиуме ЮНЕСКО в 1968 году Дж. Аргана (Италия), П. Шеффера (Франция), которые отмечали, что развитие средств массовой коммуникации делает искусство демократичным и популярным¹²). Выступления на VI Международном конгрессе по эстетике в 1968 году в Швеции Ф. Менте (Бельгия), Г. Мэтзи (Голландия), Р. Франкини (Италия), М. Бреазу (Румыния)¹³ были посвящены выявлению той роли, которую массовые средства коммуникации и средства тиражирования выполняют в деле распространения искусства¹⁴).

Советские исследователи также не оставляют без внимания эту важную проблему. Так, например, С. Завадский, анализируя некоторые аспекты взаимосвязи искусства и научно-технического прогресса, рассматривает последний в качестве стимулятора демократизации искусства. «Научно-технический прогресс означает шаг на пути к демократизации искусства. Техническая революция в массовых средствах коммуникации взрывает рамки контроля и знаменует собой возрастание общественной роли и функции искусства.

Впервые социально-санкционированный образец художественной продукции теряет элитарную природу и нормативный характер. Возможность приобщения к потреблению искусства все новых людей возрастает беспредельно», — справедливо заключает автор¹⁵).

Массовые средства коммуникации в социалистическом обществе по существу создают предпосылки и новые, наиболее эффективные пути для распространения искусства¹⁶), в целом ускоряет процесс демократизации искусства.

Если позитивное влияние массовых средств коммуникации связывают с неограниченными масштабами распространения искусства и с появлением в этой связи массового зрителя, слушателя, то негативные — с «омассовлением» художественного вкуса, утратой «подлинной» эстетической ценности художественного произведения.

В действительности же сами по себе средства коммуникации не могут повлиять на художественный вкус: от того, что художественное произведение становится достоянием не избранного круга, а широчайшей

¹²) См.: Л. Новикова. Проблема взаимодействия искусства и техники в современной эстетике. В сб.: «Вопросы технической эстетики», М., «Искусство», 1970.

¹⁴) Разумеется, рассматривалась их позитивная и негативная роль. С одной стороны, широта распространения, включение громадной аудитории, с другой — опасность понижения художественного вкуса. Последнее, по мнению ряда исследователей, в целом необходимо рассматривать не в сфере взаимоотношения техники и искусства, а в сфере социальных отношений. См.: Г. Ашин. Доктрина «массового общества», М., 1971, стр. 144; Э. Багиров, И. Кацев. Телевидение. XX век. М., «Искусство», 1968; Н. С. Мансуров. Личность и массовые коммуникации. В сб.: «Социология и идеология», М., «Наука», 1969 и др.

¹⁵) С. Завадский. О некоторых концепциях влияния научно-технического прогресса на искусство. В сб.: «Эстетика и производство», Изд-во Московского университета, 1969, стр. 138.

¹⁶) См.: Ю. А. Шерковин. Средства массовой коммуникации и их роль в жизни общества. «Вопросы психологии», 1972, № 1; А. П. Харламов. В тупике буржуазного техницизма. М., «Мысль», 1967 и др.

аудитории, оно не теряет своей эстетической ценности, а тем более не снижает художественный вкус. Не может быть «омассовления» художественного вкуса там, где существуют высокохудожественные произведения, а не низкопробная «художественная» продукция. Подобная продукция может быть навязана массам буржуазией не только с помощью кино и телевидения, но и через театральную сцену. На это указывает, например, Ю. Жуков, описывающий театральную жизнь Америки в книге «Из боя в бой».

«Театральные» спектакли», — говорит Ю. Жуков, — оказываются в одном ряду с более чем сомнительной продукцией кино и литературы, порожденной новым режимом пресловутой «дозволенности»¹⁷⁾. Поэтому причину понижения художественного вкуса надо искать не в средствах массовых коммуникаций, а в той социальной болезни, которая присуща современному Западу, в тех «далеко зашедших глубинных процессах», которые разъедают «мораль современной Америки»¹⁸⁾, заключает Ю. Жуков.

Художественные произведения, обладающие высокой эстетической ценностью, не могут быть причиной «омассовления» художественного вкуса, каким бы образом и по каким бы каналам они ни были реализованы.

Французский писатель Андре Моруа, отвечая тем, кто связывает усреднение художественного вкуса со средствами массовой коммуникации, пишет: «Говорят, что радио, кино, телевидение, поскольку они рассчитаны на широкую публику, непременно приведут к снижению художественного вкуса с точки зрения требований, которые предъявляет избранная аудитория. Я вовсе не считаю такой результат неизбежным. Конечно, если радио и телевидение, исходя из коммерческих соображений, захотят потакать самым низким вкусам, чтобы сбыть свою продукцию, они этим снизят общий уровень культуры. Но то же радио, то же телевидение, руководимые людьми, которые стремятся поднять образование и культуру своего народа великолепно могут оставаться на высоком уровне»¹⁹⁾. Другими словами, средства коммуникации могут быть вредны или полезны людям не сами по себе, а в зависимости от того, в чьих интересах и как их используют.

Характер влияния массового распространения, тиражирования и других средств массовой коммуникации на качество художественной продукции может быть определен лишь в связи с конкретной социально-исторической средой. В социально-прогрессивных обществах нет предпосылок отрицательного влияния научно-технического прогресса. А если возможность такого влияния появляется, то она, как правило, носит временный характер²⁰⁾. Наоборот, в общественных условиях буржуазной культуры возможность отрицательного влияния научно-технического прогресса на искусство носит устойчивый характер. Нужно сказать, что при конкретном рассмотрении проблем, связанных с соотношением искусства и научно-технического прогресса в буржуазном обществе, иногда выявляются моменты положительного влияния научно-технического прогресса на искусство, хотя в тенденции этого и нет²¹⁾.

¹⁷⁾ Ю. Жуков. Из боя в бой. Письма с фронта идеологической борьбы. М., «Мысль», 1970, стр. 299.

¹⁸⁾ Там же, стр. 288.

¹⁹⁾ А. Моруа. В зрительном зале — миллионы. «Иностранная литература», 1963, № 10, стр. 233—234.

²⁰⁾ См.: Г. Ашин. Доктрина «массового общества». М., 1971, гл. V.

²¹⁾ См.: Ю. Н. Семенов. Концепция «массовой культуры в американской социологии». В сб.: «Современная буржуазная идеология в США». М., «Мысль», 1967, стр. 275.

Эти моменты благотворного влияния не есть «кусочки» демократизации искусства, они не являются «заместителями» этого процесса, связанного в социально прогрессивных обществах с изменениями всей структуры как производства и потребления искусства, так и изменения самого продукта искусства. Характерно оптимистическое высказывание профессора Р. Франкини (Италия) на VI конгрессе по эстетике, который прямо отмечает опасность вульгаризации художественного вкуса: «Трагедии Шекспира, идущие по телевизору...— говорит он, — несут в себе такой груз красоты, свободы, гуманизма, чтобы создать что-то вроде превентивного страхования против всех опасностей, которые угрожают вульгаризовать вкус современного читателя»²²). Подлинные, высокохудожественные произведения дают огромной аудитории нечто такое, что способно поднять зрителя, слушателя до высот истинного искусства, формируют понимание настоящих художественных ценностей. Заниженность художественного вкуса возможна лишь тогда, когда, говоря словами А. Луначарского, «к чистому золоту искусства» примешивается «столько шлаков», сколько их необходимо для того, чтобы протолкнуть художественную продукцию на рынке буржуазного мира».

Что касается утраты эстетической ценности художественного произведения, то само понятие «утраты» в этой связи неточно. Утрату, потерю качества рассматривают в данном случае через призму отношения оригинал — копия: художественное произведение само по себе рассматривается как оригинал, а то, с чем мы имеем дело в процессе восприятия, — копия. И эта копия не дает того эффекта, который содержится в оригинале. Отсюда-де полная потеря ценности художественного произведения. Это односторонний подход, на который, в частности, указывает Ан. Вартанов: «Репродукция есть всегда нечто вторичное — по отношению к оригинальному произведению. Как бы ни был высок класс репродуцирования, даже если он достигает потолка... повторение есть всегда повторение»²³). Но, замечает он, «в наш век развития техники в искусстве ведет подчас к невероятному результату: в некоторых видах творчества оригинал просто-напросто исчезает»²⁴). Ан. Вартанов приводит конкретные примеры этого исчезновения. В архитектуре в настоящее время становится все труднее отыскать «какой из серии одинаковых типовых домов является оригиналом, а какие — повторением». В скульптуре сам автор все реже «высекает фигуру из мрамора: чаще всего по его гипсовому слепку мраморщики изготавливают то, что впоследствии называется оригиналом»²⁵). В музыке «всякое исполнение одновременно и оригинал, и воспроизведение» (в частности, в больших залах дворцов спорта, где любое исполнение может быть воспринято лишь благодаря усилению через микрофон). Все это лишь свидетельствует о том, что отношения между оригиналом и копией не столь просты и очевидны, как это было в прошлом.

Поэтому эстетическая ценность оригинала не настолько выше эстетической ценности копии, чтобы можно было говорить об ее «утрате». Тем более, что «эволюция видов искусств, — заключает в той же статье Ан. Вартанов, — как самых старых, так и новейших, свидетельствует о том, что в них все труднее провести четкую грань между оригиналом

²²) Цит.: Л. Новикова. Проблема взаимодействия искусства и техники в современной эстетике. В сб.: «Вопросы технической эстетики». М., «Искусство», 1970, стр. 327.

²³) Ан. Вартанов. О средствах массового распространения искусства. В сб.: «Искусство и народ». М., «Наука», 1966, стр. 141.

²⁴) Там же, стр. 141.

²⁵) Там же, стр. 142.

²⁶) Там же, стр. 143.

и репродукцией, между уникамом и повторением (копией)»²⁶). Поскольку оригиналов никогда не хватает, тем более на всех желающих, постольку можно сказать, что репродукция (копия) играет незаменимую роль в распространении искусства, пробуждает интерес к искусству там, где его до сих пор не было. Хотя репродукция в конечном счете и не может заменить оригинал, подлинник, все же она играет существенную роль, ибо «действует как демократический множитель (разрядка моя.— Г. Л.), культурных предметов»²⁷), — как сказал на VI конгрессе по эстетике Ф. Менге (Бельгия). В этом ее преимущество по отношению к оригиналу. Другое важное преимущество репродукции, позволяющее рассматривать копию как эстетически ценную, состоит в том, что она, говоря словами Ф. Менге, «способна нейтрализовать ряд мало значимых в эстетическом отношении способностей картины и выделить существенное»²⁸). Поэтому говорить об утрате эстетической ценности, качеств художественного произведения в виде репродукции, — значит, отрицать их значение в деле распространения и приобщения поистине безграничной аудитории к искусству.

Этот важный момент был отмечен на совещании ЮНЕСКО 19 — 21 апреля 1971 года. Исходя из того, что «художественные ценности должны стать доступными огромным массам населения земного шара», было признано «целесообразным использовать не подлинники картин, а их цветные репродукции, техника выполнения которых достигла теперь большого мастерства»²⁹).

Таким образом, говоря о массовых средствах коммуникации и тиражирования (репродуцирования) художественных произведений, необходимо отметить, что они в наибольшей мере выполняют позитивную функцию, являются теми источниками, благодаря которым становится возможна дальнейшая демократизация искусства.

Рассматривая средства массовой коммуникации в качестве передающих коммуникативных каналов, мы не должны упускать из виду, что они одновременно являются и новыми видами искусства³⁰), со свойственной им спецификой. Специфика уже заключена в том, что являясь одним из популяризаторских средств, они по-своему трансформируют традиционные виды и жанры искусств: театра, изобразительного искусства, классической и эстрадной музыки, то есть один вид искусства служит для передачи другого.

С новыми видами искусства связано появление новых средств выразительности и на их основе новых жанров искусства (мультфильм, телефильм и др.), которые существенно дополняют уже имеющийся арсенал выразительных средств. Специфика их заключается и в том, что рожденный этими видами искусства новый художественный язык (в кино, телевидении) является в то же время одним из новых средств завоевания зрителей, слушателей, эффективного воздействия на них.

Наконец, специфика новых видов искусства проявляется уже и в том, что и у телевидения, и у кино существует своя знаковая система, рассчитанная на единичное восприятие, а потому и не требующая той общности восприятия, которая характерна для других видов ис-

²⁷) Цит.: Л. Новикова. Проблема взаимодействия искусства и техники в современной эстетике. В сб.: «Вопросы технической эстетики». М., «Искусство», 1970, стр. 323.

²⁸) Там же, стр. 323.

²⁹) Новости ЮНЕСКО, «Информационный бюллетень», № 5, 1971, стр. 14.

³⁰) А. Рохлин, В. Шастилин. Телевидение как искусство. М., 1962; В. С. Вильчик. Контур. Наблюдения о природе телеискусства. Ташкент, 1967 и др.

кусств. Но общность восприятия в данном случае все же существует. Она не нарушается потому, что индивид, находясь в микросреде (например, у телевизора), чувствует, ощущает макросреду, которая, взаимодействуя с ним, напоминает, что он не единственно воспринимающий. Воспринимающий индивид сознает себя как часть среди других: он внутренне объединен со всеми зрителями тем образом, который проецируется с экрана. Безусловно, гул народа, одобрительные возгласы, которые имели бы место, предположим, в зале театра, отсутствуют. Но это не означает, что теряется связь с другими телезрителями. Более того, обращение диктора («товарищи телезрители», «уважаемые слушатели» и т. д.) напоминает о том, что диктор ориентируется на широкую аудиторию. Поэтому воспринимающий ощущает, осмысливает себя как представитель множества. «Не изоляция, не разобщенность, а чувства и сознание общности с миром,— замечают Б. Т. Нахатович и А. Б. Стернина, говоря о функции телевидения, — пробуждает в человеке стремление к осмысливанию всего того, что происходит в жизни, воспитывает чувство коллективизма, интернационализма»³¹).

Сами формы, знаковые системы новых видов искусств (будь то телевидение или кино) рассчитаны, как и вообще знаковые системы, на понимание многих групп, слоев, категорий людей, что делает их доступными для всех.

При всех своих специфических особенностях новые виды искусств обладают достаточно высоким уровнем художественности, что является немаловажным в деле привлечения зрителя, слушателя. Поэтому, исходя из перечисленных положительных моментов новых видов искусств, можно сказать, что они открывают новые возможности в развитии искусства. Благодаря им (здесь уже имеется в виду и их начальная функция — средства коммуникации) массовому зрителю, слушателю становятся доступны не только лучшие образцы мирового искусства, но и мысли, чувства, переживания, идеи, порождаемые ими, которые, безусловно, способствуют повышению уровня художественного вкуса, пониманию искусства, выработыванию на этой основе эстетического идеала у всего народа.

Связывая с новыми видами искусства и средствами массовой коммуникации развитие процесса демократизации, необходимо выделить два момента, играющих важную роль в этом процессе.

Во-первых, одним из истоков приобщения массовой публики к искусству, одним из средств эстетического воспитания, формирования у нее художественного вкуса является непосредственное восприятие той художественной продукции, которая передается посредством кино, телевидения. В этом мы усматриваем только один из путей демократизации искусства, который, по нашему мнению, не является единственным и главным.

Подлинная демократизация искусства в системе социализма, на наш взгляд, связана прежде всего с той культурно-просветительской деятельностью, которая возможна у нас в широчайших масштабах. Это более значимый путь для демократизации искусства, который становится возможным при высокой степени развития средств массовой коммуникации. И в этом, безусловно, влияние научно-технического прогресса. Культурно-просветительская деятельность есть пропаганда культуры и искусства, способствующая формированию связей и зависимостей, которые складываются между искусством и различными сторонами общественной жизни, искусством и его аудиторией.

³¹) Ст. «Роль телевидения в эстетическом воспитании». В сб.: «Научно-техническая революция и развитие современных общественных отношений». Л., 1970, стр. 125.

«Для того, чтобы искусство могло приблизиться к народу и народ к искусству,— говорил В. И. Ленин в первые годы Советской власти,— мы должны сначала поднять общий образовательный и культурный уровень...»³²⁾). Эта задача в странах социализма решена. Но осталась не менее важная задача современного этапа — поднять основную массу народа до высокого художественно-эстетического уровня. И в этом важнейшую роль играет культурно-просветительная деятельность.

Благодаря таким формам культурно-просветительной деятельности, как лекция, беседа об искусстве, экскурсии, интервью и т. д., которые ведутся в настоящее время по радио, телевидению, кино; искусство становится подлинно демократичным, народным, а не только массовым, как это понимают некоторые зарубежные исследователи, не учитывающие важного звена процесса демократизации искусства, каковым является культурно-просветительная деятельность.

Буржуазное общество рассматривает массовые средства коммуникации как дополнительное средство для сбыта любого сорта художественной продукции. Социалистическое общество связывает с ними возможность дальнейшей эстетической подготовки массового зрителя, повышения художественно-творческой активности трудящихся масс.

Что дает в данном случае культурно-просветительная деятельность — эта «энергетическая» база демократизации искусства? Во-первых, она знакомит в популярных, но научных формах с теорией искусства; во-вторых, открывает массовому зрителю, слушателю наиболее значимые моменты истории искусства; в-третьих, помогает понять, в каком соотношении находится искусство с эстетикой, этикой, общей психологией, психологией творчества и восприятия и другими смежными науками. Это, в свою очередь, способствует активизации эстетического восприятия, помогает формированию творческого отношения к действительности, расширяет сферу художественных потребностей, способствует духовному развитию человека, проникновению в сущность искусства. Культурно-просветительная деятельность как одно из средств специальной художественной подготовки повышает уровень знаний об искусстве, а это, в свою очередь, стимулирует потребность в непосредственном восприятии художественных произведений. Последние осмысливаются всей аудиторией уже с более высоких социально-эстетических позиций.

Следовательно, культурно-просветительная деятельность, которая может вестись в широчайших размерах только благодаря массовым средствам коммуникации, является хорошей школой изучения и приобщения всего народа к сокровищам мирового искусства, формирования у него высокого художественного вкуса. Она способствует тому, чтобы каждый член общества, говоря словами К. Маркса, стал «художественно образованным человеком». А поэтому можно сделать заключение, что в качестве «эпицентра» процесса демократизации искусства выступает не непосредственная трансляция, передача и восприятие художественной продукции, а именно культурно-просветительная деятельность. Количественным показателем процесса демократизации искусства в данном случае является как «омассовление» художественной продукции (потребление художественной продукции массовой публикой), так и широта охватываемой искусством аудитории, в то время как качественным — глубина проникновения каждого из членов этой аудитории в художественный смысл произведений, что становится во многом возможным благодаря культурно-просветительной деятельности.

³²⁾ «В. И. Ленин о культуре и искусстве». М., 1956, стр. 520—521.

Сущность процесса демократизации искусства заключается в том, что личность поднимается до коммунистических идеалов нравственности, эстетики, идеологии, до высших художественных критериев. Поэтому, говоря о демократизации искусства и тех ее путях, которые открывают научно-технический прогресс, необходимо проанализировать, в каком отношении находится личность к продуктам науки и техники, к продуктам искусства.

Воспринимая достижения научно-технического прогресса, получая массу научно-технической и другого рода информации, личность, безусловно, не остается к ним пассивна, а старается осмыслить их и ассимилировать. Полученная информация, трансформировавшись в сознании личности, сливается с результатами ее социальных действий, находит воплощение в жизненных проявлениях, в побудительно-практической сфере ее взаимодействия с окружающим миром. Тем самым личность подготавливает себя как бы к изменению своей жизнедеятельности. В результате такого изменения личность не остается пассивной к восприятию и пониманию подлинно высокого искусства. «Человек почти никогда не осознает, — пишет М. Марков, — что тот или иной его поступок совершен в силу отношения, сформированного восприятием искусства, или обусловлен его личным качеством, воспитанным кино или литературой и т. д.»³³). Проникая в сущность искусства, подвергая его эстетическому анализу, личность в какой-то степени становится участником, вернее соучастником (соавтором) творческого процесса. Этим объясняется в определенной мере повышенный интерес к искусству, повышенная активность личности. Но этим активизация личности не ограничивается.

Воспринимая массу художественной продукции, которая в большей степени становится доступной благодаря средствам массовой коммуникации, личность является не просто ее потребителем, а активным потребителем, который имеет все большую возможность в силу своей подготовленности выбрать из громадного количества художественной продукции качественный продукт. Таким образом изменяется само содержание понятия «активность восприятия».

В последнее время получила распространение мысль (в основном в американской социологии), что активность личности (реципиента) находится в обратной зависимости от количества поступающей информации. В общей психологии это подтверждено экспериментально. Однако с позиций социальной психологии это не совсем так, поскольку личность при повышении возможности выбора все больше и больше совершенствует свой аппарат ориентировки: обостряется способность выбирать и качественно изменяется процесс восприятия. Информативность (в широком смысле слова) такого восприятия возрастает, а ориентированность (ориентация) выступает в усовершенствованной, ранее не использованной форме. Таким образом, потребитель имеет возможность выбирать из все более возрастающего количества художественной продукции продукцию, соответствующую именно его жизненной ситуации, его эстетическому и эмоциональному опыту, воспитанию, одним словом, соответствующую его потребности.

Такой активный потребитель способен отличать подлинные произведения искусства от различного рода идейно-художественных конструкций, подделок под искусство, искусственности, натянутости, фальши. Он видит пробелы, промахи в игре актера, отличает высокопрофессиональное исполнение от любого типа посредственности. По существу, происходит рождение качественно нового активного массового зрителя

³³) М. Марков. Искусство как процесс. М., «Искусство», 1970, стр. 26.

слушателя. Следует отметить, что рождается не только качественно новый зритель, слушатель, но и качественно новый тип писателя, художника, композитора. Это связано с тем, что получая более глубокие тонкие знания о человеке из области психологии, психологии творчества и восприятия, а также имея новейшие средства выразительности, обусловленные научно-техническим прогрессом, деятель искусства создаст иной тип произведений, более действенный для воспринимающих. При этом он исходит из того, что может ориентироваться на высокоподготовленного массового зрителя, слушателя, что, безусловно, повышает чувство ответственности перед зрителем, слушателем. В этом проявляются характерные черты воздействия научно-технического прогресса и существенные признаки процесса демократизации искусства, обусловленного этим прогрессом.

Подводя итог, можно сделать вывод, что научно-технический прогресс в целом оказывает существенное воздействие на ускорение процесса демократизации искусства. Функцию связывающего звена между научно-техническим прогрессом и демократизацией искусства выполняют массовые средства коммуникации, средства тиражирования и новые виды искусства, благодаря которым открываются два взаимодействующих друг с другом, но разных по значимости пути демократизации: 1) непосредственное восприятие художественных ценностей широкой аудиторией и 2) культурно-просветительная деятельность, способствующая повышению уровня художественного сознания этой аудитории. Благодаря этим двум путям искусство действительно становится общенародным, массовым, что ни в коей мере не ведет к «омассовлению» художественного вкуса, к потере эстетической ценности художественных произведений.

С массовыми средствами коммуникации и новыми видами искусства в силу присущей им специфики связывается рождение качественно нового активного массового зрителя, слушателя и нового деятеля искусства. Поэтому дальнейшее развитие искусства, его распространение необходимо рассматривать через призму взаимодействия научно-технического прогресса и искусства.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ФУНКЦИЯХ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА

Е. Г. ГУРЕНКО

Успешному продвижению нашей науки по пути овладения общими закономерностями художественного творчества в значительной мере мешает то обстоятельство, что круг художественных явлений, которые должны служить объектом исследования, все еще недостаточно широк. Из поля зрения подавляющего большинства ученых, занимающихся философской проблематикой искусства, совершенно выпала обширная область художественно-творческой деятельности, называемая исполнительским искусством. А между тем от успешного решения проблемы исполнительского искусства во многом зависит и плодотворность исследований на другом, более высоком уровне обобщений. Искусствознание давно уже накопило богатый конкретный материал об исполнительском искусстве и нуждается в тщательно разработанной методологии. Дать ответ на вопросы о том, что такое исполнительское искусство, каково его место в общей структуре художественно-творческой деятельности в целом, чем характеризуются его сущность и функции, существует ли производство исполнительского искусства, применимы ли к этой области понятия творческого метода, стиля и т. п., — важная задача эстетической науки.

Итак, что же представляет собой исполнительское искусство?

Анализ соотношения процесса творчества и его результатов дает возможность, как нам представляется, выделить три главных рода художественной деятельности.

Обозначим первый из них как « α -творчество».

Примером этого типа может служить искусство скульптора или живописца. Процесс создания художественных произведений здесь целиком завершается самим автором. «Скульптор, художник задумывает свое произведение и полностью его осуществляет; вся художественная деятельность сосредоточивается в одном и том же индивиду...» — писал Гегель¹⁾.

Формируя материальную плоть своих произведений в процессе их создания, живописец и баятель не нуждаются в творчестве интерпретатора-посредника. Скульптурное произведение, живописное полотно или изделие декоративно-прикладного искусства, существующие в виде некоей объективной материальной данности и заключающие в себе всю конкретность, неповторимость оригинала, сами выступают в качестве

¹⁾ Гегель. Лекции по эстетике. Соч., т. XIV, М., 1958, стр. 137.

основы процесса общения их создателя с воспринимающим субъектом. Вот почему в этом случае перед нами предстает «художественное произведение, как объективно сам по себе наличный результат художественной деятельности, а не сама эта деятельность в виде реального, живого творчества»²⁾.

Второй род художественной деятельности обозначим понятием «β-творчество».

Для искусства композитора или драматурга, которое мы рассмотрим здесь как наиболее яркое проявление данного рода художественной деятельности, характерно не полное, а лишь частичное завершение конечного результата творчества. Указывая на это обстоятельство, мы тем самым хотим подчеркнуть, что было бы совершенно неправильно представлять себе музыкальную или драматическую пьесу в виде абсолютно неизменной сущности, раз и навсегда данной автором. Композитор или драматург, создавая свое творение, обычно фиксирует его в партитуре или тексте пьесы с помощью особой системы знаков и, как бы «вдохнув» в него потенциальные силы и способности к «самосуществованию», «саморазвитию», пускает в самостоятельное «плавание». Дальнейшая судьба музыкального произведения или произведения драматургии не подвластна композитору или автору пьесы. Их детища «живут» теперь своей собственной жизнью, непрерывно меняются и в то время остаются сами собой. Ибо для того, чтобы сочинение композитора или драматурга стало основой их общения со слушателем, зрителем, оно должно «определиться», «овеществиться», реализоваться в конкретном процессе исполнения. Композитор и драматург создают лишь объективную основу художественного произведения, что, в свою очередь, неизбежно порождает третий род творческой деятельности, к характеристике которого мы и переходим.

«γ-творчество», или искусство исполнителя также имеет свои специфические особенности.

Одна из них состоит в том, что художественная интерпретация в процессе исполнения есть непосредственный акт творчества, который совершается перед слушателями, зрителями сейчас, в данный момент. Воспринимающая аудитория становится свидетелем сиюминутного акта художественной деятельности. «Если... исполнение действительно гениально, — писал Гегель, — то художественное произведение при таком исполнении получает особую прелесть. А именно перед нами не только художественное произведение, но подлинное художественное творчество»³⁾.

Вторая существенная особенность γ-творчества обнаруживается в совпадении самого процесса деятельности и продукта этого процесса. Характеризуя проникновение элементов капиталистического производства в сферу творчества, К. Маркс как-то заметил: «В нематериальном производстве, — даже если оно ведется исключительно для обмена и, следовательно, производит товары, — возможны два случая:

1) Оно имеет своим результатом такие товары, такие потребительные стоимости, которые обладают самостоятельной формой, обособленной как по отношению к производителю, так и по отношению к потребителю, — которые, следовательно, способны сохранять свое существование в промежутке времени между производством и потреблением и, таким образом, могут обращаться в течение этого времени как пригод-

²⁾ Там же, стр. 153.

³⁾ Гегель. Лекции по эстетике. Соч., т. XIV, М., 1958, стр. 155.

ные для продажи товары; таковы, например, книги, картины и вообще все произведения искусства, существующие отдельно от художественной деятельности создающего их художника...

2) Производимый продукт неотделим от того акта, в котором он производится, как это имеет место у всех художников-исполнителей, ораторов, актеров...»⁴⁾.

Оставляя в стороне экономический смысл приведенного высказывания, мы обращаем внимание читателя на одну чрезвычайно важную особенность художественной интерпретации, которую раскрывает здесь К. Маркс. Эта особенность состоит в том, что исполнение художественного произведения объединяет в себе непосредственный акт творчества и его результат. Художественная деятельность интерпретатора есть одновременно и творческий процесс, и продукт этого процесса, поскольку художественный результат исполнительского акта неотделим от самого процесса интерпретации и не существует вне его.

Третья важная особенность искусства интерпретатора проявляется в том, что оно выступает как «вторичная» область художественной деятельности по отношению к «β-творчеству» (т. е. творчеству композитора, драматурга и т. д.). Это, разумеется, не означает, что продукты «γ-творчества» менее совершенны, нежели результаты деятельности в сфере «β-творчества». В каждой из этих областей искусства могут создаваться подлинные шедевры. Речь идет о другом: искусство исполнителя проявляется через интерпретацию ранее созданного продукта «первичного» творчества (музыкальной пьесы, драматического спектакля и т. п.), и именно в этом смысле оно и считается «вторичным».

Таким образом, «γ-творчество» и «β-творчество» различаются не художественной ценностью их результатов, а степенью суверенности творческой воли.

Отсюда же вытекает четвертая характерная особенность «γ-творчества». Искусство интерпретатора представляет собой относительно самостоятельную область художественной деятельности, которая проявляется в плане конечной зависимости от «первичного» творчества.

Истинная оригинальность интерпретатора едва ли может проявиться на пути намеренных искажений авторского текста. Первая заповедь артиста — донести до аудитории замысел композитора или драматурга, облеченный в плоть и кровь в конкретном акте исполнения. Но это лишь одна сторона дела. Другая сторона состоит в том, что авторский замысел никогда не должен быть чем-то чуждым, внешним по отношению к собственным устремлениям интерпретатора. Замысел этот должен преломиться сквозь призму сознания исполнителя, стать как бы актом его собственного творчества, органично слиться с индивидуальными особенностями его исполнительского облика. Любая ценная в художественном отношении интерпретация «овеществляет» в качестве объективного начала основные черты авторского замысла и в качестве субъективного — понимание этого произведения исполнителем, его собственное отношение к исполняемому произведению. Авторский текст содержит в себе тот рубеж, который не вправе переступить исполнитель, не опасаясь превратить свободу исполнения в произвол. Игнорирование этой объективной меры влечет за собой разлад с текстом, искажение важнейших черт содержания и формы исполняемой пьесы. И «какими бы качествами ни обладало исполнение, всегда можно наметить границу свободы, за которой наступает разрыв с текстом: творческие поиски интерпретатора перехо-

⁴⁾ К. Маркс. Капитал, т. IV, М., Госполитиздат, 1954, стр. 395.

дят в произвол, свобода исполнения заменяется «свободой от исполняемого произведения»⁵⁾).

Следующая специфическая особенность « γ -творчества» состоит в том, что в процессе исполнения между интерпретатором и воспринимающей аудиторией устанавливаются прямые и обратные связи. Благодаря этому непосредственному контакту появляется весьма интересная возможность влияния со стороны зрителей или слушателей на ход данного творческого процесса. Вот как характеризует эту особенность А. Доливо: «Если песня исполняется публично, то между поющим и слушателем может возникнуть некая творческая связь, какая-то невидимая, но угадываемая нить, по которой исполнитель получает сигнал о степени восприятия песни своей аудиторией... Эта связь не только сигнал удачи, но для певца в ней и помощь: песня, спетая им, достигнув сознания слушателя, током какой-то новой энергии возвращается к певцу, обогащая и углубляя его творческие силы»⁶⁾.

И, наконец, завершая характеристику наиболее важных особенностей « γ -творчества», отметим следующее. Исполнительский процесс не обратим в том смысле, что ошибку, допущенную в акте интерпретации, по существу, невозможно уже исправить⁷⁾. Если художник, скульптор или композитор могут неоднократно возвращаться к своим произведениям в процессе их создания, постоянно переделывая их, устраняя недостатки, то артист-исполнитель лишен этой возможности. Публичное исполнение произведения искусства вынуждает интерпретатора стремиться к целостному воплощению его замысла как бы «набело». Этого удается достигнуть лишь с помощью концентрации всех духовных и физических возможностей интерпретатора, огромной силы воли и незаурядного исполнительского мастерства.

Итак, анализ некоторых особенностей протекания творческого процесса в различных сферах искусства дает возможность сформулировать первые предварительные выводы.

Наряду с общепринятым делением искусств на пространственные, временные и пространственно-временные, изобразительные и неизобразительные, простые и сложные (синкретические и синтетические), монофункциональные и бифункциональные и т. п., представляется вполне правомерным введение понятий «исполнительские» и «неисполнительские» искусства. При этом область исполнительских искусств охватывает совокупность художественных процессов, протекающих в сфере « α -творчества» и « β -творчества», тогда как исполнительское искусство определяется кругом признаков, характеризующих « γ -творчество».

Таким образом, исполнительское искусство можно определить как «вторичную», относительно самостоятельную область художественного творчества, проявляющуюся через интерпретацию в системе изобразительно-выразительных средств того или иного вида созданной автором объективной основы художественного произведения. Сущность же исполнительского искусства, по нашему мнению, художественно-интерпретационная.

Данное истолкование природы исполнительского искусства и его взаимоотношений с искусством неисполнительским помогает уяснить таблица.

⁵⁾ С. Е. Фейнберг. Пианизм как искусство. М., «Музыка», 1965, стр. 385.

⁶⁾ А. Доливо. Певец и песня. М.—Л., стр. 210.

⁷⁾ На это обстоятельство неоднократно указывали многие авторы. См., например, автореферат Б. Кузнецова. «Эстетические проблемы исполнительского искусства». М., 1968, стр. 8.

Искусство		
неисполнительское		исполнительское
α-творчество	β-творчество	γ-творчество
Живопись		музыка
Скульптура		театр
Архитектура		хореография
И др.		и др.

Из приведенной схемы видно, что граница, разделяющая исполнительские и неисполнительские области художественного творчества, не проходит между видами искусства. Это и понятно, будучи относительно самостоятельным родом творческой деятельности, исполнительское искусство не имеет своих собственных видов. Музыка, театр, хореография представляют собой синтез исполнительского и неисполнительского искусства.

В одной из предыдущих работ⁸⁾ нам уже приходилось давать подробный анализ диалектической взаимосвязи произведений исполнительского и неисполнительского творчества на примере способа бытия музыкальной пьесы и ее интерпретации.

Исследование закономерностей существования музыкального произведения показало, что его диалектически противоречивая природа включает в себя две стороны — «бытие-возможность» и «бытие-действительность». Свое «действительное бытие» (звучание) музыка осуществляет в исторически-конкретной целостной совокупности правомерных вариантов интерпретаций. Музыкальное произведение неотрывно от исполнений, хотя к каждому из них в отдельности оно и не сводится. Оно существует в каждом конкретном исполнении, тождественно и не тождественно ему, ибо оно также тождественно другим исполнениям и существует в них.

Другая сторона существования произведений музыкального искусства, т. е. их «возможность-бытие», реализуется в авторском тексте, в специальных двигательных навыках музыканта-интерпретатора, кодируется в памяти людей (композитора, исполнителя и т. п.). При наличии особых условий, реальная возможность исполнения переходит в действительность: пьеса, материализовавшаяся посредством особых действий интерпретатора, становится основой общения композитора (а также исполнителя-соавтора) со слушателем.

Как видим, «многовариантность» природы существования произведений музыки (так же, как и произведений театрального искусства, хореографии) с необходимостью порождает творческую деятельность интерпретатора. Исполнительское искусство коренным образом связано с самой сущностью этих видов.

Вот почему первой важнейшей функцией исполнительского искусства является функция перевода художественных произведений из сферы «бытия-возможности» в сферу «бытия-действительности», из области «первичного» — в область «вторичного» творчества. Условно

⁸⁾ Е. Г. Гуренко. К критике феноменологической эстетики Р. Ингардена, в кн.: «Научно-методические записки НГК», выпуск V, Новосибирск, Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1971.

назовем эту функцию реанимационной. Не случайно, характеризуя творческие задачи исполнителя, Ф. Бузони говорит о необходимости «оживить окаменелые знаки и привести их в движение»⁹). Эту же мысль подчеркивал А. Н. Серов: «Роль — хотя бы из шекспировской пьесы, музыка — хотя бы самого Бетховена, в отношении к гениальному исполнению, только эскиз, очерк; краски, полная жизнь произведения рождается только под обаятельной властью исполнителя»¹⁰).

Вторую функцию исполнительского искусства можно охарактеризовать как адаптационную, поскольку именно с ее помощью осуществляется своеобразная «приспособляемость» художественного организма.

Известно, что интерпретация одного и того же произведения в различные эпохи претерпевает существенные изменения. Можно смело утверждать, что лучшие интерпретации музыкальной или театральной пьесы всегда укладывались в рамки авторского замысла. Но можно утверждать также, что, будучи правомерной в одну эпоху, та же самая интерпретация уже не будет столь же безоговорочно принята в других исторических условиях. Исполнительская практика убедительно свидетельствует в пользу относительной правомерности той или иной интерпретации.

Субъективная сторона исполнения, так же как и объективная, имеет свою меру, которая призвана очертить среди всех возможных вариантов интерпретаций нотной схемы (или текста пьесы) лишь определенный круг оправданных в эту эпоху истолкований. В определенном отношении ее можно рассматривать как меру современности данного исполнения, т. е. его созвучности основным духовным веяниям эпохи. В интерпретации произведений прошлого артист не может и не должен отказываться от художественных средств своего времени, от эстетических взглядов, порожденных его эпохой. Нельзя согласиться с теми, кто в погоне за неприкосновенностью авторского замысла считает его абсолютно неотделимым от исполнительских традиций прошлого.

Неся на себе вечную печать создателя, художественное произведение в процессе исполнения — плод новых и новых общественно-исторических условий. Оно постоянно подвержено активному внешательству интерпретатора, во многом определяется мировоззрением последнего, особенностями его индивидуального миропонимания. Интерпретация художественных произведений зависит от особенностей общественного сознания определенной исторической эпохи, которые, в свою очередь, обусловлены спецификой ее общественного бытия. Условия жизни людей накладывают свою печать на их сознание, формируют их мировоззрение, эстетические взгляды и вкусы и очень сложным, косвенным образом влияют в конечном итоге на истолкование произведений искусства.

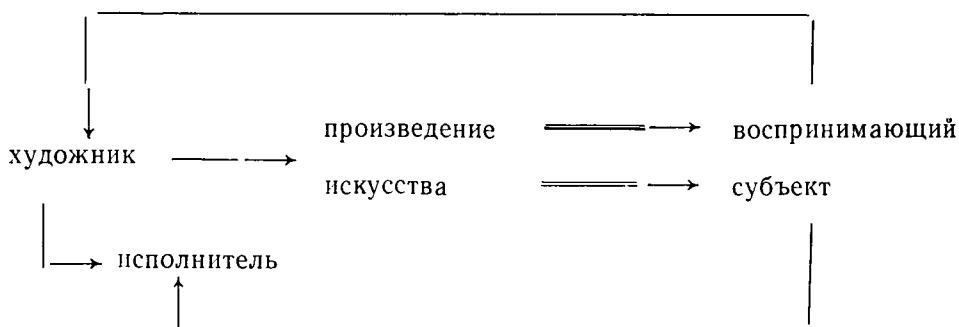
Третья функция исполнительского искусства — коммуникативная.

В отличие от реанимационной и адаптационной функций, присущих только исполнительскому искусству, коммуникативная (так же, впрочем, как и все функции, рассматриваемые ниже) проявляется и в исполнительском, и в неисполнительском творчестве. Однако процесс общения между автором и воспринимающим субъектом в сфере музыки, театра, хореографии и других искусств, предполагающих участие исполнителей,

⁹) Цитирую по статье Л. Островского «Творческая задача исполнителя», в кн.: «Вопросы музыкально-исполнительского искусства», выпуск IV, М., «Музыка», 1967, стр. 5.

¹⁰) А. Н. Серов. Воспоминания о Михаиле Ивановиче Глинке, в кн.: «Избранные статьи». М.—Л., 1950, стр. 132.

приобретает несколько иной вид, в сравнении с этим же процессом, протекающим в области неисполнительского творчества. Трехчленная система искусства (художник — произведение — воспринимающий) усложняется за счет введения посредника-интерпретатора, выступающего к тому же и в качестве соавтора исполняемой пьесы (см. схему).

Столь же своеобразно проявляется в области исполнительского искусства познавательная функция.

Художественная информация, получаемая воспринимающей аудиторией в процессе исполнения, складывается из результатов познавательной деятельности как в сфере «первичного», так и в сфере «вторичного» творчества. Объектом художественного познания для артиста-интерпретатора служит не только действительный мир, окружавший некогда композитора или драматурга и отраженный в его произведении сквозь призму собственного «я», но и современная исполнителю общественная, жизненная среда.

Для зрителя и слушателя творческая индивидуальность самого артиста — важнейший объект художественного познания. Талантливая интерпретация, открывающая качественно новые, неведомые ранее стороны исполняемого произведения, всегда воспринимается как своего рода открытие, что и побуждает нередко слушателей и зрителей стремиться к многократному общению с казалось бы хорошо известным художественным явлением.

Последнее обстоятельство помогает понять специфические особенности гедонистической функции исполнительства. Высокая духовная радость, эстетическое наслаждение, которое испытывает воспринимающая аудитория — это не только результат воздействия на слушателя или зрителя художественной ценности продукта «первичного» творчества, но и следствие влияния исполнительского искусства.

Велика также миссия воспитательной функции исполнительского искусства. Своеобразие художественной деятельности исполнителя, как было отмечено выше, состоит в том, что он превращает воспринимающих людей в соучастников творческого акта. Это в значительной мере повышает эффективность художественного воздействия. Плодотворное влияние артиста-интерпретатора на слушателя и зрителя расширяет их художественный кругозор, углубляет эстетическое чувство, создает новую, более развитую, тонкую и умную аудиторию.

Так, вкратце, представляются нам некоторые вопросы исполнительского искусства. Разумеется, многие из них здесь лишь конспективно намечены и не получили сколько-нибудь удовлетворительно полной, детальной разработки. Эстетическая проблематика исполнительского искусства, являющаяся важной областью научных знаний, заслуживает самого пристального внимания философов и искусствоведов.

О СООТНОШЕНИИ ИСТИННОСТИ И ЦЕННОСТИ НАУЧНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИДЕИ

Г. И. ГИЛЬБУРД

Идея, как научная, так и художественная, является формой отражения действительности в сознании людей. Известно, что научная идея выражается в форме понятия. Однако по своему содержанию она выходит за пределы просто понятия, по словам В. И. Ленина, «Begriff еще не высшее понятие: еще выше идея — единство Begriff'a с реальностью»¹⁾. Развивая дальше эту мысль, В. И. Ленин пишет: «Идея... есть совпадение (согласие) понятия и объективности...»²⁾.

Из этих высказываний видно, что В. И. Ленин характеризует идею как высшую форму теоретического мышления, в которой достигается наибольшее соответствие знаний об объекте с самим объектом. Однако это соответствие не может быть полным. «Идея, — пишет В. И. Ленин, — имеет в себе и сильнейшее противоречие, покой (для мышления человека) состоит в твердости и уверенности, с которой он вечно создает (это противоречие мысли с объектом) и вечно преодолевает его»³⁾. Следовательно, идея есть процесс познания, «есть процесс погружения (ума) в неорганическую природу ради подчинения ее власти субъекта и обобщения (познания общего в ее явлениях)...»⁴⁾.

Чем правильнее наши знания отражают внешний мир, тем глубже мы будем проникать в его «неорганическую природу», подчинять ее своей власти. Значит, идея предполагает не только познание объективных законов развития мира, но включает в свое содержание также и цели, и перспективы его дальнейшего преобразования.

Таким образом, научная идея есть мысль, переходящая в действие; теоретическое понятие, стоящее на пороге своей практической реализации, ибо только при посредстве идеи возможен переход от абстрактного к конкретному. Более того, если уровень развития технических средств не достиг еще возможности реализации идеи, то говорить о её истинности или ложности преждевременно, ибо доказать ее истинность может только наука, практика.

Отсюда следует, что научную идею можно рассматривать как истину, так как она по своему содержанию совпадает с объектом, на основе которого возникла (объект 1), а также, и это главное, содержит в себе возможность реализации на практике (объект 2), что доступно лишь истинному знанию. Но, как уже отмечалось, соответствие идеи объек-

¹⁾ В. И. Ленин. Философские тетради. М., 1965, стр. 151.

²⁾ Там же, стр. 176.

³⁾ Там же, стр. 177.

⁴⁾ Там же, стр. 176.

ту (1) и объекту (2) не является полным. Следовательно, и истина никогда не бывает абсолютной (в том смысле, что знание об объекте никогда не будет исчерпывающе полным и исчерпывающе правильным). Любое истинное знание содержит в себе и момент иллюзорности.

Но истории науки известны и такие случаи, когда ложная в целом теория «работает» и бывает полезна. Так было, например, с гипотезой эфира, которая была отвергнута с развитием теории относительности «Однако в гипотезе эфира содержались и разумные идеи, которые получили развитие в квантовой теории поля. Таким образом, отказ от эфира как универсальной механической среды означал не возврат к ошибочному представлению о существовании пустого пространства, а к иному представлению о передаче действия от одних вещественных частиц к другим посредством физических полей как особых форм материи» (БСЭ, 2-е изд., «Эфир»⁵).

В. И. Ленин также считал гипотезу эфира «научной догадкой, содержащей рациональное зерно»⁶).

Отсюда видно, что эта в целом ложная теория содержала в себе момент соответствия действительности, то есть крупницы истины. Иначе её полезность была бы необъяснима.

Что же касается вопроса, применимо ли понятие истины к категории художественной идеи, то здесь дело обстоит значительно сложнее, так как, с одной стороны, сложнее сам объект исследования, с другой же стороны, сказывается далеко недостаточная разработка этой проблемы современной наукой. Так, В. П. Тугаринов считает, что понятие «эстетической истины еще не получило «права гражданства» даже в среде марксистских теоретиков по эстетике»⁷), поэтому остановимся на данном вопросе более подробно.

Впервые в истории эстетики оценку искусства с позиций истины мы встречаем у Платона, который считал, что искусство может быть лживо, обманчиво, его образы могут как нельзя более далеко отстоять от истины и в то же время это несовершенное, искажающее действительность искусство может быть обаятельным, эмоционально заразительным, может пленять и захватывать силой своих ложных образов.

В последующие эпохи оценка произведений искусства с точки зрения истинности его образов также имела место (особенно в эпоху Возрождения), а позднее в немецкой классической философии, в трудах Канта и особенно Гегеля.

И. Кант, определяя эстетическую идею как представление воображения, противопоставлял её логическому понятию идеи разума. Этим он перечеркивал познавательное значение эстетической идеи, а вместе с тем снимал и сам вопрос об истинности или ложности ее, ибо, как справедливо подчеркивает В. Ф. Асмус, Кант считал, что только посредством суждения логического типа «формулируется знание и достигается истина»⁸). Эта тенденция в дальнейшем была развита эстетиками-модернистами.

Гегель, в отличие от Канта, рассматривает идею искусства как истину, которую в художественном оформлении призвано раскрывать искусство. По его мнению, истинно лишь то произведение искусства, которое адекватно отражает присущую ему идею. В то же время, как

⁵) Цит.: А. И. Компанеев. Ленинская философия и прогресс физических наук. М., 1967, стр. 57.

⁶) Там же, стр. 58.

⁷) В. П. Тугаринов. О ценностях жизни и культуры. ЛГУ, 1960, стр. 114.

⁸) В. Ф. Асмус. Вступительная статья к книге И. Канта «Критика способности суждения». И. Кант. Соч., т. 5, М., 1966, стр. 33.

подчеркивает Гегель, аффектное воплощение идеи в художественном произведении является недостатком истины, ее неполным выражением. Поэтому «с одной стороны, красота и истина суть одно и то же, ибо прекрасное должно быть истинным в самом себе. Но, с другой стороны, столь же верно, что, строже говоря, истинное отличается от прекрасного», ибо искусство «в отличие от логики, показывает в чувственных формах, и в этом состоит его цель. Этим истина отличается от красоты, т. е. воспринимаемой чувствами непосредственно со-зерцаемой идеи»¹⁰).

В эстетике модернизма, основу которого составляет субъективизм и индивидуализм в понимании художественного творчества, проблема истины в искусстве вообще снимается. Так, представитель «философии жизни» В. Дильтей считает, что сама постановка вопроса об истинности или ложности произведения искусства в отношении его к действительности бессмысленна¹¹).

Ницше, придерживаясь подобной же точки зрения в отношении искусства, подчеркивал заодно и познавательную роль науки.

Американский журналист, апологет абстракционизма У. Филлипс, писал в одной из своих статей, что «искусство никогда не знало объективной истины. И хотя, начиная с древнейших времен, оно претендовало на изображение действительности, последняя искажалась в угоду либо религии, либо политике. Это-то и доказывает, что истина абсолютно субъективна и глашатаем ее может быть лишь безумный поэт»¹²).

Другой современный американский теоретик искусства Г. Левин вообще считает истину философской условностью.

Нужно заметить, что лишь в трудах русских революционных демократов мы впервые встречаемся с решением данной проблемы с научных позиций.

В основе их теории лежит тезис, что истина произведения искусства находится в непосредственной связи с художественностью. Только истинная идея, лежащая в основе произведения, может выступать залогом его художественности. Так, Н. Г. Чернышевский считает, что для рассмотрения «художественного достоинства произведения, надо как можно строже исследовать истинна ли идея, лежащая в основе произведения. Если идея фальшива, о художественности не может быть и речи, потому, что форма будет также фальшива и исполнена несообразностей. Только произведение, в котором воплощена истинная идея, бывает художественно...»¹³). «Какая это великая истина, что когда человек весь отдается лжи, его оставляет ум и талант»¹⁴), — подтверждает эту же мысль В. Г. Белинский в своем знаменитом письме к Гоголю.

Безусловно, это правильное положение не потеряло своей актуальности и до настоящего времени. Однако если считать его исчерпывающим, то нужно полагать, что ложная реакционная идея, лежащая в основе любого произведения искусства, механически влечет за собой художественный провал этого произведения, ибо никто не станет воспринимать антихудожественное творчество. Следовательно, вопрос об идейности искусства упрощается до крайности: чем реакционнее идея, тем менее художественно произведение, и наоборот, чем истиннее идея,

¹⁰) Гегель. Соч., т. XII, стр. 114.

¹¹) W. Dilthey. Die drei Epochen der modernen Ästhetik und heutige Aufgabe. Gesammelte Schriften, B. 6. Stuttgart. S. 274.

¹²) Цит.: Л. Землянова. Современная эстетика в США. М., Госполитиздат, 1962, стр. 19.

¹³) «Н. Г. Чернышевский об искусстве», М., «Искусство», 1956, стр. 330.

¹⁴) В. Г. Белинский. Избр. фил. соч. Госполитизд., 1948, т. 2, стр. 520.

тем положительнее результат творчества. (Разумеется, мы в том и другом случае предполагаем наличие у авторов художественного таланта). Но дело обстоит далеко не так.

Нам известны произведения, содержащие реакционные идеи, но обладающие, выражаясь словами Платона, большой эмоциональной заразительностью. «Безобразная мысль,— пишет В. П. Тугаринов,— может быть красиво выражена, и в этом случае она особенно вредна, так как воздействует эстетически»¹⁵). В качестве примера, в какой-то степени иллюстрирующего нашу мысль, можно сослаться на творчество таких выдающихся писателей, как Ф. Достоевский и Л. Толстой, в произведениях которых наряду с беспощадной критикой буржуазно-помещичьей действительности содержались и реакционные идеи, об опасности влияния на пролетариат которых предупреждал В. И. Ленин. Однако художественная ценность этих произведений ни у кого не вызывает сомнений. Очевидно, что проблема соотношения истинности и художественности искусства выглядит несколько сложнее, чем представляли себе В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский и другие.

В настоящее время к решению этой проблемы имеется несколько подходов. Так, П. В. Копнин считает, что искусство можно рассматривать и с точки зрения логической истины (научная достоверность), а можно подходить и с эстетической оценкой (правда жизни). Поэтому на вопрос, «работает» ли понятие истины в оценке результатов художественного творчества, нельзя ответить однозначно. По его мнению, «понятие истины применимо к искусству, поскольку оно содержит познание мира и без него невозможно ... Однако художественное творчество является не только познанием, но и переживанием мира. Категория истины не выражает переживания. Наоборот, в её содержании наука стремится удалить все исходящее от субъекта (его чувства, эмоций, желаний) и выявить объективную природу предмета, каким он существует вне и независимо от человека и человечества.

Поэтому художественный образ не истинен, так как он содержит элементы, не удовлетворяющие критериям, которые мы предъявляем к истинному познанию; фантазия в искусстве не соотносится с логической вероятностью ...»¹⁶).

Но разве в этом заключается эстетическая истина? Вряд ли кто будет отрицать правдивость какого-либо сказочного образа и, следовательно, его истинность лишь на том основании, что в жизни нет, например, русалок, кентавров, говорящих животных и т. д. Подобные казались бы «искажения» действительности с точки зрения научной достоверности мы встречаем и в произведениях не сказочного характера. Как замечает Л. С. Выготский, в «Страшной мести» Гоголя фактически неверно описан Днепр. Действительно, разве он так уж широк, что «редкая птица долетит до середины Днепра ...»¹⁷). Однако никто на этом основании не будет утверждать, что образ Днепра неправдив, неистинен. Это «искажение» является художественным приемом, которым Гоголь, воздействуя на воображение воспринимающего, подчеркивает красоту и величественность Днепра, и мы, воспринимая образ эмоционально, верим, что Днепр именно таков. Собственно П. В. Копнин также не считает критерием истинности образа только лишь его научную достоверность. Он пишет затем: «Но художественный образ идет значительно дальше того, что дает объективно-истинное по-

¹⁵) В. П. Тугаринов. Красота как ценность. «Философские науки», 1963, № 4, стр. 61.

¹⁶) П. В. Копнин. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966, стр. 256.

¹⁷) Л. С. Выготский. Психология искусства. М., 1965, стр. 62.

знание. Произведение искусства может быть подвергнуто не только гносеологической, но и эстетической оценке; оно не только отражает объект, но и выражает субъект... Это единство лучше всего характеризуется категорией художественной правды»¹⁸). И далее: «...истинность составляет момент художественной правды, без нее невозможна правдивость образа»¹⁹).

Таким образом, хотя П. В. Копнин и не дает окончательного ответа на интересующий нас вопрос, однако из вышеизложенного можно сделать вывод, что он не только признает правомерной оценку художественного образа с позиций истины, но и заключить, что в его понимании истинность и художественная правда — родственные понятия.

Интересные соображения в отношении понимания категории истины мы находим и у В. П. Тугаринова. В своей книге «О ценностях жизни и культуры» в главе «Истина» он пишет: «Истина ... есть мысль, соответствующая действительности. Значит, если искусство выражает мысли и если искусство отражает действительность, то в нем должна содержаться истина...»²⁰). И далее: «Поэтому эстетическая истина в данном смысле (правда жизни) есть, по нашему мнению, обязательное и непременное, хотя и единственное условие и основа искусства»²¹).

Из этого высказывания ясно, что В. П. Тугаринов не только признает истину искусства, но понимает ее так же, как и П. В. Копнин, как правду жизни. Подобное понимание истины искусства мы встречаем и в работах других эстетиков-марксистов. Таким образом мы столкнулись с новым вопросом, который требует своего разрешения, а именно, что же такое правда жизни?

Понятие правды жизни трактуется порой чересчур расширительно. Под флагом правды работают художники, придерживающиеся не только реалистических методов творчества, но и представители различных формалистических направлений в искусстве. Так, в свое время импрессионисты выдавали свое творчество за высшее проявление жизненной правды. Подобные же претензии высказывали и экспрессионисты, и кубисты, и даже абстракционисты пытаются выдать свои произведения за высшее постижение и изображение духовной сущности до предела усложненного индивидуума. Но, самые большие претензии на этот счет высказывают натуралисты, которые в своих произведениях бездумно и бесчужденно копируют действительность или выхватывают из нее отдельные куски.

Н. А. Добролюбов совершенно справедливо заметил, что события, описанные в самых нелепых произведениях искусства нельзя назвать безусловной неправдой, ибо они могут иметь место в жизни как своего рода уродливая случайность. Но это не есть правда жизни; «н е п р а в д а подобных романов и мелодрам именно в том и состоит, что в них берутся случайные, ложные черты действительной жизни, не составляющие ее сущности, ее характерных особенностей»²²).

Художественная правда не лежит на поверхности. Ее как сущность явления нужно выявлять, выкристаллизовывать, собирать по крупицам. Как хорошо сказал А. Кахар: «...художественную правду, то, что мы ищем, создавая книги, и то, ради чего пишем, надо искать в самой жизни; но ее нельзя найти там готовой»²³).

¹⁸) П. В. Копнин. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966, стр. 265.

¹⁹) Там же, стр. 226.

²⁰) В. П. Тугаринов. О ценностях жизни и культуры. ЛГУ, 1960, стр. 115.

²¹) Там же, стр. 16.

²²) Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. 2, стр. 171.

²³) А. Кахар. От жизненного факта к художественному вымыслу. «Вопр. лит-ры», 1965, № 1, стр. 177.

Поэтому художественная правда заключается не в копировании действительности, а в правдивой передаче мыслей и чувств героев на основе и по отношению к этой действительности, ибо даже при написании портрета художник стремится прежде всего передать не столько внешнее сходство с оригиналом, сколько уловить то внутреннее, существенное, что свойственно ему.

Поэтому сказанное выше о научной идее, что объект (1), идея и объект (2) полностью не тождественны, к художественной идее относится в еще большей степени, ибо, как мы уже видели, художественная идея, с точки зрения предметной достоверности, еще дальше отстоит от оригинала. Это происходит из-за неспособности искусства точно воспроизвести оригинал (искусство просто не ставит подобных целей), а напротив, является средством художественной выразительности, где для создания впечатляющего образа художник либо заостряет внимание воспринимающего на некоторых моментах, наиболее важных в образе, либо сводит на нет или совсем убирает то, что по его мнению не существенно в нем.

Отсюда вытекает проблема условности художественного творчества. Нужно заметить, что условность, по мнению И. Виноградова, не есть «погоня за оригинальностью видения мира» сама по себе, не самоцельная игра художественной воли во имя того, чтобы только не быть «похожим» на природу. Условность в искусстве служит цели более точной передачи правды жизни, используется в художественном творчестве как форма обнаружения истины. Поэтому условность в искусстве не должна превращаться в самоцель, но должна служить лишь, как мы уже отмечали, цели более точной передачи правды жизни. Для художественного же анализа этой правды необходимо цельное научное мировоззрение, и это главное. «Неумение диалектически подойти к многообразным явлениям жизни,—отмечает Е. Фурцева в выступлении на XXIII съезде КПСС,—приводит к неверным, односторонним обобщениям. Отсюда крайности: либо все хорошо, нет никаких трудностей и конфликтов, либо все плохо — одни теневые стороны»²⁴).

Следовательно, правда жизни должна быть полной правдой, а не полуправдой, допустим, выпячиванием лишь достижений или, напротив, смакованием дурных сторон действительности. Однако правду жизни нельзя понимать как что-то раз и навсегда данное. Не существует некоего абсолютного ее эталона. А. В. Луначарский высказал совершенно справедливое мнение, что правда жизни есть живой процесс, «потому что правда — она не похожа на себя самое, она не сидит на месте, правда летит, правда есть развитие, правда есть конфликт, правда есть борьба, правда — это завтрашний день»²⁵). Поэтому вполне естественно, что некоторые произведения искусства «стареют», утрачивают свою истинность, ибо истина так же относительна, как и художественная правда. А так как истина есть результат взаимодействия объекта и субъекта отражения, то и относительность истины, ее изменчивость является результатом изменения как объекта, так и субъекта отражения. Например, человек труда изображается современными художниками совсем не так, как он изображался, допустим, несколько столетий назад. И причина здесь не только в том, что современный художник, обладающий более глубокими знаниями и более широким мировоззрением, видит значительно глубже и шире, чем его собрат по перу в прошлые века; но еще и в том, что в прошлые эпохи трудящийся человек многими качествами, присущими ему сегодня, просто объективно не обладал

²⁴) «Известия» от 7 апреля 1966 г.

²⁵) А. В. Луначарский. Статьи о современной литературе. 1958, стр. 235.

(например, классовым самосознанием, чувством ответственности за судьбы мира и др.).

Исходя из этого положения, можно с уверенностью заявить, что произведения искусства старых мастеров мы воспринимаем иначе, чем их современники. Из этого не следует, однако, делать вывод, что истина произведения со временем меняется до неузнаваемости или что в произведении искусства имеется несколько истин, так сказать, на все случаи жизни. А к подобной мысли можно прийти, читая высказывание Н. Дмитриевой, где она, ссылаясь на верную мысль А. Потебни, что художественное произведение не есть что-то раз навсегда созданное, а «нечто постоянно создающееся», приходит к выводу, что художественное произведение «не содержит однозначной истины, зато является резервуаром истин... Каждый воспринимающий находит в содержании художественного произведения что-то интимное, свое...»²⁶).

Н. Дмитриева права в том отношении, что действительно, в каждом произведении воспринимающий находит «что-то интимное свое», но находит он это в пределах данной истины. Истина, художественная правда, идея произведения одна и под влиянием веков она не может переродиться. Если же считать, что каждый находит в произведении то, что хочет найти и что произведение имеет для этого объективную основу, то можно прийти к теории чувствования.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что художественные идеи, в отличие от научных, могут быть как истинными, так и не истинными, ибо в зависимости от глубины и научности мировоззрения художника не всегда раскрывают тему правильно.

Так происходит потому, что художественная идея может вытекать не только непосредственно из мировоззрения художника, но может развиваться и вопреки ему. Следовательно, та или иная истина может присутствовать в произведении и независимо от воли и желания его автора. Так, Н. В. Гоголь был удивлен и напуган тем политическим резонансом, который имела постановка его пьесы «Ревизор». Писатель даже и не предполагал, какой запас революционности заключался в ней. Н. А. Добролюбов увидел в «Накануне» И. С. Тургенева то, что не заметил сам автор: ожидание демократическими силами России грядущей революции. Эти примеры можно продолжить. Тем не менее в каждом подлинном произведении искусства обязательно имеется смысл, истина, идея, которые воспринимаются и развиваются теми, к кому обращено это искусство.

В связи с этим возникает вопрос, как можно оценивать с точки зрения художественной правды, истинности современное буржуазное искусство? Известно, что наиболее характерным для современного Запада является, с одной стороны, так называемое «массовое искусство», искусство для народа: с другой стороны, абстрактное искусство, искусство для снобов, для элиты. Нужно заметить, что в современном капиталистическом мире имеет место и реалистическое прогрессивное искусство, но оно занимает в общем объеме художественной продукции незначительное место.

С массовым искусством простые люди капиталистических стран общаются ежедневно, ежечасно. Это прежде всего программы телевизионных передач, кинофильмы, а также комиксы, бестселлеры и т. д. На первый взгляд это искусство вполне безобидно. Оно повествует о силе, ловкости, удачливости. Однако при более близком рассмотрении видно, что оно лишено правды жизни, так как говорит о жизни вообще, вне

²⁶) Н. Дмитриева. Диалектическая структура образа. «Вопросы литературы», 1966, № 6, стр. 85.

времени, и либо уводит зрителей в сторону от насущных проблем современности и возводит в ранг закона надежду на случайность, либо воспитывает жесткость, садизм как средство успеха. Отсутствие правды жизни влечет за собой и отсутствие истины, хотя художественная идея в некоторых произведениях может и присутствовать.

Произведения художников-абстракционистов также лишены правды жизни, ибо, по мнению В. П. Тугаринова, в основе абстракционизма «лежит порочная идея: передача заведомо индивидуального средствами, рассчитанными на передачу общезначимого, передача чего-то чисто субъективного (если такое вообще существует) средствами искусства — явления по самой своей природе социального. Истина в искусстве есть истина объективная, социальная, а потому общепонятная»²⁷⁾. Неистинность абстракционизма состоит именно в отсутствии общезначимости, общепонятности. Композитор Адорно, характеризуя додекафонную музыку, пишет: «Истина новой музыки состоит, по-видимому, в том, что она посредством организованного отсутствия смысла опровергает смысл организованного общества (организованного по законам империализма)»²⁸⁾.

Встает вопрос, способствует ли подобное искусство постижению законов развития жизни, нужно ли оно народу, представляет ли оно собою ценность?

Таким образом, мы подошли к проблеме ценности и оценки, которая тесно связана с проблемой истины. «Ценности, или блага,— считает В. П. Тугаринов, — суть те явления (или стороны явлений) природы и общества, которые полезны, нужны людям определенного общества или класса в качестве действительности, цели или идеала»²⁹⁾. А ценность истины, по его мнению, «заключается именно в объективности ее содержания, в ее соответствии действительности. Господство над силами природы и преобразование общественных отношений возможны лишь в той мере, в какой человечество вырабатывает правдивые, истинные представления о явлениях и законах природы и о сущности общественных отношений...»³⁰⁾. Отсюда видно, что понятия истины и ценности имеют в себе много общего, но наряду с этим содержат и существенные различия, которые заключаются прежде всего в том, что понятие истины есть категория, определяющая духовную сущность, ибо истина — это мысль о действительности, а не сама действительность. Что же касается понятия ценности, то оно определяет прежде всего материальную сущность (хотя наряду с ней существуют также и духовные ценности).

Любые ценности предполагают оценку, так как только благодаря оценке мы и характеризуем их как ценности. Следовательно, ценность и оценка не одно и то же. По мнению Л. Столовича, «ценность объективна, ибо она образуется в процессе общественно-исторической практики... Оценка же есть выражение субъективного отношения к ценности и поэтому может быть истинной (если она соответствует ценности) или ложной (если не соответствует)»³¹⁾.

Данные естественных наук можно рассматривать как истины, которые «в основном, суть ценности общечеловеческие, общеклас-

²⁷⁾ В. П. Тугаринов. О ценностях жизни и культуры. ЛГУ, 1960, стр. 116.

²⁸⁾ Цит.: Л. Генин. Истина есть процесс. «Советская музыка», 1967, № 6, стр. 31.

²⁹⁾ В. П. Тугаринов. Красота как ценность. «Философские науки», 1963, № 4, стр. 59.

³⁰⁾ В. П. Тугаринов. О ценностях жизни и культуры. ЛГУ, 1960, стр. 104.

³¹⁾ Л. Столович. Ценностная природа категории прекрасного. «Проблема ценности в философии». М.—Л., 1966, стр. 79.

с о вые»³²). Однако оценка этих данных, мировоззренческие выводы из них рассматриваются представителями различных общественных групп со своих классовых позиций.

В области общественных наук эта тенденция проступает еще явственнее. В связи с этим возникает вопрос, а не носят ли оценки, даваемые общественными науками, произвольный характер, не применимо ли к ним прагматическое положение, что у каждого человека своя истина? Марксистская философия отвечает на этот вопрос отрицательно. По мнению В. П. Тугаринова, «речь здесь идет о спорах между научной идеологией, опирающейся на достижения науки, и идеологиями, основанными на ненаучных предпосылках (религиозных, идеалистических и т. п.)»³³).

Поэтому в качестве критерия объективности выступает мировоззрение прогрессивных классов, которое «всегда выдвигало именно такие истины, которые, может быть и не полностью, приблизительно, но соответствовали общественной деятельности...»³⁴).

«Литература и искусство также представляют собою ценность лишь в той мере, в какой они раскрывают перед нами правдивую, истинную картину людских отношений, человеческой психики или явлений природы..., т. е. поскольку они заключают в себе истину»³⁵), — отмечает далее Тугаринов. Ценность искусства заключается в познании им жизни, в воспитании мыслей и чувств людей, а также в той радости и наслаждении, которые оно вызывает у людей.

Однако в силу идеологической направленности искусства оценочный момент в нем (оценка искусством фактов жизни, а также оценка с позиций тех или иных социальных групп самих произведений искусства) занимает важнейшее место. Эти оценки могут быть как истинными, так и неистинными в зависимости от того, к каким классам, прогрессивным или реакционным, принадлежит критик. Объективная же ценность любого произведения искусства не зависит от какой бы то ни было оценки, а тем более не может измениться благодаря этой оценке. Другое дело, что идеологическими противниками, вследствие ложной, тенденциозной оценки из некоторых произведений искусства может быть извлечен определенный политический капитал, некоторые сомнительные ценности, которые, однако, не имеют ничего общего с подлинными, объективными ценностями.

В современном буржуазном искусстве, как мы уже отмечали, некоторые художественные произведения обладают подчас определенной эмоциональной заразительностью. Нужно заметить, что с точки зрения поиска выразительных форм даже абстрактное искусство, не говоря уж об импрессионизме, кубизме, экспрессионизме и другом, внесло некоторый вклад в развитие искусства. Но этим в основном и ограничивается его художественная ценность.

Что же касается объективной ценности искусства, то она не исчерпывается лишь формальной стороной. Объективная ценность искусства заключается в первую очередь в содержательной стороне художественного творчества, а с этой точки зрения буржуазная идеология ничего ценного дать не может.

Следовательно, несмотря на то, что некоторые произведения буржуазного искусства и обладают определенными ценностями, как мы видели в основном со стороны формы, тем не менее они не могут рассмат-

³²) В. П. Тугаринов. О ценностях жизни и культуры. ЛГУ, 1960, стр. 106.

³³) Там же, стр. 106.

³⁴) Там же, стр. 108.

³⁵) Там же, стр. 104.

риваться как объективные ценности, прежде всего в силу идейной ущербности содержания. Поэтому художественные идеи подобных произведений (если они там имеются) не могут рассматриваться как истины.

Резюмируя вышензложенное, можно сделать вывод, что объективно ценно лишь то знание или то произведение искусства, которое истинно; с другой стороны, истинным можно считать лишь то знание или то произведение искусства, которое адекватно отражает действительность.

Однако, если в естественных науках неистинное в целом знание, но содержащее в себе крупницы истины, может рассматриваться все же как определенная ценность, где степень его ценности определяется мерой истинности этого знания: то в искусстве дело обстоит иначе.

Художественное произведение, обладающее определенными художественными ценностями, но содержащее реакционные идеи, нельзя считать, как это было в науке, истинным даже в малой степени, ибо определенная степень ценности этого произведения заключается в основном лишь в форме данного произведения, тогда как объективная ценность любого произведения искусства определяется в первую очередь его содержательной стороной, выраженной высокохудожественными средствами.

Н. ГАРТМАН О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ И ЕГО СУЩЕСТВОВАНИИ

С. М. ХВОШНЯНСКАЯ

Проблема существования художественного произведения является одной из малоисследованных. В данной статье мы попытаемся рассмотреть, какое место занимает она в философской системе Николая Гартмана. Решая проблему существования художественного произведения, эстетического предмета, Н. Гартман пользуется основными понятиями своей критической онтологии. Названная проблема рассматривается Н. Гартманом как частный случай проблемы объективизации. Законы объективизации, ее особенности и т. п. Н. Гартман подробно рассматривает в связи с анализом форм существования духа, в связи со «слоями». Идеальное и реальное бытие — основные понятия фундаментальной онтологии Гартмана. И вся его философская система строится на различии между ними. Гартман делит все бытие на четыре сферы, это деление обусловлено его пониманием реальности и идеальности сущности познания и логического мышления.

Признавая реальным миром тот мир, в котором мы живем, Гартман считает, что материя не может быть основной характеристикой его. Он утверждает, что материальные вещи — самый низкий слой реального мира. Высшим же слоем могут быть признаны психические и духовные явления¹⁾. По Гартману, подлинными характеристиками реальности являются категории времени и индивидуальности. И когда Гартман говорит о реальности внешнего мира, это значит, что последний носит индивидуализированный характер и изменяется во времени. «Такое определение реальности вытекает из учения о двух первичных сферах, реальной и идеальной. Гартман не может определить реальность как нечто объективное, независимо от сознания существующее; ведь с его точки зрения объективность присуща также идеальному бытию, и поэтому в таком определении реальности не дано было бы различия между реальной и идеальной сферами»²⁾.

Реальный мир наделяется своеобразной структурой, состоящей из слоев. Это связано с тем, что по Гартману, бытие предстает в четырех сферах, каждая из которых имеет несводимые друг к другу слои, которые объединяет время. Материя — организм — жизнь — дух — таковы четыре слоя, лежащие в основе бытия живого духа.

Духовное бытие имеет три формы проявления: личностное, объективное и объективированный дух. В «Проблеме духовного бытия» Гартман характеризует различие этих форм: «Только личностный дух может

¹⁾ Т. Н. Горнштейн. Философия Николая Гартмана. Л., «Наука», 1969.

²⁾ Там же, стр. 24.

любить и ненавидеть, только он несет ответственность, вину, заслугу. Только он имеет сознание, волю, самосознание. Только объективный дух является носителем истории в строгом и первичном смысле. Только он «имеет историю», является одновременно сверхиндивидуальным, общим и реальным живым духом. Его судьба — историческая судьба... Только объективированный дух вырастает во временное идеальное, сверхисторическое»³⁾. Один и тот же слой бытия объединяет эти три формы духа. Любой человек, по Гартману, из обыденной жизни знает о существовании четырех главных слоев реального мира и трех разрезах в его строении. Все слои у Гартмана взаимосвязаны, они обусловлены «снизу». И единство мира он видит в единстве слоев, а именно в обусловленности «снизу» и самостоятельности высших слоев.

Главным отличием идеального мира от реального Н. Гартман объявляет вневременность, неизменяемость. Идеальное бытие занимает промежуточное положение между реальной действительностью и мыслью. Необходимо установить связь между реальным и идеальным. Гартман вводит две формы для «подлинно идеального в себе бытия» — «свободную идеальность» и «связанную идеальность», с помощью которых и осуществляет эту связь. Вторая выступает как сущность реального. Гартман рассматривает «связанную идеальность» своеобразного «идеального слоя» эстетических предметов. Связанность художественного произведения проявляется в том, что созерцающий субъект воспринимает задний план (идеальное) только через реальный «передний план». Целостность художественного произведения и состоит в единстве реального и идеального слоев. Для Н. Гартмана предмет, в том числе и эстетический предмет, — это целое в его многослойности. Он считает, что «эстетический предмет частично существует совершенно независимо от субъекта»⁴⁾. Возникает проблема способа бытия этого предмета, которая может быть решена в связи с общей проблемой духовного бытия. «Ибо поскольку эстетический предмет существует только «для сознательного существа, то в нем всегда заключено некоторое духовное содержание, по меньшей мере, способность в определенной форме видеть или понимать»⁵⁾.

Любой продукт человеческого духа суть объективация. Форму объективации имеет все, что исторически переходит от прошлых времен в настоящее и воспринимается настоящим как свидетельство духа прежних времен. Духовная жизнь — высшая ступень бытия. И как таковая она основывается на нижних ступенях — на всем многослойном строении реального мира.

А поскольку объективирующий дух является третьей формой проявления духовного бытия, кроме первых двух — личностного (персонально-субъективного) и объективного (исторически объективного), — то он подчиняется закону, гласящему, что духовное бытие не может существовать без подпирających его снизу слоев бытия.

Объективация, как особая форма духовного бытия, не может, по Гартману, существовать свободно витающей, а должна покоиться на другой основе бытия. Она представляет собой не живой дух, а «лишь духовное содержание, продукт духа, творение духа»⁶⁾. Это своеобразие и отличает объективацию от первых двух форм духа — персонально-субъективного духа и исторически объективного. «Она как бы выделена

³⁾ Цитируется по кн.: Т. Н. Горнштейн. *Философия Николая Гартмана*, стр. 46.

⁴⁾ Н. Гартман. *Эстетика*. М., ИЛ, 1958, стр. 125.

⁵⁾ Там же, стр. 125.

⁶⁾ Там же, стр. 127.

из «духовной жизни» и этим освобождена от ее изменения и поэтому может иметь возле нее наличное бытие для себя»⁷⁾). Художественное произведение «принадлежит по роду к особенной форме духовного бытия к «объективированному духу». Это есть объективация, то есть включение духовного содержания в предметность.

Понимание духовного содержания — сложный процесс. Бытие объективации двухслойно. Оно включает в себя чувственный реальный слой и духовное содержание, значение, «смысл», которые начинают выступать как единое целое только по отношению к воспринимающему субъекту. Чтобы проиллюстрировать механизм существования художественного произведения как единого целого, Гартман приводит примеры существования слова и письма. Восприятие художественного произведения как единого целого заключает в себе большую странность, «загадочность». «Загадочность» эта состоит в том, что созерцающий субъект воспринимает «задний план» (идеальное) только через реальный «передний план». И оба эти плана — идеальный и реальный находятся в единстве. Понятие «связанной идеальности», введенное Гартманом для объяснения этого явления, не раскрывает его сути.

То, что кажется загадочным для Гартмана, решает семиотика. Знак всегда является знаком чего-то. Это предмет в широком смысле слова, выступающий для воспринимающего в качестве знака некоторого значения. Значение, в свою очередь, не может существовать без знака. Кроме предметного, выделяют смысловое значение. А. А. Ветров определяет смысловое значение как «след предмета, к которому отсылает знак, след, оставляемый в памяти животного или человека, или в кибернетическом устройстве прошлым опытом»⁸⁾). Слово и выступает в качестве знака потому, что представляет собой совокупность звуков, обладающих смысловым значением и отсылающих слушателя к определенному предмету. Реальный чувственный образ, о котором говорит Гартман, и есть знак, направляющий субъекта к восприятию заднего плана художественного произведения. Гартман улавливает связь духовного содержания, объективированного в реальном образе, и воспринимающего субъекта. Но он не смог объяснить связи реального образа с духовным содержанием. Гартман полагает, что всегда должен соблюдаться закон объективации: «Общий образ двухслоен, и именно с характерной разнородностью слоев как по структуре, так и по способу бытия»⁹⁾).

Реальный образ — слово, краски на полотне и т. д. — существует самостоятельно, а духовное содержание существует лишь в восприятии и «для» воспринимающего. Оно существует как явление, вызываемое эстетическим созерцанием. Реальный образ, воспринимаемый эстетически созерцающим субъектом, начинает вновь превращаться в духовное содержание. Когда-то выделенное из духовной жизни художественное произведение снова должно быть возвращено к ней через восприятие и понимание воспринимающего.

Процесс понимания художественного произведения Гартман связывает с проникновением через слои, из которых оно состоит. Слой в онтологии Гартмана — выразитель закономерного порядка целого. С помощью слоя он выражает целостность реального мира и его образований. Художественное произведение многослойно. Оно является областью человеческого, так как в нем всегда, даже если и не изображен человек, отражаются его помыслы, построения. Но сам человек, по фи-

⁷⁾ Там же, стр. 127.

⁸⁾ А. А. Ветров. Семиотика и ее основные проблемы. М., Политиздат, 1968.

⁹⁾ Н. Гартман. Эстетика. М., ИЛ, 1958, стр. 134.

лософской концепции Гартмана, содержит четыре слоя (материя — организм — духовная жизнь — дух). Поэтому эти слои должны вновь всплыть и в изображении человеческого. В основе эстетического предмета лежат те же слои, что и в основании реального мира: вещь (чувственное) — жизнь — душа — духовный мир. В различных видах искусства каждый из них расщепляется еще дальше.

- Онтические слои реального проявляются в слоях произведения искусства потому, что изображенные предметы входят в более высокие слои и еще сохраняют в себе нижние (объективация «подпирается» нижними слоями). Восприятие произведения искусства основано на отношении проявления, которое идет от одного слоя к другому. В жизни мы связаны нашими чувствами через материально-психический слой бытия, все остальное дано опосредованно. То же самое происходит и в искусстве. В чувственном реальном образе объективировано духовное содержание. Воспринимая передний план, зритель, читатель проникает в глубь произведения. А поскольку передний и задний планы находятся в единстве, то воспринимающий вызывает к «жизни» один за другим все «слои». Они опосредуют друг друга. Без этого опосредования существование произведения искусства невозможно, ибо, по Гартману, в эстетическом предмете воспринимается то, что в нем есть, а также то, чего в нем непосредственно не содержится.

Рассматривая произведения скульптуры, живописи, поэтическое произведение, Гартман показывает, что художественно адекватно настроенный созерцатель видит не только передний план, но и то, что вообще лишено видимости. Перед ним предстают человеческие характеры, судьбы. Проникая сквозь двухмерную плоскость картины, пространство, созданное художником, сквозь слова, зритель, читатель видит внутренним взором целую человеческую жизнь. Гартман вслед за Гуссерлем утверждает, что адекватно воспринимающий субъект — эмоционально удовлетворенный субъект, усвоивший смысл, значение предмета, для которого «полагаемое» и «данное» полностью совпадает. Такое совпадение происходит независимо от усилий человека и его сознания. И отношение проявления не рассеивает загадочности в объективации художественного произведения. Гартман оказался бессильным решить эту проблему. Природы возникновения механизма познавательного акта ни Гуссерль, ни Гартман, усвоивший многое из его теории, не раскрыли. Они не могли объяснить того, что в человеческую познавательную деятельность «вкраплены» и имеют огромное значение как бы «бессознательно» и «механически», «непосредственно» осуществляющиеся «сущности», «безличное» познавательные акты¹⁰).

То, что кажется загадочным и непонятным Гартману, то, чему он не может найти объяснения, задолго до него исследовал К. Маркс. Он показал, что объективация выступает как «чувственно-сверхчувственная, или общественная вещь»¹¹). Эта вещь, обладающая своими собственными природными свойствами, зафиксированными в форме, выражает и такие свойства, которые невозможно выявить чувственным созерцанием. Эти свойства есть общественные свойства и отношения. Маркс показывает, что «между двумя членами отношения» объект (вещественное тело, знак социальных значений) — человеческая субъективность», которые только и даны на поверхности»¹²), устанавливается

¹⁰) Н. В. Мотрошилова. Принципы и противоречия феноменологической философии. М., «Высшая школа», 1968, стр. 85.

¹¹) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, М., Политиздат, 1960, стр. 80—93.

¹²) М. К. Мамардашвили. Анализ сознания в работах Маркса. «Вопросы философии», 1968, № 6.

не та непосредственная прямая связь, которая выявляется на поверхности этого отношения, а существует довольно сложная взаимосвязь. Маркс вводит целое звено, которое как бы выпадает при непосредственном созерцании и показывает, что это целостная система содержательных общественных связей.

Существуют определенные отношения между человеком и реальными предметами. Для него характерна и социальная деятельность, опосредованная реальными предметами. Эстетическое восприятие оказывается не чем иным, как внутренним достоянием обеих деятельностей человека. Ибо эстетическая деятельность человека порождена социально-практической деятельностью. Она возникает в процессе преобразования человеком мира. Индивид в состоянии понять смысл произведения искусства, так как «эстетическое восприятие есть интериоризация эстетической деятельности человека, есть своеобразная редукция этой деятельности в психике»¹³).

Так смысл, предметное значение есть не что иное, как вошедшее в его индивидуальное сознание общественное сознание. Познание человека определяется общественной практикой. Чувства субъекта, его познание обусловлены обществом. Он не оторван от общества, а взаимосвязан с ним.

Маркс показывает, что сознание есть образное присвоение объективации, что индивидуальное сознание человека опосредовано общественным сознанием, оно вторично по отношению к нему. Этого-то и не понял, да и не мог понять Н. Гартман — последователь феноменологической концепции Э. Гуссерля. Но объективности ради заметим, что Н. Гартман, много заимствовавший из учения Э. Гуссерля, решительно выступает против утверждения последнего, что к «предмету можно отнести не только реальные предметы, но и понятия». Художественное произведение, по Гартману, не меняет своего содержания. Его объективация постоянна. Специфика художественного произведения как объективации в том, что его передний и задний планы находятся в неразрывном единстве. Но для других объективаций эта связь может оказаться условной. В качестве примера Гартман рассматривает понятие. В нем меняется «сама объективация соответственно пониманию и потребности живого духа».

Художественное произведение — «крепко замкнутое в себе целое», оно извлечено из жизненных связей, понятие же не является таким замкнутым целым. Эстетическое целое занимает пограничное положение между реальной и идеальной сферами бытия. Художественное произведение, отделяясь от реальных связей жизни, начинает свою самостоятельную жизнь в восприятии созерцающего. Творящий субъект определяет себя в форме, которую он создает. «Произведение в той особой художественной форме, какая ему придана, является свидетельством духа истории, его объективацией, его предметным выражением»¹⁴). Форма и выступает основным моментом объективации, посредником между нами и художником. Она «содержит в себе всю противоречивость эстетически целого — духовного содержания как предметности, наглядности»¹⁵).

Утверждая, что художественное произведение — «крепко замкнутое в себе целое», Н. Гартман рассматривает его с точки зрения струк-

¹³ В. А. Конев. О модели эстетического восприятия. В сб.: «Проблемы моделирования психической деятельности», Новосибирск, 1967, стр. 101.

¹⁴ Н. Гартман. Эстетика. М., ИЛ, 1958, стр. 371.

¹⁵ Л. А. Конева, А. Г. Плиев. Об одной теории эстетических ценностей. В сб.: «Критика современной буржуазной эстетики». М., 1968, стр. 103.

турной организации, прочности связи элементов и отношений между ними. Н. Гартман не сводит произведение к определенной сумме элементов, находящихся в раз и навсегда данной взаимосвязи. Произведение предстает как эстетически целостное в процессе восприятия, но воспринимающий может увидеть в структуре художественного произведения новые связи элементов и отношения между ними.

Рассматривая художественное произведение с позиции восприятия адекватно созерцающего субъекта, Гартман возвращается к доказательству ранее выдвинутой мысли о том, что одно из требований, предъявляемых к художественному произведению, суть его отделение от ощущаемой реальности. И приступая к созданию художественного произведения, творец выполняет это требование, ибо он не воспроизводит все, что видит, а тщательно отбирает детали, изменяет и опускает некоторые из них, учитывая, как они будут восприниматься. Художественное произведение направляет восприятие субъекта, задает ему адекватность точки зрения. Фантазия воспринимающего дорисовывает то, что пропущено автором. Это явление Гартман называет царством являющейся осязательности. И оно возможно потому, что для зрителя художественное произведение заключается в его форме. Понимая под содержанием «материал», т. е. оформление художественного произведения, Гартман сближает понятия «форма» и «содержание». Проследив взаимосвязь формы и содержания, Гартман приходит к выводу: «Художественное содержание есть, по существу, сама форма». Этот вывод правомерен в том плане, что композиционный принцип построения всецело подчинен раскрытию сути произведения. Поэтому каждый элемент формы несет содержательную нагрузку и вне целого теряет свое значение. И именно это единство формы и содержания позволяет замыслу превратиться в произведение искусства, которое начинает существовать по собственным законам и воздействовать на воспринимающего субъекта.

Наслаждаясь произведением искусства, зритель видит дистанцию между реально существующими предметами и тем, что предстает перед ним из художественного произведения, и не путает их.

Восприятие произведения искусства направляется двумя установками. С одной стороны, читатель, слушатель, зритель знает, что мир художественного произведения — особый мир, но он воспринимается им как особая действительность. С другой стороны, воспринимающий понимает, что жизнь, изображенная в произведении, есть образ реальной жизни¹⁶).

Именно эстетически воспринимающий субъект смотрит на творение художника, отмечая и технику создания произведения, и то, что с помощью этой техники создано. Этим он отличается от тех, кто видит только фигуры на живописном полотне, сцену или только пятна красок, т. е. от тех, кто воспринимая отдельные компоненты, не видит художественного произведения. И не может увидеть, так как такое созерцание не является художественным, даже когда оно сопровождается глубоким сочувствием персонажам, тем перепитиям, в которые они попадают. Н. Гартман отмечает, что созерцать — значит, создавать эстетические ценности. Он подчеркивает, что «только» «для» созерцающего и наслаждающегося созерцанием субъекта существует художественное произведение, его ценность. Эстетически воспринимающий субъект обладает художественным созерцанием. А к последнему относится то, что составляет сущность художественного произведения. Глубокое проникновение в произведение, или, другими словами, проявление заднего пла-

¹⁶) В. Ф. Асмус. Вопросы теории и истории эстетики. М., «Искусство», 1968.

на в переднем возможно не всегда, а лишь в том случае, если художественное произведение воспринимает художественно адекватный созерцатель. Это для него становится прозрачным материальный передний план, т. е. пятна красок на полотне, буквы, слова, предложения литературного произведения и т. д., из которых и вырисовываются характеры. По мнению Гартмана, на этом и зиждется все художественное произведение.

Но философ недооценивает сложность «переднего плана», т. е. плана выражения, который обладает структурностью и организацией. Слова соединяются в предложения по определенному принципу, предложения строятся, подчиняясь законам стиля, и т. д.

Гартман считает, что условием существования произведения искусства в веках является его двухслойное бытие. Полнота и богатство, высота эстетической ценности, красота произведения искусства обусловлены многослойностью заднего плана. Произведение искусства утверждает Гартман, прочно удерживает свой задний план. И лишь адекватно созерцающий субъект может проявить его в смене времен и культур.

Гартман верно полагает, что произведение искусства может существовать лишь в интерпретации. Причем интерпретатор должен сохранить основу такой, какой ее сделал художник. Иначе от произведения может не остаться ничего, кроме названия.

Чтобы художественное произведение воздействовало на разных созерцателей как нечто однозначное, необходимо эстетически воспитывать их. Только при этом условии они, расширяя произведение, будут следовать тому руководству, которое исходит из самого произведения. А в нем с удивительной силой дано то, чего больше всего нам не хватает в жизни — руководства, направленного на самую суть дела.

Гартман отмечает две основные функции произведения искусства в жизни человека — «высокое постоянство его бытия и его эстетическое очарование».

Но Гартман не видит воздействия общества на индивида. Он не понимает, что для существования адекватного отражения необходимо воспитывать созерцателя, разъяснять ему значение произведения. И тогда оно с большей силой сможет воздействовать на субъекта. Но это функция не художественного произведения (оно не может разъяснить самого себя), а специального отряда критиков, интерпретаторов, растолковывающих заложенный в произведении смысл, значение.

Если поколение не воспринимает художественные произведения, то они перестают существовать как произведения искусства и тогда существуют в музеях и библиотеках только как вещественно-реальные передние планы. И поэт, и художник, и композитор, создавая произведения, рассчитывают на соавтора, воспринимающего его фантазию. Но достраивающая деятельность соавтора направляется самим автором, всей структурой его произведения.

Актер, музыкант выступают в роли интерпретаторов-соавторов. Ибо трудно найти два идентичных произведения, исполненные разными интерпретаторами. Каждый из них, достраивая до конца произведение, созданное автором, находит в нем то, что импонирует ему, обогащает произведения собственным опытом, мастерством. И вновь возникает проблема, как же существует произведение искусства, если каждый волен его интерпретировать по-своему? Будет ли это то художественное произведение, которое создал автор, или совершенно другое, созданное по его мотивам? Гартман пытается ответить на эти вопросы. Он считает, что произведение, созданное интерпретатором, недолговечно, так

как он формирует произведение в мимолетном материале — звуках слышимой речи, мимике — и потому оно существует мгновения. Произведение же, созданное автором, объективируется в долговечном материале письма. Поэтому оно существует века. Полуконкретность художественного произведения завершается все новыми и новыми поколениями интерпретаторов. И, собственно, существование поэтического (в широком значении) и музыкального произведения есть воссоздание его интерпретатором.

Художник в отличие от созерцателя видит в реальной жизни гораздо больше, он за типичным легко обнаруживает нечто совершенное, его идеальную форму. И создавая идеальные образы, поэты воспитывают на них целые поколения, через произведения искусства указывая людям истинные пути в реальной жизни, создавая этические нормы. Такая связь искусства и жизни необходима для народа, «потому что народу трудно жить без идеала, а показывать ему идеальные образцы может только искусство». И тогда расширится функция искусства — оно будет не только воспитывать, но и радовать людей, ибо, как считает Гартман, в показе явлений и состоит красота произведения искусства.

Сделаем некоторые выводы.

Николай Гартман стремится дать определение художественного произведения и для этого рассматривает его с нескольких позиций. Он решает проблему существования художественного произведения. И для него она, прежде всего, частный случай проблемы объективации. В свою очередь, раскрывая законы объективации, ее особенности, Н. Гартман исходит из анализа форм существования духа, которые в его философской теории связаны со «слоями».

Гартман верно указывает на целый ряд моментов существования художественного произведения как материального объекта и основы для интерпретации, устанавливает взаимосвязь между художественным произведением, его создателем и воспринимающим субъектом. Нельзя не согласиться с положением, что истинно великое произведение искусства переживает время и творца, его создавшего и, благодаря новому прочтению, может стать современным другой эпохе. Но Гартман не понимает, почему это происходит. У него антропологический подход к человеку, он не видит связи личного опыта с общественным, роли общественного опыта, а потому для него общечеловеческое выступает лишь как индивидуальный опыт.

Трудно поверить, что энциклопедически образованный философ не был знаком с произведениями классиков марксизма-ленинизма. Тем не менее, он игнорирует их учение, не признает ленинскую теорию отражения. Противопоставляя идеальное и реальное, а не материальное и идеальное, как это делает марксистско-ленинская философия, Гартман заходит в тупик.

Верно уловив взаимосвязь «заднего плана» художественного произведения, который является носителем идейного содержания, с «передним планом» — реальными образами (пятна красок на полотне, слово), Гартман не смог объяснить этой взаимосвязи.

Подойдя вплотную к семиотике искусства, Гартман останавливается перед ней. И здесь сказалось непонимание Гартманом связи человека с совокупностью социальных отношений. Именно деятельность человека по преобразованию мира, опыт, накопленный предками, и помогает ему понять смысл произведения искусства. Поэтому произведение искусства как объективация не меняется, а его интерпретация в разные эпохи различна, потому что воспринимающий его человек стал другим.

Н. Гартман наметил ряд интересных моментов в рассмотрении проблемы существования произведений искусств, решить которые можно с позиций марксистско-ленинской эстетики.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Б. Целищев. Логическая истина и тавтология	3
В. Н. Костюк. Теория индуктивного рассуждения	11
В. А. Дмитриенко. О соотношении историографии и науковедения	24
Ю. В. Петров. Логический анализ необходимой связи между причиной и следствием	37
Ю. А. Алексеенко. К вопросу о содержании предметных категорий	44
В. Я. Степанов. Физическая относительность и философский релятивизм	51
В. Я. Степанов. Содержание понятия «структура» и вопрос о его категориальности	57
Ф. Ф. Голиков. Проблема научной теории в ранних работах В. И. Ленина	64
М. Н. Терешко. Соотношение источниковой и внеисточниковой информации в историческом исследовании	74
В. А. Дмитриенко. История учений о науке как предмет специальных научных исследований	80
А. В. Воробьев. Авторитет знаний и научное мышление	87
Г. И. Петрова. К определению характера детерминации познавательной активности в обучении	95
В. А. Салин. О чувственном как историческом состоянии знания	103
М. С. Дмитриева. Об экстраполяции метода и развитии теории	107
Г. Д. Дихачев. О влиянии научно-технического прогресса на демократизацию искусства	115
Е. Г. Гуренко. К вопросу о сущности и функциях исполнительского искусства	127
Г. И. Гильбурд. О соотношении истинности и ценности научной и художественной идеи	134
С. М. Хвошнянская. Н. Гарман о художественном произведении и его существовании	144

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И ЛОГИКИ НАУКИ

Выпуск 8

Ученые записки ТГУ, № 90

Томск. Изд. ТГУ, 1975 г. 152 с.

Главный редактор **В. С. Сумарокова**
 Технический редактор **Р. М. Подгорбунская**
 Корректор **Л. С. Могилина**

К306091

Сдано в набор 25/XI-74 г.

Подписано к печати 12/III-75 г.

Формат 70×108¹/₁₆; п. л. 9,5; уч.-изд. л. 11,3; усл. п. 13,3.

Заказ 7436

Тираж 500

Цена 1 руб. 13 коп.

Издательство ТГУ. Томск, 29, ул. Никитина, 17
 г. Томск, типография издательства «Красное знамя»